ЛАРИСА ГЛАДКИХ

А после дождя бывает радуга

Видновское благочиние
Московской епархии Русской Православной Церкви

Управление образования
администрации Ленинского муниципального района
Московской области

Управление по делам молодежи, культуре и спорту
администрации Ленинского муниципального района
Московской области

Ленинское отделение
Московской областной организации
Союза писателей России

СЕРИЯ

ПОБЕДИТЕЛИ
ЕЖЕГОДНОГО ПРАВОСЛАВНОГО РАЙОННОГО
КОНКУРСА ЛИТЕРАТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА
«БЛАГОСЛОВЕНИЕ»
НА ПРИЗ АЛЬМАНАХА
ВИДНОВСКОГО БЛАГОЧИНИЯ
«ПИСЬМО К ТВОЕЙ ДУШЕ»

ЛАРИСА ГЛАДКИХ

А после дождя бывает радуга

Видное 2013

Лариса Гладких. Авторский сборник. А после дождя бывает радуга.

© Издание Местной религиозной организации православного прихода
Успенского храма г. Видное Московской области
Московской епархии Русской Православной Церкви, 2013.
Подписано в печать 18.11.2013. Заказ №2285.

ISBN 978-5-906500-02-1

Адрес редакции: 142700, МО, г. Видное,
Белокаменное шоссе, Успенский храм. Тел./факс 8 (495) 541-53-22.
Отпечатано в ГУП МО “Коломенская типография”. ИНН 5022013940.
140400, МО, г. Коломна, ул. III Интернационала, д. 2а. Тел. 8 (496) 618-60-16.
Т. 1000 экз. Формат 130x200, 17, гарнитура Minion Pro.

Ответственные за издание
иеромонах Софроний (Горохольский), А.П. Зименков

Иллюстрации
О.В. Подивилова

Технический редактор
Э.А. Коберидзе

Дизайн, верстка
Д.С. Сухарев

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Благочинный церквей Видновского округа протоиерей Михаил Егоров; помощник благочинного церквей Видновского округа, член Союза писателей России иеромонах Софроний (Горохольский); заместитель главы администрации Ленинского муниципального района — начальник Управления образования О.Ф. Титова; начальник отдела воспитательной работы и дополнительного образования Управления образования администрации Ленинского муниципального района О.В. Жданова; начальник Управления по делам молодежи, культуре и спорту администрации Ленинского муниципального района М.И. Шамаилов; член Правления Московской областной организации Союза писателей России, председатель районного литературного объединения имени Ф. Шкулева А.П. Зименков; директор МКУК «Межпоселенческая библиотека» Т.В. Лукашева; заведующая отделом экономики и права редакции газеты «Видновские вести» МАУК «Видновская дирекция киносети» Э.А. Коберидзе; руководитель методического объединения учителей русского языка и литературы Ленинского муниципального района Г.Н. Емельянова; руководитель детской литературной студии «Слово» и молодежной литературной студии «Акцент» Г.Т. Логинова.

Приветственное слово
председателя Миссионерского отдела
Московской епархии
Русской Православной Церкви
протоиерея Михаила Егорова

В 2012 году на Видновской земле было положено начало интересному и, как впоследствии оказалось, очень нужному делу — Ежегодному православному районному конкурсу литературного творчества «Благословение» на приз альманаха «Письмо к твоей душе».

Сердечно благодарю Управление образования и Управление по делам молодежи, культуре и спорту администрации Ленинского муниципального района, а также Ленинское отделение Московской областной организации Союза писателей России за поддержку этого благого соработничества.

Приобщение авторов к возрождению духовно-нравственных традиций отечественной литературы, привлечение общественного внимания к альманаху «Письмо к твоей душе» и издание авторских книг победителей — вот основные цели конкурса.

Как раз сейчас вы держите в руках сборник одного из победителей. Он наполнен особым, глубоким, трогательным переживанием окружающего мира, талантливо выраженным словами. И мне хочется отметить важность такого творчества, необходимость поддержки авторов, способных увидеть добро и рассказать о нем всем для того, чтобы через чтение хорошей литературы мы могли задуматься о Вечных Истинах. А через это возбудить себя на творение и созидание добра и красоты в окружающем нас мире!

Молитвенно желаю организаторам и участникам конкурса, всем авторам и читателям помощи и благословения Божия, чистого ума и сердца, стремящегося к Богу и жизни по Его заповедям!

Приветственное слово председателя Правления Московской областной организации Союза писателей России, члена Исполкома Международного сообщества писательских союзов, секретаря Правления Союза писателей России Льва Константиновича Котюкова

В России задача писателя никогда не сводилась к простому сочинению стихов, рассказов, повестей и романов. Лучшие и честнейшие из них относились к своему делу как к общественному служению, как к исполнению важной духовно-нравственной миссии. Их целью было, используя силу художественного слова, сеять разумное, доброе, вечное.

Сегодня, в условиях рыночной экономики, эти высокие цели, к сожалению, отступили на второй план.

Именно поэтому Московская областная организация Союза писателей России с таким большим вниманием и интересом отнеслась к проведению в Ленинском районе конкурса «Благословение», который стремится соединить литературное творчество с непреходящими ценностями православия и великими гуманистическими традициями русской литературы.

Искренне благодарю организаторов этого конкурса — благочинного церквей Видновского округа протоиерея Михаила Егорова и его помощника иеромонаха Софрония (Горохольского) за чрезвычайно важную и актуальную в сегодняшних обстоятельствах инициативу.

Желаю конкурсу «Благословение» успешного и долгого будущего, а его участникам — ярких творческих достижений.

От автора

Как жаль, что нет на земле такого места, где раздавали бы всем желающим зонты от всякой жизненной непогоды. Я бы набрала там уйму таких зонтов для всех моих многочисленных героев. Кому-то очень нужен зонтик от дождя одиночества, кому-то — от дождя нелюбви, кому-то — от дождя предательства, а кому-то — от дождя старости.

Может быть, и есть на земле такие счастливые люди, которым этот зонтик совсем не нужен, но я что-то за всю свою жизнь таких людей не встречала.

Мои герои — обычные люди, вот и попадают они под проливные дожди жизненных невзгод, и промокают до нитки, и болеют, и даже умирают.

И все-таки никогда не надо отчаиваться. Спасение от всех бед есть. Я точно знаю. Это вера, это надежда, это любовь. Вера в то, что дожди и невзгоды в жизни человека не вечны. Надежда на то, что тучи бед и несчастий растают, проглянет ласковое солнце, согреет всех своим теплом, и красавица радуга распахнет над миром свои разноцветные крылья любви. Надо только молиться и верить, надо только терпеть и надеяться, надо только прощать и любить всех. И тогда никакие земные беды не страшны.

Ведь даже самые маленькие дети давно уже знают, что после грустного дождя бывает веселая радуга.

Один мой знакомый маленький мальчик нарисовал радугу, а под ней —много-много людей, и все улыбаются.

— А чему это они все у тебя так радуются? — удивленно спросила я.

— А ты что, не понимаешь, что ли? — удивился малыш в свою очередь. —Радуга же значит радость…

Невыносимая легкость бытия

Глагол будущего времени

Три члена семьи проснулись утром в очень хорошем настроении и только одна Надежда — в плохом. Вообще-то она проснулась давно, но лежала с закрытыми глазами и мысленно подсчитывала все дела, которые ей предстояло сделать за сегодняшний день. На сто двадцать втором пункте у нее закружилась голова и, как говорит младшая дочь Надежды Соня, когда решает очень трудную задачку по физике, у нее закипели мозги.

Соня проснулась радостная. Весна. Сегодня у ее подружки Леночки день рождения, и Соня собиралась к ней в гости после уроков. Сын Надежды Женька проснулся радостный, потому что у него сегодня намечалась романтическая встреча с новой знакомой из медицинского института. Муж Надежды проснулся радостный: сегодня в Москве в «Лужниках» играет его любимая футбольная команда, и ему случайно достался один билетик.

Последней каплей в переполненную проблемами бедную голову Надежды стала тройная пара грязной обуви в коридоре. В Москве — весна, слякоть. Грязная обувь всех членов семьи Надежду доконала.

— Я требую выплачивать мне зарплату как квалифицированной прислуге с высшим образованием, — заявила Надежда своим домашним за завтраком. — Знаете, сколько стоит труд прислуги в каком-нибудь пятизвездочном отеле? Я тоже не знаю, но почему-то думаю, что много. Я вырастила эгоистов и нахлебников, — Надежда посмотрела на своих детей. — Я уже не говорю про то, что вы не моете за собой посуду, не убираете в квартире, не стоите у плиты и много-много других «не». Так вы решили еще и обувь свою чумазую на утро мне оставлять. Совести у вас совсем нет. И у тебя тоже, — Надежда посмотрела на своего мужа.

— Я сейчас помою, прости, — сказал муж.

— И мы свою тоже помоем, — хором сказали дети.

— Помою, уберу, одни глаголы будущего времени, — сказала Надежда мужу и детям.

В этот момент Надежда вспомнила свою учительницу по русскому языку. У учительницы был большой пучок на самой макушке головы, и когда она во время урока этой головой качала, Надежда всегда боялась, что пучок упадет. А учительница эта была очень строгая, и Надежда все правила по русскому языку помнит до сих пор наизусть и пишет без ошибок.

— Вот умру, — продолжала Надежда, — отец женится, приведет вам мачеху, тогда узнаете, почем фунт лиха. И гладить, и стирать, и готовить, и убирать, и обувь мыть, кстати, быстро научитесь. Будете у мачехи как шелковые. Вспомните тогда родную мать, да поздно будет.

Надежде стало самой очень жалко себя, и она заплакала.

— Ну ладно тебе, мам, — сказал расстроенный сын и пошел в коридор за обувью.

Градус настроения в семье резко упал, и все уходили из дома хмурые.

Соня в этот день не пошла на день рождения к подружке. В школе во время уроков она все время думала о маме. Когда Соня возвращалась из школы домой, то у своего подъезда она увидела «скорую помощь». У Сони екнуло сердце. Со стороны метро к дому в этот момент подошли Сонин брат Женька и отец. Они тоже отменили на сегодня все свои дела и торопились домой. Женька не пошел на романтическую встречу, а отец отдал другу свой билет на футбол.

Все трое застыли около «скорой помощи» как вкопанные. Первой опомнилась Соня.

— На какой этаж? — спросила она у водителя.

— На пятый, — ответил тот.

Соня рванула первая, за ней — Женька, за Женькой — отец.

Лифт был занят, и они побежали на пятый этаж пешком. Длинноногий Женька быстро перегнал сестру и добежал до квартиры первым. Дверь открыла сама Надежда.

День у нее сегодня сложился просто прекрасно. Она все успела. Да еще начальница отпустила весь отдел пораньше, и Надежда даже сделала незапланированное сто двадцать третье дело — напекла своим домашним блинчики с творогом.

— Вы что как чумовые? — спросила Надежда, посмотрев на запыхавшихся детей и мужа. — Мойте руки, и пошли ужинать.

— Мам, — сказала Соня и без сил присела на корточки прямо в прихожей, прислонившись спиной к стене, — ты нас так больше не пугай. А то: умру, умру... У меня чуть сердце из груди не выпрыгнуло.

— А я вас и не пугала, — ответила Надежда дочери. — Это просто глагол... будущего времени...

Открытка с видом на море

В трех семьях на разных концах Москвы почти одновременно разгорелся скандал. Причиной всех скандалов была Аннушка. Если бы сама Аннушка об этом узнала, она бы очень расстроилась, потому что от самого своего рождения была абсолютно бесконфликтным человеком. Именно про таких, как Аннушка, говорят, что «она и мухи не обидит».

Аннушку любили все: и люди, и животные. А особенно бездомные собаки, которых она постоянно подкармливала.

Аннушка очень хорошо готовила, и у нее дома часто собирались гости. Аннушка отлично вязала, и этим бессовестно пользовались все ее родные и друзья. Аннушкины знакомые женатые мужчины сетовали на то, что не встретились с ней до своей женитьбы. Женатые мужчины хорошо понимали, что из Ан-

FLORIDA
NEW YORK
Russia, Moskow
st. Lenina, 5/10
Petrova Elena
Grigorievna
AIR MAIL

нушки получится идеальная жена. А все Аннушкины знакомые холостые мужчины думали про себя, что Аннушка никуда от них не денется, из нее, конечно, получится отличная жена, но можно попробовать поискать и другие варианты.

Холостяки остались у разбитого корыта. В Аннушку с первого взгляда влюбился очень состоятельный американец и увез ее в свою далекую Америку.

Первое письмо и открытку с видом на море Аннушка прислала своим подружкам по работе примерно через год. Она писала о том, что очень счастлива, что живет в огромном доме на самом побережье Тихого океана, объедается спелыми калифорнийскими грушами, которые растут у нее в саду, любуется птичками колибри, которые в большом количестве летают вокруг ее дома. А еще Аннушка писала, что они с мужем никогда не закрывают на ночь окна. Вокруг них в горах растет огромное количество эвкалиптов, и у них там самый чистый и здоровый воздух в мире. По выходным они с мужем катаются в занятных вагончиках канатной железной дороги и, задрав головы, глазеют на небоскребы Сан-Франциско или гоняют альбатросов на острове Алькатрас...

Три Аннушкины подруги долго молчали после того, как прочитали Аннушкино письмо. Альбатросов, колибри, эвкалипты, калифорнийские груши и чистейший в мире воздух нужно было хоть как-то переварить с учетом того, что в окна их отдела заглядывала пасмурная, серая, неприветливая Москва.

Скандал в Ясеневе вспыхнул мгновенно, как сказали бы химики, «со взрывом», и быстро закончился хлопнувшей на весь подъезд входной дверью.

Лена была очень терпеливым человеком, но Аннушкино письмо что-то в ней перевернуло. Лена пришла с работы и увидела старую картину, которую наблюдала уже второй год. Муж, как всегда, лежал на диване с книгой в руках. Уже второй год муж Лены не работает, он попал на своем заводе под сокращение. В первое время у него была сильнейшая депрессия, и Лене его

было очень жалко. Она старалась ничем его не обидеть, а просто молча впряглась в семейную телегу и повезла ее изо всех сил. А в телеге — неработающий, сокращенный муж и сын-школьник. Шли недели, месяцы, а муж никак не мог найти себе работу по душе. Все его что-то не устраивало.

— Я пять лет пахал в институте как проклятый, — возмущался муж Лены, — а они мне место слесаря предлагают.

Лена часто брала у подруг деньги в долг. Одной ее зарплаты на троих категорически не хватало. Себе Лена отказывала практически во всем. Подруги предупреждали ее, что она посадила себе на шею мужа-нахлебника и везет. Но Лена все ждала, что муж устроится на работу и им материально станет полегче.

После Аннушкиного письма Лена пришла домой и сказала своему мужу все, что она о нем думает. Ключевым словом ее монолога-экспромта было слово «трутень».

— Нормальные мужики хватаются за любую работу, чтобы семью прокормить, а ты за целый год и батона хлеба в дом не принес, не говоря уже о калифорнийских грушах, — добавила Лена, вспомнив Аннушкино письмо.

Входная дверь с грохотом врезалась в свой родной косяк как раз на «калифорнийских грушах».

Муж Лены вернулся домой через несколько дней с тремя сумками продуктов, набитыми до отказа.

— Я устроился тут недалеко в одной хорошей фирме электриком, — доложил он Лене. — Они даже пообещали мне со временем место инженера и выдали аванс. Я на все деньги продуктов накупил. Только, знаешь, — муж как-то испуганно посмотрел на Лену, — калифорнийские груши я нигде не нашел. Никто на рынке про такой сорт даже и не слышал.

Наташа жила в Москве на Сухаревской. Ее родители, как только вышли на пенсию, съехали на постоянное место жительства в деревню, а Наташа осталась одна в большой трехкомнатной квартире. Время бежит быстро. Наташины одноклассники

уже водили своих детей за ручку в школу, а Наташа еще даже не была замужем. Она все ждала и ждала. Ждала, когда ее любимый мужчина сделает ей предложение. Любимый мужчина Наташи много работал, много ездил по командировкам в разные страны, привозил Наташе дорогие безделушки со всех концов света, а с предложением о замужестве все молчал. Смотри, предупреждали Наташу подруги, упустишь свое время и останешься одна. А мужчины вне возраста. Они и в шестьдесят лет все еще женихи.

Наташа приехала домой с работы и, не раздеваясь, решительно подняла телефонную трубку.

— Если ты в ближайшее время не сделаешь мне предложение выйти за тебя замуж, — сказала Наташа своему любимому мужчине, — я сама тебя брошу и буду устраивать свою жизнь без тебя. Куплю себе путевку на море, познакомлюсь там с хорошим, даже очень хорошим мужчиной, — добавила Наташа, чуть-чуть подумав. — Мы поженимся и будем жить счастливо. А по выходным будем ездить на острова и гонять там альбатросов, — сказала Наташа, вспомнив письмо Аннушки.

— А зачем их гонять? — искренне удивился Наташин любимый мужчина.

— Так надо для полного счастья, — ответила Наташа и бросила трубку.

Любимый мужчина приехал к Наташе в тот же вечер с огромным букетом цветов, а на следующий день они пошли подавать заявление в ЗАГС.

Ирина до своего дома не дошла, а еле-еле доплелась. Ноги несли ее вперед, а руки с тяжелыми сумками тянули назад. По дороге с работы Ирина, как всегда, забегала в овощной, в мясной, в молочный.... Ее сумки очень быстро тяжелели и тянули Ирину к земле. У Ирининого мужа и двух детей-подростков — очень хороший аппетит, и холодильник пустеет с космической скоростью.

Ирина приземлила свои тяжеленные сумки в прихожей и, дойдя до дивана в большой комнате, приняла горизонтальное положение. Ей очень хотелось плакать, не хватало только последней капли боли.

— Иришка, ты что, заболела? — заботливо спросил муж, когда вошел в комнату.

Ирина разрыдалась. У нее началась истерика. Прибежали испуганные дети. Никто ничего не мог понять. Ирина сквозь слезы говорила про калифорнийские груши, про эвкалипты, про каких-то пеликанов и альбатросов, про колибри...

— Колибри — это птички такие, самые маленькие в мире. Они еще похожи на летающие цветы. Мы по биологии проходили, — сказал умный Иринин младший сын, и она заплакала еще сильнее.

На следующий день Ирина со всей семьей уезжала на все лето на дачу. Муж Ирины купил в соседней деревне, по случаю, подержанный мотоцикл с коляской, и они объездили на этом старом драндулете все ближайшие к их даче окрестности. Погода все лето только радовала. Во всю силу стрекотали кузнечики, в волосах застревали парашютики от одуванчиков, по голым рукам ползали нарядные божьи коровки и щекотали кожу своими лапками, а бездонное подмосковное небо поддерживали купола православных храмов. Любящий муж, здоровые и веселые дети, теплое лето, старый драндулет с коляской, кузнечики, ромашки, земляника... Это было самое счастливое лето в жизни Ирины.

Когда они вернулись в Москву, в почтовом ящике их ждало второе письмо из Америки и открытка с видом на море.

Я знаю конец этой сказки

Ген одиночества передавался в семье из поколения в поколение исключительно по женской линии.

Красавица Анна осталась одна с маленькой дочкой на руках, когда ее муж сбежал с ее лучшей подругой. С тех пор Анна решила, что лучших подруг у нее больше никогда в жизни не будет. Анну несколько раз звали замуж вполне приличные мужчины, но она решила, что главное в ее жизни — вырастить дочку, и всю силу своей нерастраченной любви отдала именно ей. Анна совсем не чувствовала себя ущербной одинокой женщиной с ребенком, кроме тех редких случаев, когда маленькая дочка спрашивала у нее про папу. Время шло, дочка подрастала и вопросы про своего отца задавала все реже и реже.

Анна мечтала, что когда ее дочка Лена вырастет, то обязательно, в отличие от нее самой, будет счастлива в семейной жизни.

Как гром среди ясного неба дошла до Анны весть, что ее дочка увела из семьи женатого мужчину.

— На чужом несчастье счастье не построишь, — предупреждала Анна свою дочь.

— Мам, он такой хороший, — говорила Лена, — он так красиво ухаживает, как в сказке. Он обязательно разведется с женой и женится на мне.

Лена лихорадочно бегала по квартире и собирала, как попало, свои вещи, швыряя их в дорожную сумку. Никакие вразумления на дочь не подействовали, и она ушла.

Через месяц дочь вернулась домой, а через девять месяцев у нее родилась дочка Полинка, внучка Анны. Полинкиного отца Анна так никогда и не видела. Полинка, когда была маленькой, думала, что мама, бабушка и она — это и есть полная настоящая семья.

Лена мечтала, что Полинка вырастет, удачно выйдет замуж и будет очень-очень счастлива в своей семейной жизни.

На втором курсе института Полинка заявила маме и бабушке, что влюбилась, бросает институт и уходит жить к любимому человеку.

— Мам, — говорила она Лене, — он похож на сказочного принца. Мне все девчонки в институте завидуют. Он так красиво ухаживает, как в сказке.

— Так нельзя, — говорила ей мама. — Надо официально расписаться и сделать все по-человечески.

Никакие вразумления на дочь не подействовали, и она ушла, махнув на прощанье рукой.

Дочь Лены Полинка вернулась домой через год, а через несколько месяцев у нее родилась дочка Сонечка, внучка Лены и правнучка Анны. Отца Сонечки ни Анна, ни Лена никогда в жизни не видели.

Сонечка росла на радость маме, бабушке и прабабушке разумным и смышленым ребенком. Сонечка любила сочинять рассказы и сказки, и первым ее слушателем почти всегда была бабаня, так Сонечка называла свою прабабушку Анну.

— Над некоторым царством-государством однажды пролетал волшебный белый лебедь, — рассказывала Сонечка прабабушке свою очередную сказку, — и уронил три своих волшебных перушка (Сонечка так и говорила: «перушка» вместо «перышка»). Все перушки попали в руки маленькой девочки Сонечки. Эти перушки были волшебные-преволшебные и исполняли любое желание. Хочу, сказала девочка Сонечка, чтобы моя бабаня и бабушка Лена никогда не болели и жили долго-долго и всегда. Хочу, чтобы второе перушко принесло моей маме побольше радости. Я люблю, когда моя мама улыбается. А для себя я попрошу у третьего перушка красивого принца, как в сказке про Золушку. Принц влюбится в меня и увезет в свою волшебную сказочную страну.

От слов правнучки у Анны как-то неприятно защемило в области сердца. Два раза в своей жизни Анна уже слышала про живых принцев, но еще ни одного из них не видела своими собственными глазами. Слезы у Анны заплескались в глазах и пошли через край.

— Не плачь, бабаня, — успокаивала Сонечка прабабушку. — Все будет хорошо, я ведь знаю конец этой сказки. Когда волшебный лебедь полетит над этим царством-государством в обратную сторону, то он сбросит на землю уже не три, а много-много волшебных перушков. Они будут лететь, как снежинки зимой, и тогда все люди смогут исполнить свои желания, потому что волшебных перушков хватит на всех, я же точно знаю конец этой сказки...

Я сошла с ума. Извините

Я озверела где-то между «Таганской кольцевой» и «Добрынинской».

Куда ехала такая толпа народа, — я не знаю. Я, лично, ехала с работы. Вагон метро растрясло, и все тела приняли оптимальное в данных стесненных вагонных условиях положение. Мой нос уткнулся в чей-то рюкзак, на котором огромными буквами было написано «БРАЗИЛИЯ». Моя озверевшая физиономия отразилась в ближайшем оконном стекле, и мне самой стало страшно. Я гавкнула голосом нашего пса Пирата. Рюкзак передо мной подпрыгнул от неожиданности и больно ударил меня по дыхательному органу по имени нос.

— Лечиться надо...

Мне показалось, что это бразильский рюкзак послал меня человеческим голосом далеко и надолго.

В поликлинике мне достался самый последний талончик к психиатру.

— Что за день, — удивлялась старушка в регистратуре, — осеннее обострение у психов: и идут, и идут, и идут...

— Я сошла с ума, извините, — сказала я, войдя в кабинет врача.

Врач устало кивнул. Что он, психов не видел?

— Мой сын — хронический двоечник, муж меня не любит, а только терпит. Даже собственная собака меня за человека не считает. А в метро меня оскорбляют и... посылают.

— Далеко? — заинтересовался врач.

— В... Бразилию, — я вспомнила рюкзак перед своим носом.

— Ну, это не так уж и далеко, — вступила в разговор медсестра. — Бывает, посылают еще дальше. Послали бы меня куда-нибудь на Канарские острова, например. Я бы с удовольствием...

Медсестра пошла переодеваться, у нее закончился рабочий день.

— Так Вы думаете, мне соглашаться на Бразилию? — крикнула я ей вдогонку.

— И думать нечего, соглашайтесь, — медсестра хлопнула дверью.

— Пространственная шизофрения, — констатировал врач. — Восьмой случай за день. Или даже девятый. Эпидемия, — врач посмотрел в сторону недавно хлопнувшей двери.

— Да, а я еще и лаять начала, — вспомнила я.

— Попробуйте попить что-нибудь успокоительное, — психотерапевт пошел переодеваться. У него закончился рабочий день.

— Я сошла с ума, извините, но мне срочно надо в Бразилию.

Девушка из турагенства устало посмотрела на меня. Что она, психов не видела?

— Мне бы побыстрее и подешевле, — я вовремя вспомнила про свой тощий и вечно голодный кошелек.

— Рейс завтра: устроит?

— Устроит.

— Бесплатно: устроит?

— Устроит.

— Только одно условие.

— Какое?

— Навсегда.

— Как это?

— Без права возвращения назад.

Я вспомнила про сына-двоечника, про нелюбящего, безразличного мужа, про ежедневную давку в метро. Я вспомнила свою озверевшую физиономию и... согласилась.

— А где я там буду жить?

— Вилла на океанском побережье в пожизненное пользование.

Я гавкнула голосом нашего пса Пирата.

— Я сошла с ума. Извините.

Девушка подала мне толстый конверт.

— Бывает.

Что она, психов не видела?

Из троих моих мужчин дома был один Пират. В семейной иерархии я, по мнению Пирата, занимала самую низкую ступеньку, где-то ниже плинтуса, и особого восторга от моего появления дома он не выражал.

Я достала толстый конверт.

— Билет в Бразилию. Понял? — Пират кивнул. — Навсегда. Понял? — Пират опять кивнул. — А еще документы на виллу в пожизненное пользование.

Я сняла сапоги. Ноги от осенней московской слякоти сильно промокли.

— А в Бразилии всегда тепло, и осени никогда не бывает, — я гавкнула на Пирата, и он обиделся.

— Мам, поздравь меня. У меня по физике «тройка». Наш физик сказал, что эта «тройка» с плюсом как маленькая «четверка».

— А как у тебя с географией?

— Нормально. Я реферат про Бразилию написал.

— И как? Хорошая страна?

— Да так. В мировом масштабе —провинция. Задворки мира.

Пришел муж.

— Сегодня наши с Бразилией играют, — с порога сказал муж. — До телевизора не дотрагиваться. Мусор из дома не выносить: плохая примета.

Пират от одного вида моего мужа чуть из шкуры своей не выпрыгнул от радости. По иерархии Пирата муж стоит на самой высокой ступеньке, где-то рядом с солнцем. Я кормлю Пирата, гуляю с ним, но выше обслуживающего персонала в его глазах так и не поднялась.

Наша сборная проиграла бразильцам, что и следовало ожидать. Муж отказался от ужина, лег на диван и отвернулся к стене. Пират поскулил, поскулил рядом с ним, накрылся своими длинными ушами и сделал вид, что спит. Сын безуспешно воевал с задачкой по алгебре. Мои мужчины нуждались в инъекции надежды. Муж — на победу нашей сборной, пес — на внимание хозяина, сын — на озарение.

Я с трудом втиснула свои ноги в мокрые сапоги.

— Девушка, я пришла вернуть билет в Бразилию. Не поеду я. Не могу.

Девушка посмотрела на меня устало, но не удивленно. Что она, психов не видела?

— Вас что-нибудь тут держит? — спросила она.

— Держит. Якорь надежды на любовь мужа. Якорь любви к сыну-двоечнику. И очень много чего еще.

Я посмотрела на заплаканное осеннее окно и неожиданно запела гимн Советского Союза. Когда я училась в школе, текст гимна был написан на всех тетрадях в линейку, и я его хорошо запомнила. На втором куплете ко мне присоединилась девушка из турагенства, и мы допели дуэтом.

В метро было совсем пусто. Из окна напротив на меня смотрела психически безнадежно больная женщина с вытаращенными безумными глазами. Но я не испугалась. Что я, психов не видела?

Два пишем, три в уме

Макаров был очень доволен. Он посмотрел на свою переполненную новогодними подарками тележку и улыбнулся. Макаров представил себе восторг детей, когда они увидят под елкой все его подарки. Он уже собрался идти к кассе, когда его окликнули.

— Ученик Макаров, это Вы?

— Я, Капитолина Васильевна, — ответил Макаров.

Он сразу же узнал свою школьную учительницу по математике.

— По Вашему довольному лицу, ученик Макаров, я вижу, что жизнь Вас радует.

— Очень радует, Капитолина Васильевна, — честно признался Макаров.

Капитолина Васильевна всегда обращалась к своим ученикам на «Вы» и по фамилии. Макаров ее любил, но побаивался. Зато математику знал очень хорошо.

КОНСЕРВЫ
МОЛОКО

— И чем же Вас жизнь так радует, ученик Макаров? — спросила Капитолина Васильевна. — Семья, дети?

—Да, семья, дети.

— И сколько же у Вас детей, ученик Макаров?

— Две дочки. Одной пять лет, а другой девять. Вот новогодние подарки им покупал, — Макаров кивнул на свою переполненную коробками тележку.

— Да, как мне кажется, девочки в машинки не играют, а у Вас тут целый автобусный парк.

— Скажу Вам честно, Капитолина Васильевна, а Вам я врать не могу, у меня есть еще сын от другой женщины. Ему три годика. Так что, как Вы нас учили на уроках математики: два пишем, а три в уме. Задачка-то совсем несложная.

— Да нет, ученик Макаров, — вздохнула Капитолина Васильевна, —задачка как раз очень сложная. Получается, что все несчастны. И дети, у которых Вы, ученик Макаров, приходяще-уходящий папа, и, конечно, обе женщины. Мне их очень жалко.

— Да что Вы, Капитолина Васильевна, все очень счастливы, — Макаров вдруг так испугался, что не успеет доказать Капитолине Васильевне, как все счастливы, что даже схватил ее за руку. — Я всех их люблю одинаково, честно. Всю зарплату делю ровно пополам, без вранья. Половину одним, а половину другим. А мне лично вообще ничего не надо. И время свое я делю поровну: день у одних, и день у других.

— Какой ужас, — ахнула Капитолина Васильевна и даже всплеснула руками.

— Да нет, я же говорю, что все счастливы, — убеждал Капитолину Васильевну Макаров. — Вы бы видели радостные глаза дочек и сына, когда я прихожу.

— А когда уходите? — тихо спросила Макарова Капитолина Васильевна.

Макаров вдруг представил себя учеником. Он стоит у доски и отвечает все, что он дома выучил. Он все знает, он же учил, а учительница ему почему-то не верит.

— Вы, случайно, не турецкий султан, ученик Макаров? — спросила Макарова Капитолина Васильевна. — Это у них только там многоженство приветствуется.

— Ну нет, Капитолина Васильевна. Я не султан, конечно, но так уж получилось. Я ведь никого не бросил, ни от кого не отказался. Всех люблю, всем помогаю, всем рад, и мне все рады. Я это чувствую, да это и так видно.

— Ученик Макаров, — сказала Капитолина Васильевна, — Вы меня разочаровали. Если бы мы сейчас были в школе, я бы поставила Вам по математике «двойку».

— За что «двойку»-то, Капитолина Васильевна? — спросил ошарашенный Макаров и чуть не добавил, что он же все выучил.

Капитолина Васильевна развернулась к Макарову спиной и пошла по своим делам.

Макаров несколько минут стоял, как замороженный. Он мысленно продолжал разговор с Капитолиной Васильевной. Ну, за что — «два»? Обидно, честное слово. Макаров посмотрел на переполненную подарками тележку. За что — «два»? Задачка-то ерундовая: два пишем, а три в уме.

Макаров оплатил на кассе все свои покупки и загрузил их в машину.

— Да Вы, Капитолина Васильевна, никогда меня не любили. У Вас один только любимчик был в нашем классе — «ботаник» Сидоров. Только ему Вы одни «пятерки» и ставили. А я за свою «четверку» пахал Вашу математику и день, и ночь. Ну, за что, за что мне — «два»? — все никак не мог успокоиться Макаров и чувствовал себя несправедливо обиженным. А он так старался, чтобы все были счастливы.

Через много-много лет Макаров вдруг вспомнит эту случайную встречу с Капитолиной Васильевной и поймет, что его «двойка» по математике была заслуженной. Задачку свою он так до конца и не решил. Сам измучился, других измучил, а счастливым никто так и не стал. Хоть и задачка-то была совсем, вроде, несложная: два пишем, а три в уме.

Кошка, собака и я

Как только наши сыновья-близнецы пошли в первый класс и им стали задавать домашнее задание, наша квартира стала похожа на сумасшедший дом и палату номер шесть одновременно. Особенно тяжело приходилось с домашним заданием, к которому учительница просила подходить творчески. Мой муж с очень серьезным физико-математическим образованием требовал четкого, строго по инструкции, выполнения поставленной задачи, а я, с хорошим гуманитарным образованием, предлагала эмоционально окрашенное решение, что, на мой взгляд, намного ближе к слову «творчество». Мы с мужем долго спорили. Каждый доказывал свою правду. Потом, незаметно для самих себя, мы переходили на личности. Муж первым произносил слово «развод», а я говорила в ответ, что моя девичья фамилия мне всегда нравилась больше. Что толку, говорила я своему мужу, жить вместе, если наша кошка и наша собака понимают меня лучше, чем родной муж.

Спор заканчивался тем, что муж с одним сыном-близнецом уходил в другую комнату и писал там с ним осеннее сочинение о том, как осенью разноцветные листья падают с деревьев под действием силы тяжести, потому что теряют точку опоры. А я с другим сыном-близнецом писала осеннее сочинение о том, как здорово осенью шлепать по лужам, когда брызги веером разлетаются в разные стороны и в каждой капельке воды отражается лучик солнца.

Однажды, по дороге с работы домой, я купила в театральном киоске билеты в Кремлевский дворец съездов на балет «Лебединое озеро» для всей нашей семьи. Утром, прямо в день спектакля, неожиданно выпал первый снег, и муж предложил поменять балет на лыжи, снежки и снежную бабу. Дети были в восторге, а моему возмущению не было предела. В театр меня провожали только верные кошка и собака. Они в нашей семье понимают меня лучше всех.

Лишний билетик на дневной спектакль «Лебединое озеро» у меня стали спрашивать уже в метро. Я очень быстро продала три билета молодым родителям с маленьким мальчиком. Мальчик, как потом оказалось, был ровесник моих сыновей.

В антракте родители мальчика пошли в буфет, а мы с ним разговорились. Мальчика звали Кирилл.

— Ты кем хочешь стать, когда вырастешь? — спросила я у Кирилла.

— Сначала я стану врачом и буду лечить людей, — рассказывал мне Кирилл. — Так очень хочет моя мама. А потом я стану музыкантом, так хочет мой папа. Я сейчас учусь в музыкальной школе. А потом, когда я побуду врачом, чтобы не обижать маму, и музыкантом, чтобы не обижался папа, я буду работать таксистом. Мне очень нравятся машины. Я буду возить разных людей, куда они захотят, а в дороге буду рассказывать им сказки, чтобы им не скучно было.

— Здорово, — улыбнулась я. — Таксиста, который рассказывает пассажирам сказки, я в своей жизни еще не встречала.

Во дворе нашего дома после театра меня ждали муж с сыновьями-близнецами и снежная баба с морковкой вместо носа. Щеки у детей были красные он мороза и свежего воздуха, лица счастливые, и я быстро забыла про все свои обиды.

В воскресенье надо было писать очередное сочинение про зиму. Сначала мы долго спорили, а потом поругались. Мой муж с очень серьезным физико-математическим образованием хотел

написать в сочинении про то, как вода зимой при низкой температуре замерзает и превращается в снег, переходя из жидкого агрегатного состояния в твердое. А я, с хорошим гуманитарным образованием, хотела написать про то, каким красивым кажется мир, если посмотреть на него зимой через льдинку. Каждая снежинка тогда кажется маленьким бриллиантом.

Сыновьям почему-то больше понравился вариант отца, и я вместе с преданными мне кошкой и собакой, которые в нашей семье понимают меня лучше всех, пошла готовить воскресный обед. Я успокоила себя тем, что в кулинарии тоже можно проявить свои творческие способности. И наши кошка с собакой, как всегда, были со мной полностью согласны.

Пойдем, я тебя провожу

Наша единственная дочь Вика вышла замуж сразу после выпускного школьного вечера за долговязого очкарика из ее класса Сашку Иванушкина. Оказывается, они тайно подали заявление в ЗАГС еще в апреле.

В квартире у Иванушкиных пахло валерьянкой. Отец Сашки Иванушкина, бывший военный, был категоричен.

— Пусть живут, как хотят. Без денег, без работы, без образования. Нужда быстро отрезвит их дурные головы.

Мама Сашки Иванушкина заплакала.

— И нечего, Лиза, плакать. Хотят жить самостоятельно, — пусть попробуют. Первый вопрос: где? Где вы собираетесь жить, олухи? Второй вопрос: на что? На какие деньги? Я лично не дам ни копейки.

Иванушкины и мы в складчину купили молодым небольшую квартиру и поделились мебелью. Скоро родился Антошка. Наша дочь Вика взяла в институте академический отпуск,

а зять продолжал учиться и по вечерам разгружал вагоны на ближайшей товарной станции.

Иванушкины и мы с мужем в Антошке души не чаяли. Гром грянул среди ясного зимнего неба. Февральским морозным днем наша дочь Вика с вещами и трехлетним сыном Антошкой ушла от мужа.

— Мам, я к вам навсегда. Только ни о чем не спрашивайте. Ладно?

Мы с мужем не спали всю ночь и по очереди, втайне друг от друга, хватались за валидол. Ночью кто-то несколько раз звонил по телефону и дышал в трубку.

Утром дочь рассказала все сама.

— Понимаешь, мам, Сашка перестал читать мне стихи. Наша жизнь превратилась в бесконечный и беспросветный быт. Проснулись, накормили Антошку, погуляли, легли спать... И так по кругу день за днем. Можно даже глаза не открывать и делать все автоматически, как робот.

Мы с мужем переглянулись.

— А что ты еще хочешь? Шекспировские страсти только в кино и в книгах, а вам сына растить надо, — сказала я.

Муж меня поддержал.

— Даже птицы поют только тогда, когда самец самочку привлекает. А потом не до песен уже. Птенцы кушать хотят.

— Пап, ну мы же не птицы, — возмутилась Вика.

— Вы — родители, и вас у ребенка должно быть двое, — ответила я.

— Хорошо тебе, мам. Таких, как наш папа, сейчас нет. Он тебе до сих пор в любви признается. А у нас с Сашкой при виде друг друга даже частота пульса не повышается.

Вика не могла помнить, ей было всего пять лет, как я вместе с ней ушла от мужа, ее отца.

— Я больше в Москву не вернусь, — сказала я своим родителям. — Можно, я пока у вас поживу?

Я поругалась с Викиным отцом вдрызг. Недовольство друг другом копилось у нас долго, но не было повода его выплеснуть, а тут переполненную помойку наших характеров прорвало, и нас затопило. Мы начали с давно оторванной вешалки в прихожей, а закончили тем, что если бы не Вика, жить вместе не имело бы никакого смысла, потому что мы давно разлюбили друг друга.

— У ребенка, — сказал мой консервативный отец, — должен быть отец и должна быть мать. Вика любит вас обоих, и не рвите вы ей душу. Ты думаешь, у нас с мамой не было поводов разбежаться? Да сколько угодно. Но ты, если ты еще это помнишь, конечно, выросла в полной семье, с родным отцом и с родной матерью. Какими бы они ни были.

Мои родители не спали всю ночь.

— Пойдем, я тебя до электрички провожу, — сказала мне мама на следующий день после завтрака, снабдив нас с Викой целой сумкой гостинцев. — В жизни всякое бывает, но шелуха отпадет, а главное останется. А главное у вас — дочь.

Всю дорогу до Москвы мы с Викой уплетали бабушкины пироги, и несколько штук дочь оставила для папы.

Вика накормила и собрала утром Антошку.

— Пойдем, я вас до метро провожу, — сказал Вике отец.

— В жизни всякое бывает, но всегда нужно ориентироваться на главное. Антошка у вас — главное, а стихи и частота пульса — это сентиментальная азбука для новобрачных, — сказала я дочери и поцеловала внука.

— Пока-пока, — сказал мне Антошка.

— Пока-пока, — ответила я.

Вечером позвонила Вика. Радостным голосом она сообщила, что у нее все хорошо, а дочку они с мужем решили назвать Анечкой.

Тебе нельзя волноваться

Наташин диагноз врач обозначил двумя словами, а приговор — одним. Предынфарктное состояние, госпитализация. Слово «госпитализация» испугало Наташу намного больше, чем сам диагноз. Дома у нее — трое сыновей школьного возраста и совсем не приспособленный к решению бытовых проблем семьи муж.

— Доктор, — попросила Наташа жалобным голосом, — а можно как-нибудь без госпитализации обойтись? Я дома полечусь, полежу, отдохну.

Наташа лукавила. Она прекрасно понимала, что в ее всегдашней домашней круговерти нормальный отдых и лечение — невозможная роскошь, но и бросить вот так, сразу, всю семью на произвол судьбы она не могла. Ее мужчины без нее рухнут. Так в их семье традиционно сложилось, что отец семейства отвечал за парадную, праздничную сторону жизни всей семьи, а Наташа — за ежедневную, черновую, будничную. А будней в нашей жизни, согласитесь, намного больше, чем праздников. Праздничный папа водил детей по выходным дням в цирк, в зоопарк, на прогулки и туда, куда им самим захочется. Баловал их ненужными на первый взгляд, но такими важными в глазах ребенка покупками. А мама Наташа в это же время чистила, стирала, гладила, готовила... Одним словом, обеспечивала бытовую сторону всей семьи. Наташе иногда казалось, что она утонет в этом нескончаемом водопаде домашних дел, но глаза страшат, а руки делают. Наташа научилась все успевать за счет того, что прищипывала несколько часов у начала ночи и несколько часов — у ее конца. Наташа ложилась спать позже всех в семье, а вставала раньше всех.

Доктор был молодой, но очень строгий.

— Женщина, Вы меня слышите или нет? Я Вам еще раз повторяю: госпитализация, причем немедленная.

Наташа поняла, что больницы ей не избежать, и стала проситься у доктора домой хотя бы на одну ночь.

— Пишите расписку, — устало вздохнул доктор. — Не потащу же я Вас в больницу силой.

Наташа вышла из кабинета врача и прислушалась к своему организму. Нигде ничего не болело, и она бодрым шагом поспешила к метро, мысленно рассчитывая все дела, которые ей надо срочно сделать до завтрашнего утра.

Дома Наташа первым делом кинулась на кухню. Надо сварить самую большую кастрюлю борща. Ее мужчинам хватит на несколько дней. Надо еще перекрутить все мясо на фарш, налепить котлет и пельменей, а уж из готовых полуфабрикатов муж и старший сын что-нибудь приготовят. Доваривался борщ, уже готовы были голубцы и блинчики с мясом, когда пришел из школы младший сын Павлик.

— Мам, — крикнул он от самого порога, — у меня две новости. Одна хорошая, а другая плохая. С какой начинать?

— Начинай с хорошей, — улыбнулась Наташа своему младшему сыну.

Через пару часов все дети были в сборе, и у Наташи как раз подоспел обед.

После обеда мальчишки занялись своими обычными делами, а Наташа включила стиральную машинку и взялась за гору неглаженого белья.

Сыновья постоянно отрывали ее от домашних дел. Так традиционно сложилось в их семье, что подготовка уроков тоже входила в круг Наташиных обязанностей. Она одновременно училась в третьем, в шестом и в девятом классах. И на все собрания в школе ходила тоже она. Муж один-единственный раз посетил школу, когда их старший сын был еще только в шестом классе. После этого посещения он не спал всю ночь, ворочался, ворочался с боку на бок, а утром спросил у Наташи, нет ли у них чего-нибудь от сердца. После того случая Наташа предупредила

детей, что отцу волноваться нельзя и чтобы они его не расстраивали. Все детские проблемы в тройном размере Наташа с тех пор принимала на свои хрупкие плечи.

— Мам, помоги, — кричали мальчишки на разные голоса со всех сторон.

Младшему к завтрашнему дню задали сделать своими руками открытку к женскому дню 8 Марта, среднему — доклад про змей, а старшему — целых пять задач по физике. К приходу мужа все детские проблемы были уже решены. Ужинали в полном составе. Дети наперебой рассказывали отцу о своих успехах. Муж так радовался, что Наташе стало жалко его расстраивать на ночь глядя. Ему нельзя волноваться. Скажу про больницу завтра утром, подумала она.

Ночью Наташе стало плохо. Муж вызвал «скорую помощь», но до больницы ее уже не довезли.

После похоронной суеты дети, наконец, остались дома с отцом одни. Младший Павлик не плакал, а все время молчал, опустив голову. Когда кто-нибудь во время похорон гладил его по голове, Павлик со всей силы прижимал свой подбородок к груди, поднимал плечи и был похож на нахохлившегося воробья. Средний Егор от всех переживаний последних дней заболел. У него поднялась температура, и ему все время хотелось положить голову на подушку и закрыть глаза. Старший сын Женька злился, его все раздражало, а особенно — большое количество каких-то чужих людей в их небольшой квартире.

Наташин муж, единственный из всей семьи, плакал и плакал не переставая.

— Не плачь, милый, — говорила ему Наташа, глядя на него с фотографии своими добрыми глазами, — тебе нельзя волноваться.

Я вот только пока не знаю, хорошо это или плохо

Если бы Надежду Ивановну спросили, что ей не понравилось в девушке, которую ее единственный сын Андрей привел к ним домой и представил как свою невесту, то Надежда Ивановна честно бы сказала: «Все!».

Надежда Ивановна всегда думала, что она будет очень хорошей свекровью. Многочисленные и всегда грустные истории про отношения между свекровью и невесткой, которые ей рассказывали знакомые, она всегда пропускала мимо ушей. Нет, это не про нее. Она полюбит свою невестку, как родную дочку, которой у нее никогда не было, и они будут жить все вместе и очень дружно. Квартира у Надежды Ивановны большая. Места всем хватит. И невестке, и внукам. Надежда Ивановна рисовала себе образ своей будущей невестки. Она представляла себе скромную голубоглазую девушку с русой косой. Лучше всего, если она будет откуда-нибудь из провинции, где девушки, по мнению Надежды Ивановны, еще не испорчены свободными московскими нравами.

— Это Наташа, — сказал Андрей, знакомя Надежду Ивановну со своей девушкой.

Наташа показалась Надежде Ивановне какой-то неказистой, невзрачной, серенькой. Маленькая, она еле-еле доставала Андрею до плеча. Близорукая, она все время прищуривалась.

Андрей увидел Наташу в первый раз в парке. Она шла с подружкой по тропинке в белом легком сарафане, а вокруг нее летало целое облако белых парашютиков от одуванчиков, и сама Наташа показалась Андрею такой же невесомой и воздушной, как эти парашютики. Казалось, подует ветерок посильнее, полетят белые парашютики в небо, и Наташа в своем белом сарафане полетит вместе с ними.

Когда Андрей и Наташа познакомились и подружились, Андрей всегда старался крепко держать Наташину хрупкую руку в своей могучей руке.

Надежда Ивановна была против их свадьбы, родители невесты, со своей стороны, были с ней абсолютно солидарны в этом вопросе, а Андрей и Наташа подали заявление в ЗАГС и тихо, без всякой свадьбы, расписались, а потом, по просьбе Наташи, и обвенчались.

Надежда Ивановна надела на свое лицо маску обиженной и с молодоженами практически не общалась. Родители Наташи вошли в роль оскорбленных и молодую семью полностью игнорировали. Они мечтали, что их дочь благополучно окончит институт, устроится на работу и только потом выйдет замуж за надежного, состоятельного мужчину, и лучше, если он будет постарше нее. А Андрей был Наташиным ровесником, студент, как и она. Такой зять родителям Наташи не подходил ни по каким параметрам.

Вот и получилось так, что молодожены не могли жить ни у Наташиных родителей, ни у мамы Андрея. Но на родителей своих Андрей и Наташа нисколько не обижались. Бытовые трудности пройдут, а любовь останется. Они сняли угол — небольшую комнату у пожилой женщины, бабы Клавы. Бабе Клаве не так были нужны деньги, как живые люди рядом с ней, чтобы было с кем поговорить.

Андрей после учебы подрабатывал грузчиком в продовольственном магазине рядом с домом, а Наташа изо всех сил устраивала их первое совместное жилье.

Наташа и Андрей регулярно звонили своим родителям. Чаще всего разговоры были непродолжительными. И Надежда Ивановна, и родители Наташи надеялись, что трудности измучают молодоженов, они не выдержат испытаний и разбегутся каждый к своим родителям. Иногда от звонка сына у Надежды Ивановны радостно стучало сердце в ритме любви к самому родному человеку во всем мире, но потом она вспоминала, что она

же обиженная, и снова переходила на сухой официальный тон.

А жизнь не стояла на месте. Хоть и питались Андрей и Наташа скромно, и одевались просто, и бабе Клаве часто задерживали плату за комнату, — они были по-настоящему счастливы и радовались каждому наступившему дню.

Скоро родился Темочка. Он стал центром вселенной для молодых родителей. Они вращались вокруг него, как планеты вращаются вокруг Солнца, а он, как маленькое солнышко, обогревал их своим теплом. Каждый день Темочка радовал своих родителей чем-то новым. Сын рассказывал Надежде Ивановне по телефону, как Темочка подрастает: Темочка уже улыбается, Темочка ползает, Темочка пытается ходить самостоятельно...

Темочке было еще только около двух лет, но он многое уже успел понять в этой жизни. Темочка, например, давно понял, что когда люди плачут, — это плохо, а когда смеются или улыбаются, — это хорошо. Хорошо, когда мама и папа рядом, хорошо погладить кошку или собаку, хорошо смотреть на машины на дороге и на птиц в небе, хорошо гулять во дворе. Но особенно хорошо Темочке было в храме на руках у папы или у мамы. В храме Темочке казалось, что со всех икон ему приветливо улыбаются ангелы.

Надежда Ивановна стала плохо спать по ночам, не помогало даже снотворное. Она лежала в кровати с закрытыми глазами и слушала ночное радио. Для таких, как она, полуночников на радио была специальная передача «Для тех, кто не спит». Сегодня гостем ночного эфира был известный многим своими пронзительными проповедями батюшка из одного московского храма.

— Ваша передача, — говорил батюшка в эфире, — называется «Для тех, кто не спит», а вот почему, спрашивается, вы сейчас не спите, а слушаете меня? Совесть, дорогие мои, ваша пока еще живая совесть не дает вам уснуть в эту ночь. Вот, безгрешные младенцы, например, спят хорошо, их совесть не мучает. Чаще всего совесть страдает от нелюбви. Никто никого по-настоящему не любит. Дети не любят родителей, а родители — детей, невестка не любит свекровь, а свекровь — невестку,

начальник не любит своих подчиненных, а подчиненные — своего начальника... Список можно продолжать да бесконечности. У нас у всех страшный дефицит самого главного на земле — любви, любви к людям. Дошло даже до того, что один маленький мальчик на исповеди сказал мне: «Зачем только я родился на этот свет, меня тут никто не любит». В конфликтах детей и родителей всегда виноваты родители, они старше и умнее. В конфликтах свекрови и невестки всегда виновата свекровь. Не удивляйтесь. Именно свекровь должна постоянно помнить, что она мудрее, и именно ей надо сделать первый шаг к примирению. Дорогие мои слушатели, очень прошу вас, облекитесь, облекитесь в любовь к своим близким, ко всем людям вокруг вас. Сбросьте с себя эту совсем не подходящую человеку личину ненависти, злобы, обиды на своих родных и знакомых. Мы сами, своими руками, превращаем порой свою жизнь в ад.

Надежда Ивановна не спала до самого утра. В ее ушах так и звучали слова батюшки:

— Облекитесь, облекитесь в любовь...

Надежда Ивановна была на следующий день самой первой покупательницей в магазине «Детский мир».

Дверь в квартиру бабы Клавы открыл Надежде Ивановне сын Андрей. На его лице была такая радость, такое счастье оттого, что он увидел на пороге свою маму, что Надежда Ивановна чуть не заплакала. В прихожую вышли Наташа с Темочкой и Павел Григорьевич с Анной Васильевной — Наташины родители. Они опередили Надежду Ивановну всего на несколько минут.

— Ну вот, — сказала улыбающаяся Наташа, — теперь все в сборе.

Надежда Ивановна кинулась распаковывать свой подарок для Темочки — детский трехколесный велосипед с Чебурашкой на руле.

Все взрослые долго потом смеялись и плакали одновременно. В прихожей в ряд стояли три велосипеда-близнеца. Один Темочке совсем недавно купили его родители, второй привезли

бабушка с дедушкой, а третий — Надежда Ивановна.

Маленькому Темочке было всего около двух лет, но он многое уже понимал в этой жизни. Он, например, давно понял, что если люди плачут, то это плохо, а если смеются, то это хорошо. А сейчас ситуация была для Темочки какая-то непонятная. Взрослые рядом с ним смеялись и плакали одновременно. Темочка смотрел на всех удивленными глазами, не зная, что делать, и весь его растерянный вид говорил: «Я вот только пока не знаю: когда люди плачут и смеются одновременно — хорошо это или плохо?».

Как страшно отрываться от земли

В будний осенний день в Никольском храме отец Арсений отпевал сразу двух усопших женщин — рабу Божью Нину и рабу Божью Любочку. Родные и знакомые умерших разделились на две примерно равные половинки и стояли двумя островками, не смешиваясь между собой. Из всех присутствующих в храме людей одна только Лена знала обеих новопреставленных живыми. Нина— ее злейший враг, а Любочка— ангел-хранитель.

Нина была сестрой мужа Лены Коленьки. Коленька трагически погиб в автомобильной катастрофе много лет назад. Лена почти не помнит похороны, поминки, даже нечеловеческая боль в грудной клетке за эти годы притупилась. Но почему-то Лена хорошо запомнила, как на кладбище во время похорон очень громко пели какие-то птицы, и как налетевший июльский ветер сорвал с ее головы черный газовый платок и унес в неизвестном направлении.

После поминок Лена с Ниной, Коленькиной сестрой, остались вдвоем.

— Я буду с тобой откровенна, — сказала Нина. — Коленьки нет, и делать тебе в Москве теперь нечего. Ты здесь всем чужая. По-

ІНЦІ

езжай домой и там устраивай свою жизнь, как уж получится. Эта квартира наших с Коленькой родителей и принадлежит мне по праву. А для тебя это совершенно незаслуженно слишком дорогой подарок.

Нина давно жила отдельно в квартире мужа.

— Пока я собираюсь эту квартиру сдавать, — продолжала Нина. — Деньги всегда нужны. А там и дети подрастут — им пригодится. Я, конечно, понимаю, что никому не хочется уезжать из Москвы, но что поделаешь? Такова жизнь.

— У меня скоро будет ребенок, — сказала Лена.

— Ну и что? Дети рождаются не только в Москве.

Лена была родом из очень маленького городка в Кировской области. Там у нее остались мама с папой и младшие братик и сестренка. Семья жила в барачном доме с удобствами на улице и много лет ждала новой квартиры. Поэтому Лена не торопилась выписываться от родителей, хотя Коленька много раз поднимал этот вопрос.

— Сейчас придет слесарь, я утром договорилась, и врежет новый замок. Так что ты собирайся побыстрее, — сказала Нина.

— У мена даже билета на поезд нет, куда же я пойду? — Лена по-настоящему испугалась.

— Ничего, на вокзале переночуешь. Сейчас лето, тепло. В вашем Урюпинске летом, небось, благодать. Грибы да ягоды, и воздух чистый. А в Москве все отравлено, дышать нечем. Одни машины и... люди.

Для коренной москвички Нины все, что за кольцевой дорогой, — сплошной Урюпинск.

Дорожную сумку для Лены собрала сама Нина, побросав туда первое, что ей попалось под руку.

На вокзале была обычная суета. Билетов на Киров не было. Лето. Москвичи эмигрировали из своего родного города по

всем возможным и невозможным направлениям. Лена присела на лавочку и отключилась. Как только она закрыла глаза, в ушах вместо вокзального разноголосья запели те кладбищенские птицы.

Дорожную сумку Лена поставила на пол рядом с собой, и ее украли очень быстро. Лена так никогда и не узнала, что же Нина туда положила. У нее украли бы и дамскую сумочку со всеми документами и деньгами, если бы не Любочка. Любочка работала билетным кассиром и возвращалась домой с ночной смены. Когда она проходила через зал ожидания, то прямо на ее глазах молодой парень вырвал у Лены сумочку и побежал.

— Стой, стрелять буду! — крикнула Любочка на весь зал.

Парень бросил Ленину сумочку и рванул с космической скоростью.

— Что же ты, дуреха, так и без вещей останешься. Разве можно на вокзале рот разевать? — сказала Любочка.

— Спасибо большое, — ответила Лена.

Любочка заступила на свою смену через три дня, а Лена все еще сидела на том же месте. Лицо ее сильно осунулось, глаза от бессонных ночей покраснели.

После работы Любочка забрала Лену к себе домой. Она жила в двух минутах ходьбы от вокзала в малюсенькой квартирке вдвоем с очень наглым котом Леопольдом, которому совсем не понравилось, что его переселили с раскладного кресла, на котором стала спать Лена.

Лена проспала почти двое суток, как убитая. Любочка все боялась, что она умерла, и подходила к ней послушать дыхание.

— Билет до дома я тебе, конечно, достану, — сказала Любочка Лене, когда та окончательно пришла в себя. — Но стоит ли тебе уезжать? Подумай. У папы с мамой еще двое маленьких детей, их поднимать надо, а тут ты со своим ребенком.

Любочка уже знала всю Ленину историю.

— Оставайся у меня. Я одинокая. Будем растить твоего ребенка вместе. Я помогу, чем смогу, а к родителям будешь ездить в гости.

С мужем Лена прожила всего четыре счастливых года, а с Любочкой —двадцать очень счастливых лет. Любочка давно прописала Лену с сыном в своей квартире, потому что родных у Любочки никого не осталось.

После ее смерти Лена каждый день ходила в храм и ставила свечку за упокой души рабы Божьей Любочки. Любочка часто и как-то очень радостно снилась Лене во сне, а Нина приснилась всего один раз на сороковой день после смерти. Лицо у Нины было очень несчастным и каким-то растерянным.

— Как же страшно, Лена, как же страшно, — сказала Нина и заплакала. — Как же страшно отрываться от земли.

На следующий день Лена пошла в храм и поставила на канун две свечи. Одну — за упокой души рабы Божьей Любочки, а другую — за упокой рабы Божьей Нины.

Я сейчас встану и уйду

Свекровь и сноха за годы совместной жизни наговорили друг другу уйму грубых слов с одной лишь разницей: свекровь говорила эти слова вслух, а сноха — про себя.

Разлад в отношениях между двумя женщинами наметился с самой первой их встречи, когда Толик привел невесту Галину знакомить со своей мамой. Галина, на взгляд мамы Толика Елены Сергеевны, не подходила ее сыну по всем статьям одновременно. И все это она высказала вслух.

— Что хотите, мне говорите, — сказала Елена Сергеевна, когда они пили чай с тортом, который Галина специально купила по такому случаю, — а у всех провинциальных девиц одна-един-

ственная мечта: зацепиться за Москву. Хоть одним пальчиком, хоть одним ноготком. Я что-то не знаю ни одной провинциалки, которая уехала бы из Москвы по доброй воле.

— Мне ничего не нужно, Елена Сергеевна, я просто люблю Вашего сына, хочу стать его женой и родить ему детей, — сказала Галина, которая была родом из Вологды, но училась в Москве и, естественно, слова Елены Сергеевны приняла на свой счет.

— Милая, я слишком долго живу на белом свете, чтобы поверить в эту сказку. Скажи еще, что ты не знаешь, что Толик — единственный сын, что у нас — трехкомнатная квартира в престижном районе рядом с метро и дача в Подмосковье.

— Но ведь не это же самое главное, — сказала Галина чуть не плача.

— Это, деточка, как раз, именно это. Сын наш далеко не красавец, не Ален Делон, но он настоящий интеллигент. Он никогда не скажет тебе того, что я сейчас скажу. Вы совсем не пара. У него высшее образование, хорошая профессия, отличные перспективы для карьеры. А у тебя? Училище. Вам и поговорить-то будет не о чем. Потом, он у нас окончил музыкальную школу, очень любит музыку, часто посещает консерваторию.

— Я тоже очень музыку люблю, — сказала Галина.

— Я тебя умоляю. Ну, кто ты, и кто он? Тебе до него, как до неба, никогда не дорасти и не допрыгнуть.

«Сейчас я встану и уйду, — подумала Галина. — Только вот Толика жалко. Надо его дождаться».

Елена Сергеевна сделала очень мудрую рокировку и отправила сына в магазин, чтобы сказать своей потенциальной невестке все, что она о ней думает.

— Но, я надеюсь, этот разговор останется между нами, и у тебя хватит ума, чтобы не передавать его Толику.

А Толик, когда вернулся, ничего и не заметил. Он от рождения был близоруким и даже в очках видел плохо.

Толик с Галиной все-таки поженились и стали жить с Еленой Сергеевной в центре Москвы в трехкомнатной квартире. Скоро родился Петенька.

Многие годы эмоциональный фон по отношению к домашним у Елены Сергеевны никак не менялся. Она очень любила сына Толика, очень-очень- очень любила внука Петеньку и безумно ненавидела сноху Галину. Так было до самой ее болезни. Заболела Елена Сергеевна как-то неожиданно и очень сильно. Врачи сразу стали говорить о летальном исходе. Галина, медсестра по образованию, оставила работу и бросила все силы — и духовные, и физические — на выхаживание тяжело больной свекрови. Врачи удивлялись, но стараниями Галины Елена Сергеевна прожила еще целых пять лет, вместо обещанных врачами двух или трех месяцев. Незадолго до смерти Елена Сергеевна со слезами просила прощения у Галины и целовала ей руки.

Сын Галины и Толика Петенька лицом был очень похож на бабушку Елену Сергеевну.

— Наша порода, — говорила она.

Женился Петенька на последнем курсе института. Его жена не захотела уходить к свекрови,и молодая семья стала жить с родителями невесты. Родилась Олечка.

На все дни рождения внучки Толик с Галиной всегда приезжали к сыну в гости.

— Вы только не обижайтесь, —говорила Петина теща, — а сын ваш — тюфяк тюфяком. Другие мужики, посмотришь, крутятся, как заводные. На трех работах работают, а ваш — только бы ему дома посидеть и ничего не делать.

— У него работа тяжелая, — кинулась Галина защищать своего сына. — Ему отдыхать надо и с дочкой пообщаться.

— Ничего бы с ним не сделалось, если бы он вторую работу нашел. Деньги всегда нужны. Тем более, у них ребенок. А что дома штаны просиживать? Как ложкой стучать, так все тут как тут.

«Я сейчас встану и уйду», — подумала Галина про себя, но, увидев умоляющий взгляд сына, осталась сидеть на месте, вцепившись в стул двумя руками.

Совершеннолетие Олечки решили отпраздновать на новой даче, которую сын Галины Петр построил своими собственными руками. Больше всех была довольна Петина теща.

— Ну и сын у вас. Золотые руки у него, — говорила она Галине и Толику. — Наша дача — самая красивая во всем товариществе. Соседи обзавидовались.Я так рада, что моя дочь вышла замуж именно за него.

Вошла внучка Олечка, и зазвучали тосты в честь ее дня рождения.

— Будь умницей. Слушайся маму и папу. Не болей. Жениха тебе очень хорошего.

— А у меня уже есть жених, — сказала Олечка.

— А я его знаю? — спросила внучку Галина.

— Нет, — ответил за дочь Петр, — нашего жениха ты, мам, не знаешь. Зато его весь наш дачный поселок знает: бандит из бандитов.

— И хулиган, — добавила мама Олечки.

— Ба, ну что они опять? А? Он хороший, я сто раз вам об этом говорила. Я вот сейчас встану и уйду, и празднуйте тут мой день рождения без меня.

Олечка выскочила из-за стола и убежала. Галина пошла за ней.

— Успокойся, — Галина гладила плачущую внучку по голове. — Все будет хорошо. Все обязательно будет хорошо. И надо возвращаться к гостям. Ты же у нас сегодня самая главная.

— А если спросят, почему я плакала?

— А мы скажем, что соринка в глаз попала. Поболит, поболит, да и само собой пройдет.

Я спокойна, я абсолютно спокойна

После окончания медицинского училища Людочку распределили в кардиологическое отделение городской больницы.

— Запомни в нашей работе самое главное, — советовала Людочке старшая медсестра Вера, проработавшая в этом отделении уже больше десяти лет. — Не впускай больных в свое сердце — сгоришь. Больные, как энергетические вампиры, вытягивают из нас незаметно всю энергию. А ты отработала, как робот, с абсолютно холодным умом и с холодным сердцем, отстояла вахту, как солдат на посту, — уколы, таблетки, процедуры, а рабочий день закончился — и все, до свидания, никаких эмоций. А если ты будешь с больными сюсюкаться, сопли и слезы им вытирать или еще, не дай Бог, истории всякие будешь слушать про их жизнь и про их проблемы, — они тебе быстро на шею сядут, а у тебя своя жизнь есть со своими проблемами. Так?

— Так, — ответила Людочка.

Людочка жила с больной мамой и младшим братом, и все заботы об их маленькой семье давно уже были на ее хрупких плечах.

— И что бы ни случилось, — продолжала старшая медсестра Вера, — а у нас тут каждый день что-нибудь случается, — внушай себе: я спокойна, я абсолютно спокойна. Я на себе много раз проверяла, всегда помогает. Ты уколы внутривенно делать умеешь? — спросила Вера Людочку.

— По уколам у меня в училище всегда были пятерки, — ответила Людочка.

— Вот и хорошо. Поработай пару месяцев на капельницах.

Дни полетели для Людочки, как в калейдоскопе, шестьдесят кадров в секунду. Работа у нее спорилась. Все процедуры она делала легко, больные ее полюбили, а сотрудники зауважали, и ей стали доверять ночные дежурства.

— Запасайся детективами, да пострашнее, чтобы не уснуть, — посоветовала Людочке старшая медсестра Вера перед ее первым дежурством.

Переделав все свои дела, Людочка притулилась у настольной лампы на сестринском посту посередине длиннющего больничного коридора. По левую сторону шли палаты мужские, а по правую — женские.

Около часа ночи к Людочке подошла старушка из восьмой палаты. Старушка поступила только вчера, и ей не спалось.

— Я, деточка, хочу тебя попросить. У меня в квартире кошка одна осталась, Брыська. Меня на «скорой» увезли, а кошку кормить некому. Мой дом тут недалеко от больницы. Ты, деточка, сходи завтра ко мне и покорми мою животину. Я тебе ключ дам.

— Схожу, — ответила Людочка. — Мне совсем-совсем не трудно. А Вы ложитесь и отдыхайте. Вам лишний раз вставать и двигаться пока нельзя.

— Хорошо, хорошо. Я сейчас уйду. Только вот еще что, — старушка на минуту замолчала. — У меня там в шкафу на средней полочке пакет лежит похоронный. В пакете все, что надо, я собрала: рубашка, платье, чулки. Ты его захвати мне на всякий случай.

— Не надо думать о плохом, — сказала Людочка. — У нас врачи хорошие. Они Вас вылечат.

— Но ты пакет все-таки принеси и... Если со мной что случится, Брыську мою пристрой в хорошие руки. Квартиру-то родственники быстро оприходуют, а вот кошка, боюсь, будет никому не нужна.

Ближе к утру к Людочке на сестринский пост подошел интеллигентный мужчина с маленькой бородкой. Мужчина лежал в двенадцатой палате.

— Совсем не могу спать, — сказал он Людочке. — Вы себе представить не можете, какой сегодня день!

— Какой? — спросила Людочка.

— Эх вы, племя младое и малообразованное. Да сегодня же день памяти Анны Андреевны Ахматовой !

И комната, в которой я болею,

В последний раз болею на земле,

Как будто упирается в аллею

Высоких белоствольных тополей.

А этот первый — этот самый главный,

В величии своем самодержавный,

Но как заплещет, возликует он,

Когда, минуя тусклое оконце,

Моя душа взлетит, чтоб встретить солнце,

И смертный уничтожит сон.

Владимир Владимирович, так звали мужчину с бородкой, читал Людочке стихи Анны Ахматовой больше часа. Он бы читал и дольше, но поступила новая больная, и Людочка побежала ее устраивать.

Весеннее солнце довело до слез осколки грязно-белой зимы. Капель. Людочка вдруг подумала, что слова «капля», «капель» и «капельница» — однокоренные. После работы она теперь шла каждый день кормить кошку Брыську. Характер у Брыськи был вреднющий, в руки она не давалась, но всю еду съедала подчистую. А по вечерам, когда мама и младший брат уже спали, Людочка читала на кухне стихи Анны Андреевны Ахматовой.

Поступив на работу в кардиологическое отделение, Людочка стала бояться прогнозов погоды. Если объявляли магнитную бурю, она знала, что ее сердечники окажутся под ударом первыми.

На свое второе ночное дежурство Людочка заступила через несколько дней. Как раз обещали магнитный ураган. Первым не выдержало сердечко у Анны Емельяновны, той самой старушки

с кошкой Брыськой. Она позвонила на сестринский пост, и когда Людочка прибежала, просто так и очень спокойно сказала:

— Свечку за меня поставь Николаю Угоднику. Он мне всю жизнь помогал.

Потом закрыла глаза и перестала дышать.

Вторым сердце не выдержало у Владимира Владимировича. Утром стали его будить, а он еще ночью прямо во сне умер.

Людочка спряталась в комнатушке, где технический персонал хранил свой инвентарь, и плакала. Старшая медсестра Вера нашла ее там между швабрами и половыми тряпками.

— Повторяй за мной, — говорила Вера, прижав голову Людочки к своей груди, — я спокойна, я абсолютно спокойна.

— Я спокойна, — прохлюпала Людочка и заплакала еще сильнее.

Людочку отпустили в тот день домой, а Вера осталась на тяжелейшее из-за погодных условий ночное дежурство. Больные все поступали и поступали. В палатах мест уже не было, и пришлось поставить кровати прямо в коридоре. Койко-место Анны Емельяновны заняла молодая женщина, а койко-место Владимира Владимировича — мужчина средних лет, директор школы. Вера и весь медицинский персонал кардиологического отделения валились с ног от усталости, от абсолютно бессонной и тревожной ночи. Несмотря на все усилия врачей и медсестер, четверо больных из кардиологического отделения до утра не дожили. Мужчина, мужчина, мужчина и женщина. Хорошо еще, что в эту ночь дежурила Вера с ее железобетонной нервной системой, а не молоденькая Людочка.

Утром Людочка нашла старшую медсестру Веру в комнатушке для технического персонала. Вера сидела на перевернутом ведре, размазывала по щекам рукой ручьем текущие слезы и, раскачиваясь из стороны в сторону, приговаривала сквозь подкатывающие к самому горлу рыдания:

— Я спокойна, я абсолютно спокойна...

Все нормально, пап

— Ты ответишь мне за каждую мамину слезинку, — сказал Антон, сжал кулаки и побледнел.

— Павел, Павел, не уходи, — рыдала Марина и держала мужа за куртку. — Не уходи…

— Не унижайся, мам, — сказал Антон матери. — Пусть уходит. Прекрасно проживем и без него.

— Павел, не уходи, — все повторяла и повторяла Марина.

Других слов у нее не было.

— Я буду вам помогать, — сказал муж Марине.

— Да подавись ты своей помощью, — закричал Антон. — Нам ничего от тебя не надо. Я пойду работать, и нам с мамой на жизнь хватит.

— Почему работать? — испуганно спросил отец. — Тебе учиться надо. Через год в институт поступать.

— Па-ве-ел, не уходи, — Марина уже не рыдала, а завывала.

У нее подкосились ноги, Антон вовремя подставил ей свое плечо. Хлопнула входная дверь. Павел ушел.

Марина рухнула в бездну боли, а Антон — в бездну ненависти. Марина могла только плакать, а Антон, наоборот, развил бурную деятельность. Он ураганом носился по квартире, собирал все вещи отца. Отец, уходя, ничего с собой не взял. Антон быстро набрал несколько сумок. Куда только все это везти, он не знал. И где теперь будет жить отец, он тоже не знал.

К вечеру набежали мамины подружки и близкие родственники. Все сошлись во мнении, что хорошо, что Марина плачет: слезы снимают стресс. По крупицам, из разных источников собралась информация, что отец Антона ушел к молодой приезжей сотруднице его института. Встречаются они уже давно, и у них

родился сын. Мальчика назвали, как и отца, Павлом. Живут они в служебной квартире, которую этой сотруднице дал институт.

Весь вечер Антон вырезал отца со всех семейных фотографий. Ночью он принял решение сменить фамилию и отчество. Чтобы совсем исключить присутствие отца в своей жизни.

Мама не спала всю ночь, и Антон слышал ее приглушенные рыдания.

Отец позвонил на следующий день.

— Как вы там без меня? — спросил он. — Я не спал всю ночь, только о вас и думал.

— А мы, в отличие от тебя, прекрасно спали, — сказал Антон.

— Ты, сынок, наверное очень плохо обо мне думаешь. Но так получилось, прости. В жизни всякое бывает.

— Ты просто предатель, — Антон выдохнул в телефонную трубку страшное слово. —Ты предал меня, маму. Она так тебя любила, — Антон специально заменил глагол на прошедшее время. — И что ты нам теперь названиваешь? У тебя новая семья, ребенок, вот и занимайся ими.

— Ты и про это знаешь? Антошка, а Павлик очень на тебя маленького похож. Просто копия. Такой смешной. Ему всего три годика, а он уже много умеет. Говорит почти все слова и все-все понимает.

— Профессором будет, — сказал Антон. — Как папа.

— Приходи к нам, я вас познакомлю.

— Ты что, смеешься?

— Нисколько. Вы оба — мои сыновья. Ты старший, а Павлик младший.

— А мама? Она что, тебе теперь — старшая жена? Ты дурак или просто прикидываешься? Диктуй свой адрес. Я привезу твои вещи. Нам с мамой они ни к чему.

Антон привез отцу сумки с вещами и оставил их на лавочке у подъезда. Встречаться с отцом он не хотел.

Быстро потекли дни, недели, месяцы без отца. Мама выздоравливала или только делала вид. Утром и днем они разбегались в разные стороны: он — в школу, она — на работу. Отец звонил им время от времени. Мама хотела с ним говорить, но не могла, все время плакала. Антон мог с ним говорить, но не хотел, а если и говорил, то все время грубил.

— Отстань ты от нас, — говорил Антон отцу.

Отец обычно спрашивал про учебу, про здоровье, про маму.

— Пусть наши дела тебя не касаются. Занимайся лучше своими. И, вообще, я уже всем сказал, что отца у меня нет. Был и сплыл.

Антон вдруг неожиданно для себя заметил, что чем грубее он разговаривал с отцом, тем намного легче морально ему становилось.

Быстро пролетела первая четверть последнего выпускного класса, и наступили осенние каникулы. Антон встал утром в плохом настроении. Поссорился из-за какой-то ерунды с мамой. Она ушла на работу с грустными глазами. Антону просто физически захотелось нагрубить отцу, вылить свое плохое настроение на его голову, сказать ему такие слова, после которых общение уже будет невозможно. И чтобы видеть в этот момент его глаза, и чтобы чувствовать, как ему больно…

Антон поехал к отцу. У подъезда, где он когда-то оставил для отца вещи, гулял малыш с бабушкой. Антон почему-то сразу же догадался, чей это сын.

Малыш подошел к Антону.

— Отгадай, кем я хочу стать, когда вырасту?

— Космонавтом, — предположил Антон.

— А откуда ты знаешь?

— Я тоже в детстве хотел стать космонавтом.

— Папа купит мне скафандр и настоящий космический корабль. Я полечу прямо к звездам.

— Полетишь, обязательно полетишь, — улыбнулась бабушка. — Все его друзья в садике, а мы вот болеем, — объяснила она Антону. — Неделю в садик ходим, а потом две недели болеем. Вот, вышли свежим воздухом немножко подышать.

— А родители, — спросил Антон, — на работе?

— Ой, сынок, беда у нас. Дочь моя, мама Павлика, — бабушка кивнула на внука, — в больнице лежит. Болезнь крови у нее неизлечимая. Вот они меня на помощь из деревни и вызвали, с Павликом сидеть. Болезненный он тоже у нас. Я им сказала: все за грехи ваши. Дочь моя увела мужа из семьи, а там тоже ребенок. Я ей говорила: на чужом несчастье счастья не построишь. Так оно и получилось. Как только родила Павлика, так сразу же и заболела. Все уже испробовали, ничего не помогает. Ей все хуже и хуже. Одна надежда на отца. Павлик отца очень любит, а отец — его. Но, боюсь, и он не выдержит. Я тут на кухню захожу, а он там плачет. Как бы пить не стал. У нас в деревне мужчины с горя ой как спиваются. Не дай Бог. Тогда Павлик совсем пропадет. А я что? Я старая. Какая на меня надежда?

Антон долго гулял по городу. Домой вернулся вечером. Первым делом помирился с мамой. Ее уставшее лицо сразу же повеселело и стало намного красивее.

Поздно, когда мама уже спала, позвонил отец.

— Как, сынок, у тебя дела? – спросил он у Антона, как обычно.

— Все нормально, — ответил Антон и добавил: — Все нормально, пап.

Большие девочки не плачут

Второй раз мне повторять не надо

Лена верила, что если она встретит в жизни своего единственного человека, свою вторую половинку, ей будет при этом обязательно какой-нибудь знак, что это именно он: может, гром среди ясного неба, а, может, снегопад в середине лета. Родные и близкие постоянно напоминали ей, что пора уже замуж, засиделась, четвертый десяток разменяла. Но Лена себя ущербной нисколько не чувствовала. Жила, радовалась, ждала и, вы не поверите, дождалась.

Он вошел именно в ее вагон, он ехал именно до ее станции, он поселился именно в ее санатории и оказался за ее столиком в столовой.

Сначала они встречались в режиме работы санаторного пищеблока: завтрак, обед, полдник и ужин. Потом к этим встречам прибавились совместные утренние и вечерние прогулки на море. Потом они стали вместе ходить на все процедуры, а потом… поселились в одном номере. Все у них получилось как-то естественно. Им обоим казалось, что они знают друг друга уже не одну тысячу лет, и, тем не менее, им было очень интересно друг с другом. Наверное, это и называется одним словом — гармония. Они взахлеб рассказывали друг другу о своем детстве и о своей юности. Вместе смеялись над веселым и грустили над грустным. Вадим спокойно рассказал Лене, что он женат и что у него есть маленькая дочка Настенька. Его рассказ нисколько не изменил их отношения. Они уже проросли друг в друга и стали одним целым.

— Пойдем сегодня выбирать подарок для моей Настеньки, — сказал однажды Вадим Лене. — Скоро уезжать, а я ей ничего еще не купил.

— Я видела в палатке на пляже очень красивые коралловые бусики для девочек. Я думаю, что твоей Настеньке они обязательно понравятся, — сказала Лена.

Как они будут жить, когда вернутся в Москву, они даже не обсуждали. Конечно, вместе. Вадим оставит все жене и дочке, это естественно, а переедет жить к Лене.

В Москву вернулись поздно ночью и рухнули от усталости. Проспали до середины дня.

— Мне очень у тебя нравится, — сказал Вадим Лене. — Ты мое счастье, — добавил он и прижал Лену к себе.

— Нет, — тихо сказала она, — это ты мое счастье.

Они решили, что все у них должно быть честно, и Вадим открыто скажет своей жене Наташе, что он уходит от нее.

— Я хочу, — сказал Вадим Лене, — чтобы ты слышала весь наш разговор. У меня нет от тебя никаких секретов.

Вадим поднял телефонную трубку.

— Наташа, здравствуй, это я, — сказал Вадим своей жене. — Я не хочу тебя обманывать. Я прилетел сегодня ночью, но домой я не вернусь. Я полюбил другую женщину и ухожу к ней навсегда. Настеньку я не брошу, буду ей всю жизнь помогать, а тебя я не люблю, прости. Ты меня слышишь? — последние слова Вадим прокричал. Ему вдруг показалось, что жена его не слышала, и он с ужасом подумал, что ему придется еще раз все повторять.

— Не кричи, я тебя хорошо слышу, — сказала Наташа спокойным голосом. — Второй раз мне повторять не надо. У меня к тебе только одна просьба.

— Какая?

— Скажи все это нашей Настеньке сам. У нас ведь никогда от нее никаких секретов не было. Она уже большая девочка и все поймет.

Вадим даже не успел перевести дыхание, как телефонная трубка закричала таким родным до боли в сердце голоском:

— Папа, папа, ты где? Приезжай быстрее. Скоро уже первое сентября, а мы с мамой еще даже ранец не купили. У моей под-

ружки Сонечки — желтый ранец с попугайчиками. Я тоже такой, пап, хочу.

— Я приеду, доченька. Мы пойдем с тобой в магазин, и ты сама выберешь себе ранец.

— Когда, пап?

— Я постараюсь приехать сегодня.

Вадим положил телефонную трубку и виновато посмотрел на Лену.

— Не смог я по телефону сказать дочке,что ухожу от них. Както не по-человечески. Не телефонный это разговор.

— Конечно, — согласилась с Вадимом Лена. — Поезжай. Когда глаза в глаза — это честнее.

Вадим уехал, а Лена осталась. Где-то на задворках сознания у нее родилась дистрофичная такая мыслишка, что Вадим больше не вернется, а останется с женой и дочкой. Но Лена быстро справилась с этим дистрофиком и побежала по магазинам за продуктами. Потом она убирала, готовила и все время ждала. Вадим позвонил только поздно вечером.

— Прости меня, Лена, я так и не смог сказать Настеньке, что ухожу от них. Подожди немножко. Через пару недель Настенька пойдет в школу, в первый класс.Плохо, если учительница сразу же запишет ее в список детей из неполных семей. Потом, в ноябре у Настеньки день рождения, а там и Новый год. Дочка привыкла, что в эти дни вся наша семья в сборе.А тебя я все равно люблю больше всех на свете, — говорила Лене телефонная трубка голосом Вадима. — Ты меня слышишь?

— Я тебя хорошо слышу, — отвечала Лена, — два раза мне повторять не надо.

Московский водоворот закрутил Вадима и Лену в разные стороны. Встречались редко, урывками. Вадим всегда смотрел на часы и торопился домой.

Время бежит быстро. Иногда намного быстрее, чем нам бы этого хотелось.

Лена старела, Настенька взрослела, а Вадим все крутился, то по часовой стрелке, то против.

На втором курсе института Настенька очень неудачно вышла замуж. Ее муж получил от нее все, что хотел — московскую прописку, и бросил с двумя детьми.

— Ты представляешь, какой подлец, — возмущался Вадим по телефону, когда рассказывал Лене про своего бывшего зятя, — бросил жену с двумя крошечными детьми. Хорошо, что у Настеньки отец с матерью живы. Внука и внучку мы с женой вырастим, на ноги поставим. Это наш долг.

— А как же я? – тихо спросила у Вадима Лена.

— Ну, ты же давно знаешь, что тебя я люблю больше всех на свете. Ты меня слышишь?

— Я тебя хорошо слышу. Два раза мне повторять не надо.

Вот за это я и не люблю осень

Моисей Израилевич не любил делать аборты еще не рожавшим девушкам. Он их долго уговаривал, грозил, что у них никогда в жизни больше не будет детей, переводил в отдельную палату и, как мог, тянул время. Если ничего не помогало и операция проходила, Моисей Израилевич закрывался в своем кабинете заведующего гинекологическим отделением и долго-долго там плакал.

Риту и Марусю Моисей Израилевич уговаривал не делать аборт уже вторую неделю. Красавица Рита громко возмущалась, что ее так долго тут держат, а Маруся молчала и все время плакала, но при этом обе от своего решения не отказывались. Причины у обеих были разные. Ритин избранник сказал, что с детьми им еще надо подождать, а любимый мужчина Маруси оказался

женатым человеком и семью свою бросать ради Маруси не собирался, о чем и сказал ей, когда она призналась ему, что ждет ребенка. Поэтому и стояли девушки в своем страшном решении насмерть.

Моисей Израилевич назначил операцию на завтра. Красавица Рита повеселела.

— Представляешь, Маша, какой потрясающий вариант мне тут подвернулся, — рассказывала она с восторгом Марусе. — У него машина, квартира в центре Москвы, трехэтажная дача в Подмосковье и своя строительная фирма. Мы с ним через три дня в Египет улетаем. Мне надо успеть вещи собрать, прическу в салоне сделать, маникюр и педикюр.

— А я очень боюсь, Рит, — сказала Маруся. — А вдруг, и правда, никогда больше детей у меня не будет, как Моисей Израилевич говорит.

— Да ну их, — Рита махнула рукой. — Это они всех так пугают. Мы деньги заплатили, а они — обслуживающий персонал, вот пусть и делают свое дело, а не лезут в душу.

— А как ты думаешь, — спросила Маруся, — кто у тебя был бы: девочка или мальчик?

— А мне все равно, — ответила Рита. — Наверное, во мне материнский инстинкт еще не проснулся.

Маруся заметила про себя, что как только она узнала, что беременна, стала вспоминать все детские песенки, которые она когда-то знала. И чаще всего в голову приходила песня «Топ, топ, топает малыш...».

Последнюю ночь перед операцией Рита и Маруся спали крепко. Рита без всяких снов, как в яму провалилась, а Марусе всю ночь снился малыш, который только-только учился ходить.

Утром Рита вышла из палаты и пошла налево, в сторону операционной, а Маруся направо.

Пропеченный южным солнцем, просоленный морским ветром поезд дальнего следования загружал в свои вагоны таких же за-

горевших и просоленных пассажиров. Маруся с пятилетними детьми-близнецами Анечкой и Ванечкой нашли свое купе. Там уже сидела очень красивая и нарядно одетая женщина.

— Рита, это ты?

— Я. Маша? Маруся?

— Я.

Женщины обнялись.

— Как тесен мир, — хором сказали они.

— Это твои? — спросила Рита, кивнув на детей.

— Мои, — ответила Маруся. — Профсоюз мне путевку бесплатную выделил как матери-одиночке. Сама бы я ни за что материально не потянула.

Анечка и Ванечка запрыгнули на верхние полки и быстро там под стук колес угомонились. Женщины притулились у столика.

— Как же ты одна двоих детей тянешь? — спросила Рита.

— Тяжело, конечно, но мир не без добрых людей. С одеждой знакомые помогают. Вещей хороших много от детей остается. Я на двух работах работаю: нянечкой в санатории и сдельную работу на дом беру. Ничего, нам хватает. А как у тебя дела в личной жизни?

Рита заметно повеселела.

— Знаешь, такой вариант потрясающий тут мне на море подвернулся. Закачаешься. Он — музыкант, пианист, победитель международных конкурсов. Мы с ним на море познакомились. Потом он уехал. Ждет меня в Москве. У него послезавтра концерт в консерватории. Он сказал мне, что выйдет на сцену и всему залу объявит, что посвящает свое выступление только мне одной. Мне надо обязательно успеть. Наш поезд приходит в Москву в десять часов утра, а концерт в семь часов вечера. Я успею сделать прическу в салоне и привести себя в порядок.

Поезд опаздывал на несколько часов. Рита громко возмущалась, бегала ругаться с ни в чем не виноватой проводницей, требовала, чтобы к ней пришел начальник поезда.

— Вот за это я и не люблю поезда, — сказала она Марусе, еле сдерживая слезы.

На концерт, посвященный только ей одной, Рита все-таки успела.

Осень в Москве выдалась дождливой и очень холодной. У Анечки, Ванечки и Маруси южный загар быстро смылся московским водопроводом. Только гладкие, обласканные водой морские камешки и морской песок, которые дети притащили с собой во всех карманах, еще напоминали им о море.

— Вот за это я и не люблю осень, — сказала Рита Марусе, когда пришла к ним в гости. — Все осенью какое-то ненастоящее. И листья яркие, а уже мертвые, и бабье лето какое-то искусственное, суррогатное. Поманит, поманит тебя коротким теплом, а станешь подводить итоги, — одна дырка от бублика и останется.Я, Маруся, подумала тут и решила, что хватит мне уже гоняться за этой неуловимой птицей счастья. Возьму лучше я из детского дома двух детей, как у тебя — мальчика и девочку. И будем мы с ними жить тихой семейной жизнью.

В соседней комнате как раз между Анечкой и Ванечкой разгорелся серьезный скандал. Когда вошла Маруся, плакали оба. Ванечке было жалко свою любимую энциклопедию, из которой Анечка вырезала красивую бабочку. Анечке было жалко себя, потому что она поняла, что ей достанется от мамы. Маруся провела с детьми работу над ошибками и позвала всех на ужин.

Рита позвонила Марусе через несколько недель.

— Представляешь, — говорила она Марусе взахлеб, — мне тут такой вариант потрясающий подвернулся. Он — физик-ядерщик. Приехал к нам в Москву с Урала в командировку. Он сказал мне, что я — мечта всей его жизни.

Бабье лето наступило, как всегда, неожиданно. Солнышко так ласкало, погода так радовала, что все забыли о скором приближении зимы. Анечка с Ванечкой сбросили куртки и носились по парку друг за другом, как угорелые, радуясь теплу, солнцу, жизни.

Надо купить Анечке на зиму теплые сапожки, а Ванечке — курточку на меховой подкладке, подумала Маруся, глядя на своих детей.

Ванечка принес маме букет из осенних листьев, а Анечка — сосновую шишку. Маруся присела на лавочку и залюбовалась осенними красками. Почему-то ей всегда очень нравилась осень.

Мужчинам лучше этого не знать

В послеродовой палате роддома номер пять ночью оказались одновременно четыре молодые женщины, которые с разницей всего в несколько минут родили на белый свет трех девочек и одного мальчика.

Город спокойно спал, а вот молодым мамочкам совсем не спалось. Им хотелось смеяться и плакать от счастья.

— Девочки, — сказала молодая женщина по имени Марина, — а меня сегодня, считайте, муж бросил. Я сама виновата, потому что мужа своего обманула. Он очень хотел первого — мальчика, а я, когда уже точно сказали, что у меня будет девочка, врала ему несколько месяцев подряд. Он был так счастлив. Машинок и всяких самосвалов накупил целый дом. Куда, скажите, теперь все это девать? Девочки в машинки не играют.

— И меня, похоже, никто из роддома встречать не собирается, — сказала женщина по имени Оля. — Я перед самыми родами с мужем своим очень сильно поссорилась. Он предложил назвать дочку Тамарой, как его маму, но ведь и у меня тоже мама

ДВОРЕЦ, В КОТОРОМ РОЖДАЮТСЯ ДЕТИ

есть, Софией, между прочим, зовут. Тоже очень красивое имя. Я ему предложила компромиссный вариант: назвать нашу дочку совсем посторонним именем, чтобы никому не было обидно, так он уперся, как баран. Тамара, и все. Я, говорит, маму свою очень люблю. А я свою, что, не люблю, что ли?

— Ничего не бойтесь, девочки. Не встретят вас мужья, да и не надо, — подключилась к разговору Ирина. — Вырастите вы своих крошек не хуже других и без этих мужей. Я вон как держалась за своего мужа: и зубами, и руками. На руках его только что не носила, да попробуй его подними —девяносто шесть килограммов живого веса. Погуливать он стал, а мне знакомые о его похождениях во всех подробностях и рассказали. Так я, вместо того, чтобы гнать его в три шеи, решила ребенка ему родить. Думала, вот увидит он свою кровинку и про все загулы свои сразу же забудет. А сегодня, когда я на своего ангелочка посмотрела, все во мне перевернулось. Да пусть муж катится на все четыре стороны, скатертью ему дорога, а мы с дочкой и без него прекрасно проживем. Кто вам дороже? Муж или ребенок?

— А что, и правда, — сказала Марина. — Квартира у нас с дочкой есть. Я маму к себе возьму, она мне поможет.

— И у меня жилье есть, да и зарплата приличная, — сказала Оля. — Я всегда получала в несколько раз больше мужа. Нам с дочкой вполне хватит.

— Ну вот, видите ? Все очень даже хорошо, — подвела итог Ирина.

— Ой, девочки, а я мужа своего так люблю, так люблю, что жить без него просто не могу, — подала голос последняя женщина, Аллочка. — Врачи мне запрещали рожать, говорили, что после родов могу ослепнуть. У меня серьезное заболевание — отслоение сетчатки на обоих глазах. Но муж так хотел маленького, и я решилась. У нас мальчик, но он был бы рад и девочке, и совсем-совсем не важно, как мы нашего сыночка назовем. Главное, что он родился, — Аллочка поправила очки на переносице. — Знаете, мне пришлось все девять месяцев лежать, нельзя было вста-

вать. Муж кормил меня с ложечки, как маленькую, и на руках на улицу носил, чтобы я воздухом свежим дышала.

— Как в сказке, — вздохнула Марина.

— Счастливая, — сказала Оля.

— Повезло, — поддакнула Ирина.

Утром Аллочка подошла к окну самая первая.

— Ой, девочки, смотрите, — позвала она остальных.

На асфальтовой площадке напротив центрального входа в роддом огромными буквами масляной белой краской было написано: «С добрым утром, любимая!» .

«Это мой. Я по почерку вижу», — подумала Марина и улыбнулась.

«Это мой, — подумала Оля и тоже улыбнулась. — Ладно уж, пусть первая дочка будет Тамара, а вторую мы Сонечкой назовем».

«Неужели это мой ?» — спросила Ирина сама себя и почувствовала, как ее сердцу стало тесно в грудной клетке.

«Это, точно, мой», — подумала Аллочка и расцвела от счастья.

В кабинет главного врача роддома номер пять пришла старшая медсестра.

— Елена Викторовна, там опять этот Кукушкин к Вам прорывается.

— Пусть войдет. Откуда только он взялся на мою голову?

В кабинет главного врача вошел энергичный молодой человек.

— Елена Викторовна, ну, Вы подумали? Что Вы решили?

— Я решила, Кукушкин, что нет.

— Почему?

— А потому, что мне вполне хватило двух случаев с абсолютно одинаковым результатом. Два молодых, как Вы, папаши насто-

яли на том, чтобы присутствовать при рождении их детей, и оба в обморок грохнулись. Одного так еле-еле откачали.

— Я не упаду в обморок, Елена Викторовна.

— Это еще не факт. Как рождаются на белый свет дети, Кукушкин, мужчинам лучше не знать. Поверьте мне на слово. Встретите Вы свою жену с ребенком, как положено, с парадного входа, с цветами и подарками.

Молодой человек пошел к выходу.

— Кукушкин, — окликнула его Елена Викторовна, — а художество там, на асфальте, напротив центрального входа, — это Ваша работа?

— Моя, — кивнул головой Кукушкин.

— Ваша жена, Кукушкин, у нас всего третий день на сохранении лежит, а Вы мне уже весь роддом переполошили.

— А я, Елена Викторовна, еще и новое название для вас придумал, —сказал Кукушкин. — «Роддом» — как-то очень грубо. «Дворец, в котором рождаются дети» — намного лучше.

Через несколько дней четырех молодых женщин — Марину, Олю, Ирину и Аллочку встречали у парадного входа в роддом их мужья с цветами, подарками и светящимися от счастья лицами. Новорожденные плавно переехали на руки своих отцов и поплыли на этих самых надежных в мире руках в разные стороны.

Елена Викторовна наблюдала за проводами из окна своего кабинета. А этот сумасшедший Кукушкин прав, подумала она. «Дворец, в котором рождаются дети» — намного лучше, чем просто «роддом».

Навстречу новорожденным уже торопилась очередная «скорая помощь». Мужчина осторожно довел беременную женщину до самого порога. Дальше его не пропустили. Мужчинам лучше не знать, как на белый свет рождаются дети. У мужчин и так много забот: купить приданое для малыша и ничего при этом не за-

быть, а потом встречать свою жену и новорожденного ангелочка с цветами и подарками у парадного входа.

Ой, да знаю я его как облупленного

В отделение реабилитации после сложнейшей онкологической операции в одну и туже палату попали две женщины. Одну звали Анна, а другую — Валентина. Если бы не одинаковая болезнь и не одинаковая операция, они бы никогда в жизни не встретились друг с другом и не знали, что живут на одной планете, в одном и том же городе и даже на одной улице. Слишком разными они были людьми, с разными интересами, с разным уровнем жизни. Анна — много лет на руководящих должностях, с хорошей зарплатой и достатком, с шикарной квартирой и надежным, как железобетон, мужем, с дачей в престижном районе Подмосковья и с дорогой машиной-«иностранкой». Детей у Анны не было.Валентина много лет работает медсестрой в районной больнице, постоянно берет дополнительные ночные дежурства, очень устает, но денег все равно никогда не хватает, и она постоянно в долгах как в шелках. Муж Валентины работает водителем, у нее два сына-школьника, однокомнатная квартира на первом этаже многоэтажного дома и очень слабые надежды на улучшение квартирного вопроса в ближайшем будущем.

Анна и Валентина выходили из своей болезни по-разному. Анна смотрела на болезнь с высоты своего положения, как на подчиненную. У нее, Анны, все должно быть хорошо по определению, по сценарию ее жизни, а болезнь эта и операция — из жизни какой-то другой, несчастной женщины и к ней, Анне, не имеет никакого отношения. Просто произошла какая-то досадная ошибка. Кто-то случайно перепутал страницы.

— Муж взял путевки в очень хороший санаторий в Прибалтике, — рассказывала Анна Валентине. — Там сосны, воздух чистый, море. Если понравится, то можно и на два, и на три срока задержаться.

— Для меня это невозможно, — вздохнула Валентина. — Скоро осень, мальчишек в школу надо собирать. Все деньги на них уйдут.

— После такой операции тебе бесплатная путевка положена, — сказала Анна. — Иди и требуй в своем профсоюзе.

— Требовать я не умею, — ответила Валентина. — Может, кому-то нужнее. А я, мне так кажется, скоро умру, — Валентина всхлипнула.

— С чего это ты взяла? — спросила Анна. — Операция у тебя прошла успешно.

— Я знаю, что рак неизлечим.

— Глупости какие. Не надо настраиваться на плохое. Думай о хорошем.

— Да мне не себя жалко, а мальчишек. Если я умру, то мой муж женится на другой женщине, а мачеха моих ребят любить не будет, и отдадут их, бедных, в детский дом.

Валентина разрыдалась.

— Опять глупости, — сказала Анна. — Видела я твоего мужа. Очень заботливый и добрый. Чуть ли не каждый день к тебе после работы приходит.

— Ой, да знаю я его как облупленного. Жена мужу нужна здоровая. Какое-то время потерпит меня, калеку, а потом на сторону пойдет. Одиноких красивых и, главное, здоровых женщин вокруг много. А я инвалидка. Кому такая нужна?

В палату вошел лечащий врач Владимир Владимирович.

— Ну что, дорогие мои, завтра по домам. Запомните три главных правила: не унывать, побольше отдыхать и регулярно наблюдаться.

Анна уезжала из больницы на машине-«иностранке». За ней приехал муж. Валентина поехала домой на общественном транспорте. Машины у них не было.

Сыновья и муж больше месяца жили дома без Валентины, и, перешагнув порог квартиры, Валентина ахнула. Авгиевы конюшни... К ночи, когда Валентина отдраила квартиру до блеска и накормила семью, она плюхнулась без сил на кухонную табуретку.

— Что тебе сказал врач при выписке? — спросил муж.

— Больше отдыхать, — сказала Валентина и почувствовала, как заломило спину и поясницу.

— Валь, я, знаешь, как много передумал, пока тебя не было, и хочу тебе предложить...

— Ой, да знаю я тебя как облупленного, — перебила Валентина своего мужа. — Хочешь уйти от жены-инвалидки, — уходи. Скатертью тебе дорога. Я даже тебя понимаю. Ты еще молодой, найдешь свое счастье.

— Ты что, Валь? Я совсем о другом. Тебе воздух свежий нужен, молоко деревенское, отдых, покой. Давай уедем из Москвы к моей тете Шуре в Костромскую область. Я там трактористом работать буду, а ты с мальчишками дома. На работу я тебя не пущу. Что я за мужик, если жену и двоих детей прокормить не смогу?

— А как же тут? — спросила Валентина. — Квартира.

— Квартиру можно сдавать, а ребята вырастут, сами решат, что с ней делать.

— А тетя Шура согласна?

— Да она с радостью. Я ей звонил. Она ждет нас не дождется. Дом у нее большой, крепкий, места всем хватит. И мальчишкам раздолье. Школа рядом. Лес, речка, огород. Петухи по утрам на всю деревню горланят.

— Петухи? — переспросила Валентина.

— Да я же вижу, что ты уже согласна, — сказал Валин муж. — Я же знаю тебя как облупленную.

Через несколько дней Анна и Валентина встретились на вокзале. Их поезда отходили от одной платформы. Анна с мужем уезжала в санаторий в Прибалтику, а Валентина с мужем и детьми — в костромскую деревню.

— Вот это встреча, — ахнула Валентина.

— Да, мир тесен, — ответила Анна.

Валентина хотела обнять Анну и поцеловать, но не посмела.

— Здоровья тебе, — сказала она.

— И тебе того же, — ответила Анна.

Анна уходила первой.

Анна и Валентина чувствовали, что видятся в последний раз в жизни. Но они не знали, что и с Москвой они прощаются навсегда.

Валентина проживет в деревне очень долгую жизнь, дождется внуков и даже правнуков.

Анне станет плохо прямо в поезде. До санатория она не доедет. Она умрет на руках у своего мужа в маленькой районной больнице на одной из промежуточных станций по железной дороге от Москвы до Риги.

Муж Анны женится второй раз и будет счастлив. На их шикарной даче в Подмосковье его новая жена посадит для красоты неприхотливые пионы и ирисы, а Анне всегда больше нравились незабудки.

По порядку рассчитайсь!

Отряд из семи человек собрался очень быстро.

— По порядку рассчитайсь! — скомандовала Надежда.

— Первый.

— Второй.

— Третий...

— Седьмой. Расчет окончен.

Провожали, как на войну. Всем миром.

Отряд из семи женщин разного возраста из села Боголюбово Владимирской области отправлялся в город Серпухов Московской области к чудотворной иконе «Неупиваемая Чаша», которая спасает всех страждущих от недуга пьянства. Командир отряда тридцатилетняя Надежда узнала где-то, что если к чудотворной иконе «Неупиваемая Чаша» прийти пешком и помолиться, она обязательно поможет.

Мужчины в селе Боголюбово пили, и пили сильно. Пили молодые, и пили старые, пили семейные, и пили одинокие. Пили мужчины, а страдали женщины и, конечно, дети.

У командира отряда Надежды пил муж. У Веры пили муж и старший сын. У тети Дуси пил зять. У Нины пил отец. У Оли пил брат. У Татьяны Ивановны пил дед. У Валентины пил жених.

В самом центре Боголюбова стояла разрушенная церковь, и от нее крестом шли четыре улицы. На юг — Южная, на север — Северная, на запад— Западная, а на восток — Восточная. Все собрались у разрушенного храма в честь Боголюбской иконы Божией Матери. Мужчины стояли притихшие и какие-то испуганные, а остающиеся женщины давали дельные советы женщинам уходящим.

— Одевайтесь потеплее и теплых вещей возьмите побольше: хоть и весна, а по ночам очень холодно. Марток — надевай трое порток.

— Вот, варенье возьмите малиновое. Вдруг, не дай Бог, захворает кто дорогой.

— У меня дома есть фонарь очень мощный. Сын из Москвы привез. Я сейчас его вам принесу.

— Вы там и за моих мужиков помолитесь. Я в записке написала. Сама-то я не дойду, ноги болят, да и старая я уже.

— Помолимся.

— Отряд, — скомандовала Надежда, — равняйсь, смирно! Напра-во! Шагом марш!

Семь женщин с рюкзаками на плечах зашагали по Западной от храма улице. Кто-то махал им вслед рукой, кто-то утирал слезы. Мальчишки бежали за отрядом до самого конца улицы и даже дальше, а потом отстали.

Только боголюбские мужчины молча расходились по домам, пряча друг от друга глаза.

Надежда хотела скомандовать своему отряду: «Песню запевай!», но прямо в лицо дул промозглый ветер, и Надежда передумала. Пусть женщины экономят силы.

На первый привал остановились через три часа у опушки леса. Костер не разжигали, достали термосы и перекусили на скорую руку.

— «Царице моя преблагая, надеждо моя Богородице, приятелище сирых и странных предстательнице, скорбящих радосте, обидимых покровительнице! Зриши мою беду, зриши мою скорбь, помози ми яко немощну, окорми мя яко странна...», — читала Надежда на привале молитву ко Пресвятой Богородице.

Сам собой зашел разговор о мужчинах, ради которых они шли молить о помощи Пресвятую Богородицу.

— Если бы мой Петька не пил, — сказала Надежда, — он бы горы свернул. Руки-то у него золотые. Дом наш он сам срубил. Не дом, а деревянный терем. Все проходят, любуются. Некоторые даже фотографируют такую красоту.

— И мои оба мужика — по дереву мастера, — сказала Вера, — что сын, что муж. Если бы не пили — ты только дай им в руки инструмент, вмиг сделают все, что только захотите.

— А мой зять, — сказала тетя Дуся, — такую нам мебель смастерил, ни в сказке сказать, ни пером описать. Загляденье!

— А наш отец, — сказала Нина, — красивые деревянные наличники на окна делает. К нему даже из других мест приезжают. Только... он мало кому делает. Пьет...много...

— А мой брат — по деревянным игрушкам мастер, — сказала Оля. — Его игрушки даже на выставку в Москву возили, а сейчас он все забросил. Водка все мозги ему задурила.

— А мой дед, — сказала Нина Ивановна, — такие корзины плетет, просто чудо! Я когда своим знакомым в городе показываю, так они не верят, что это дед мой сделал.

— А мой жених, — сказала Валентина, — туесочки красивые из бересты умеет делать. Он мне несколько штук подарил. Я их как шкатулки использую. Удобно и красиво.

Заночевали на границе Московской и Владимирской областей. Поставили палатку, разожгли костер. Приготовили в котелке пшенную кашу, добавили в нее растительное масло и съели за милую душу. Спали в палатке, прижавшись друг к другу. Так теплее. Дежурных не оставляли. Верили, что Пресвятая Богородица защитит.

Утром зашли в ближайшую деревню набрать из колодца воды. По деревне быстро пробежала новость, куда идут семь женщин, и подмосковная деревня спохватилась, засуетилась. Кто-то кинулся писать записки с именами сильно пьющих мужей, сыновей, братьев, отцов, а кто-то, недолго думая, стал собираться в дорогу.

— По порядку рассчитайсь! — скомандовала Надежда.

— Первый.

— Второй.

— Третий...

— Семнадцатый. Расчет окончен.

После остановки в подмосковной деревне отряд увеличился на десять человек.

В Серпухов пришли поздно вечером. Ворота монастыря были уже закрыты. Постучали. Вышел монах, только посмотрел на них, а они на него, и он, ни слова не говоря, впустил их внутрь. Зашли в храм, подошли к чудотворной иконе «Неупиваемая Чаша» и, как подкошенные, упали перед ней на колени: «Царице моя преблагая...».

Молились всю ночь. Утром отслужили молебен и засобирались домой.

Боголюбово гудело, как растревоженный улей. Внезапно, неожиданно для всех к ним прислали нового главу сельской администрации, бывшего военного, офицера. Новый начальник собрал всех боголюбских мужчин в местном клубе для серьезного разговора, закрыл входную дверь на ключ и продержал там мужиков целых пять часов. По Боголюбову поползли слухи, что живыми мужики оттуда не выйдут, женщины заголосили, маленькие дети заплакали. Но мужчины боголюбские из клуба вышли, разошлись по домам, потом вернулись, и все, как один, сдали новому главе свои самогонные аппараты.

Новый глава сказал, что начнем новую жизнь в Боголюбово с восстановления храма, а все остальное приложится.

Через год Боголюбово издалека золотилось куполами восстановленного храма. На всю мощь работал деревообрабатывающий завод и при нем — мебельная фабрика. Артель деревянного зодчества под руководством мужа Надежды Петра завалена заказами со всех концов страны на год вперед.

Повеселели боголюбские женщины. А в каждом доме села Боголюбово в самом красном углу висит икона Пресвятой Богородицы «Неупиваемая Чаша».

Отряд из пяти человек собрался очень быстро.

— По порядку рассчитайсь! — скомандовала не очень молодая, но очень энергичная женщина.

— Первый.

— Второй...

— Пятый. Расчет окончен.

Отряд из пяти женщин разного возраста отправлялся из села Спасское Тверской области в город Серпухов Московской области к чудотворной иконе «Неупиваемая Чаша», которая спасает всех от пьянства. Говорят, что если к этой иконе прийти пешком и помолиться, она обязательно поможет.

— Отряд, — скомандовала немолодая энергичная женщина, — равняйсь! Смирно! Напра-во...

Мужчины села Спасское расходились по домам молча, опустив голову и пряча друг от друга глаза.

Сделай, как было

Когда Марина врет, а врет она всегда талантливо, с вдохновением, ей обычно верят, и она считает, что это вполне нормально.

Если Марина говорит абсолютную правду, а ей не верят, она сразу же теряется, не знает что делать, и ей кажется это ужасной несправедливостью.

Марина принесла золотую рыбку с Птичьего рынка, который был всего в двух трамвайных остановках от их дома.

— Предупреждаю, — сказала она своим домашним, которые тут же собрались вокруг трехлитровой банки, — рыбка золотая, волшебная, может исполнить только одно желание. Сначала хорошо подумайте, не торопитесь.

Муж, сын и дочка напряглись. Внутренние эмоции волновали их лицевые мышцы, и на них смешно было смотреть. Марина даже отвернулась, чтобы не рассмеяться.

— Одно желание на всех, или одно для каждого? — уточнил у Марины сын Сашка.

— Одно на каждого, — сжалилась Марина над своими домашними.

— А как это осуществляется технически? — уточнил муж Валера. — Тебе инструкцию дали?

Какие же они у меня наивные и доверчивые, подумала Марина. Ей стало до слез жалко и детей, и мужа. Она хотела уже признаться, что наврала, что просто купила рыбку вместе с банкой на Птичьем рынке, когда шла по дороге с работы домой, но не удержалась:

— Надо посмотреть золотой рыбке прямо в глаза и сказать свое заветное желание шепотом. Рыбка все услышит.

— Ой, чур, я первая, — радостно закричала Маринина дочка Даша.

Марина всегда была капитаном своего семейного корабля, и ее корабль плавает по морю жизни относительно спокойным и ровным курсом уже почти двадцать лет. «Порою направление, в котором мы движемся, — единственное, что нам известно о цели самого движения» — Теннеси Уильямс.

Очень способного Марининого сына Сашку приняли в физико-математическую школу, где он учится уже в восьмом классе. Талантливая дочь Даша — на третьем курсе журфака МГУ. Муж руководит целым отделом в Министерстве атомной промышленности. Сама же Марина скромно высиживает рабочее время в одной тихой конторе. Зато недалеко от дома. Пешком всего пятнадцать минут. Как раз мимо Птичьего рынка.

Дашка, Сашка и муж Валера по очереди подходили к золотой рыбке и честно заглядывали ей в глаза.

Маринин семейный корабль сделал крутой вираж уже на следующий день. Банку с золотой рыбкой поставили на столик около телефона, и он зазвонил. Даша взяла трубку и завизжала от радости, прыгая на одной ноге. Никто ничего не понимал.

— Меня взяли, — объяснила Даша причину своего восторга, когда смогла говорить.

— Куда? — хором спросила семья.

— Моя модель победила, и меня пригласили на конкурс модельеров в Париж!

Дашка с детства хорошо шьет, хоть никто ее и не учил. Она начинала с кукол. Берет без всяких выкроек кусок материала, вырезает все на глазок, сшивает, и получается чудо! Она и сейчас шьет для родных и знакомых без всяких выкроек. Марина считала, что умение шить по жизни, конечно, пригодится, но образование должно быть серьезным. К мнению своего капитана семья всегда прислушивалась, и Даша училась на одни «пятерки» и в школе, и в университете, а в свободное от учебы время шила, придумывая новые модели одежды как для женщин, так и для мужчин.

В Доме моделей на Кутузовской проходил конкурс, и Дашино платье понравилось строгому жюри.

— Мам, я давно хотела тебе сказать, что не нравится мне эта журналистика. Мне шить нравится. Ты только не обижайся.

Марина не пила и не ела несколько дней, не спала несколько ночей. Дочь забрала свои документы из университета, оформила заграничный паспорт и с группой молодых модельеров полетела в Париж. На прощанье Дашка поцеловала маму, папу, младшего брата и трехлитровую банку с золотой рыбкой.

Специалисты в Париже оценили талант Марининой дочери и заключили с ней контракт на целых три года. Марина не знала, плакать ей или смеяться.

Только-только Маринин семейный корабль стал выравнивать свой курс, как руль снова крутануло, но уже в другую сторону.

В дверь позвонили.

— Здравствуйте. Меня зовут Евгений Михайлович. Я тренер вашего сына.

Сашка любил футбол. К физике и математике у него были природные способности, а футбол — его любовь! Он с самого детства ходит в футбольный клуб при обществе «Спартак». Футбол для Сашки — это и работа до седьмого пота, и радость, и счастье. Хорошие результаты по физике и математике получались у Сашки как-то сами по себе, без особого труда и усилий с его стороны, без особой радости. Вопрос — ответ, задача — решение. Какая-то извилина в его голове выдает, как компьютер, правильные ответы, и все. Сашке порой кажется, что он тут даже ни при чем, а его все хвалят. Вот если его после игры похвалит тренер, он точно знал, что это — его личная заслуга.

— Вы любите футбол? — спросил Сашкин тренер Марину.

— Нет, — честно ответила она, вспомнив при этом Сашкины синяки, ссадины, растяжения…

Марина не могла смотреть футбол даже по телевизору. Каждый удар мяча по голове игроков превращался в ее воображении в сотрясение мозга, а каждое падение игрока — в перелом.

— У Вас выдающийся, талантливый сын, — сказал тренер Марине.

Грамот по футболу у Сашки не меньше, чем за победы на физико-математических олимпиадах.

— Я очень Вас прошу перевести сына в спортивную школу. Я уверен, что Ваш парень войдет в состав сборной и будет защищать честь всей страны.

Марине показалось, что она получила удар мячом по голове.

Сашка встал на колени и умоляюще смотрел на мать…

Тренер снился Марине всю ночь. Он выбивал мяч и приговаривал: за физику, за математику, за физику… Мячи от его ноги улетали далеко-далеко. Куда-то в бесконечность.

Через неделю после прихода тренера Сашку взяли в резервную команду молодежной сборной страны, и он уехал на сборы в Сочи.

Марина и ее муж Валера ужинали одни.

— Марин?

— У?

— Ты только не обижайся. Я хочу уйти из Министерства. Ну, какой из меня чиновник? Устал я от безделья. Вчера встречались с Борькой Лаптевым, он сейчас в Дубне в ядерном центре. Они там такую работу закрутили — закачаешься! Он меня к себе в свою команду позвал.

Марине показалось, что на ее корабле кто-то ударил на полном ходу по тормозам: «Стоп, машина!». Корабль остановился, а Марина продолжала по инерции двигаться и ударилась головой об кухонный шкаф.

— Марин, ты что?

— Шишка будет, — Марина потерла рукой больное место. — А как же я?

— Ты будешь ко мне приезжать по выходным, а я — к тебе.

Муж сиял от счастья. Всю ночь он копался в своей специальной технической литературе и разговаривал сам с собой.

Марина и золотая рыбка остались дома вдвоем. Дочь Даша — в Париже, сын Сашка — в Сочи, муж Валера — в Дубне.

Марина поставила трехлитровую банку с золотой рыбкой на кухонный стол.

— Эй, ты, холоднокровная, — обратилась Марина к золотой рыбке, — сделай, как было. По-хорошему тебя прошу: сделай все, как было. А то вот зажарю тебя сейчас и съем.

На следующий день Марина выпустила золотую рыбку в Москву-реку и помахала ей на прощанье рукой.

Царь Нептун встретил золотую рыбку по-простому, без церемоний.

— Ну что? Опять вернулась, горе ты мое луковое. Сколько раз я тебя просил — только без самодеятельности.

Никто не знал, даже сам царь Нептун, что у золотой рыбки были грандиозные планы — она хотела осчастливить все человечество.

А кто-то где-то уже забрасывал невод.

Будь здоров, не кашляй

Валя и ее бывший муж Андрей наговорили друг другу еще до развода так много ужасных, несовместимых с семейной жизнью слов, что на самом разводе они уже просто молчали.

Развели их быстро, в рабочем порядке, потому что детей у них не было. Валя никому не сказала, что у нее уже четыре месяца беременности.

— Будь здоров, — сказала Валя своему бывшему мужу на прощание. — Не кашляй.

После развода они разошлись в разные стороны. Андрей уехал в свой родной город на Урале, а Валя осталась в общежитии в небольшом текстильном городке в Подмосковье.

Родилась дочь, и весь мир у Вали закрутился вокруг дочки. Про бывшего мужа она и не вспоминала. Валя была уверена, что у нее хватит сил и здоровья поставить дочку на ноги и воспитать ее. Но человек предполагает, а Бог располагает.

Олечке только-только исполнилось пять лет, как Вале пришлось вспомнить про своего бывшего мужа. Прямо на работе Вале стало плохо. Она пошла на больничный, сделала полный анализ крови и получила диагноз как приговор: лейкемия, рак крови. У Вали был только один вопрос к врачам:

— Сколько? Сколько мне еще осталось?

Врачи пожимали плечами и опускали глаза. Валя поняла, что времени у нее совсем мало и ринулась на вокзал.

Билеты в купейный вагон до небольшого уральского городка для себя и для дочки она купила очень быстро. Всю дорогу в поезде, почти двое суток, она готовила слова, которые скажет своему бывшему мужу. Валя, выросшая в детском доме, панически боялась, что, когда она умрет, ее дочку тоже отдадут в детский дом: никаких родных, кроме бывшего мужа, у нее не было. Ей хотелось успеть умолить Андрея взять Олечку к себе, если с самой Валей что-нибудь случится. Я встану перед ним на колени, я отдам ему все, что только он захочет, думала Валя.

Дверь Вале открыла молодая женщина с ребенком на руках.

— Муж сейчас придет, подождите, — сказала она.

Бывший муж Вале совсем не обрадовался.

— Ты зачем приперлась? — спросил он.

С первой же минуты Валя поняла, что он ничему и никогда не поверит. Не поверит, что Олечка — его дочка, не поверит, что сама Валя смертельно больна, а значит, приехала она в такую даль совершенно напрасно. Но, набрав в легкие побольше воздуха, Валя все-таки рассказала бывшему мужу все и, самое главное, просила его взять к себе дочку, когда она сама умрет.

— Ты что, правда, что ли, считаешь других глупее себя? — спросил Валю бывший муж. — Мы уже пять лет, как в разводе, а она мне какого-то ребенка подсунуть хочет. Может, ты и на алименты подавать будешь? Учти, дохлый номер.

Валя встала.

— Нет, никуда я подавать не буду. До свидания. Будь здоров, не кашляй.

— Да пошла ты...

Поезд на Москву был только поздно вечером. Валя с дочкой перекусили в вокзальном буфете и вышли на улицу подышать свежим воздухом.

Совершенно неожиданно некрещеная Валя подняла к небу голову и стала молиться, как могла. Ни одной молитвы она никог-

да в жизни не знала. Господи, просила она, прошу тебя, спаси и защити мою девочку, не оставь ее одну, беззащитную, помоги ей...

Искренняя, от самого сердца молитва доходит до Бога очень быстро.

— Женщина, Вам плохо? Чем я могу Вам помочь?

Перед Валей стояла пожилая женщина в платочке.

Через пару часов Валентина с Олечкой сидели в светлом и очень уютном домике отца Николая на самой окраине небольшого уральского городка, а матушка Серафима, его жена, хлопотала на кухне.

Валя уже дважды рассказывала свою историю. Сначала — матушке, а потом — отцу Николаю.

— Оставайся у нас. Зачем тебе куда-то уезжать? — спросил Валю отец Николай. — Тебя кто-нибудь там ждет?

— Нет, — честно ответила Валя.

Отец Николай окрестил Валю и Олечку в один и тот же день. Матушка Серафима стала им обеим крестной мамой.

— Не волнуйся, — сказала матушка Серафима Валентине, — не оставит теперь Господь твою девочку, да и я теперь за нее перед Богом в ответе.

Валентина стала помогать в храме, чем могла. Чистила подсвечники, мыла полы. Про свою болезнь старалась и не думать. Болезнь сама напомнила о себе. У очень тяжелых болезней память хорошая.

Умерла Валя тихо. Отец Николай сам отпевал ее в своем храме. Лицо у Вали было спокойное-спокойное.

Ночью после похорон Валентина приснилась только одному-единственному человеку на земле — своему бывшему мужу Андрею. Валя смотрела на него добрыми-добрыми глазами, а потом погладила его по голове и сказала:

— Будь здоров, дорогой. Не кашляй.

Бывший Валин муж потом долго думал и никак не мог понять: почему это у его бывшей жены вместо рук были крылья?

Спасибо, вы очень любезны

По закону подлости наша машина сломалась как раз в тот ответственный момент жизни семьи, когда надо было выезжать на дачу и, самое главное, вывозить туда на все лето ребенка. Машину обещали починить только через неделю, и я с пятилетним сыном Гришкой поехала на дачу на электричке. Лучше немного пострадать, чем томиться еще целую неделю в душной и жаркой Москве.

Под стук колес электрички мой Гришка быстро уснул, я дремала, когда в наш вагон вошла девушка с гитарой и маленьким мальчиком.

— У меня сейчас очень трудная жизненная ситуация, — сказала девушка, обращаясь ко всем людям в вагоне, — помогите, если можете.

Девушка несколько раз перебрала струны своей гитары и запела красивым, чистым голосом песню моего детства:

У моря, у синего моря,

С тобою, мы рядом с тобою,

И солнце светит, и для нас с тобой

Целый день поет прибой...

Я внутренне напряглась, и пока девушка пела про дельфинов и про чужие края, боролась сама с собой. Мне очень хотелось ей помочь, но я точно помнила, что в моем кошельке совсем нет мелочи и мелких купюр, а лежит только тысяча одной бумажкой, и мне было жалко ее отдавать.

Девушка допела свою песню до конца и пошла по проходу вагона. Маленький мальчик молча шел за ней. Молодой паренек, который сидел рядом со мной, подал девушке деньги. Девушка остановилась, взяла деньги и сказала ему:

— Спасибо, — и добавила: — Вы очень любезны.

Глаза у девушки были синие-синие, как море, про которое она только что пела.

— Уснул? — спросила она у меня, кивнув на спящего Гришку.

— Спит, — ответила я.

Девушка улыбнулась, взяла за руку своего мальчика и пошла дальше. Я готова была провалиться от стыда и чуть не заплакала от досады на саму себя. Напротив меня сидела супружеская пара средних лет.

— Шла бы работать, — сказала женщина, кивнув в сторону девушки с гитарой, — молодая, здоровая. Никто работать не хочет, а все норовят на халяву.

—Я тут однажды подсчитал, — вступил в разговор муж женщины, — пока я ехал до своей станции, двенадцать попрошаек по моему вагону проходило. В газете писали, что это целый бизнес. Они в день зарабатывают десятки тысяч рублей. Это целая мафия.

— Она же сказала, что у нее сложная жизненная ситуация. Всякое бывает, — сказал молодой паренек рядом со мной. — От сумы и от тюрьмы не зарекайся.

— Да это они напридумывают, — ответила пареньку женщина, — хоть роман пиши. Еще и детей с собой по вагонам таскают.

— А мне кажется, что она говорила правду, — не сдавался паренек. — Глаза у нее очень добрые, небесно-голубые.

Я была с пареньком полностью согласна. Супружеская пара осталась при своем мнении, паренек — при своем, а моя совесть — при своем.

— Жмотка ты махровая, вот что я хочу тебе сказать, — обличала меня моя собственная совесть. — У девушки маленький ребенок. Может быть, им на хлеб, на молоко, на еду денег не хватает. Ты что, от этой несчастной тысячи рублей разбогатеешь?

— Нет, — слабо защищалась я.

— Обеднеешь?

— Нет.

— С голоду помрешь?

— Нет. У меня с собой еще деньги есть.

— Может, от одной тысячи рублей будешь счастливее?

— Нет.

— Ну вот, — подвела итог моя совесть, — что и требовалось доказать. Да ты не просто жадная, ты еще и жестокосердная на чужую боль и на чужую беду. Видеть тебя больше не могу, — сказала мне моя совесть и со всей силой хлопнула дверью.

В первую же ночь на даче мне приснился сон, который потом повторялся много-много раз. Девушка с гитарой и морскими глазами просит у меня хлеба, а я подаю ей...камень.

— Спасибо, — говорит мне девушка и, улыбаясь, добавляет: — Вы очень любезны.

Я специально несколько раз за лето ездила в Москву и из Москвы на дачу на электричке, но девушка с гитарой и маленьким мальчиком мне больше не встречались.

Однажды я заплакала прямо во сне.

—Проснись, Лена. Что с тобой? —забеспокоился мой муж.

—Да так, долго рассказывать, — ответила я и отвернулась к стене. К моим глазам опять подступили слезы.

Даю тебе две минуты

— Даю тебе две минуты, — сказала я своему зятю. — Собирай свои вещи и уматывай на все четыре стороны. Время пошло.

Я не знала, что я сделаю с зятем через две минуты, но он, посмотрев на меня, быстро исчез из поля моего зрения и из поля зрения моей дочери Лизы и внука Темы.

Надо отдать должное терпению моей дочери. Она многое от меня скрывала, но все тайное, как известно, все равно когда-нибудь становится явным, и шило в мешке не утаить. Я случайно узнала и про загулы моего зятя, и про то, что он дома часто не ночует, а дочь стоит ночи напролет у окна и ждет его, и про то, что он деньги в автоматах стал проигрывать.

Дочь плакала, а я ее успокаивала.

— Что, мы с тобой — без рук или без ног? — спрашивала я у дочери. — Две взрослые женщины одного ребенка не вырастим? Еще как вырастим, выучим и без этого твоего нахлебника.

— Мам, но он все-таки отец, — слабо защищалась моя дочь.

Как у меня только не вырвалось грубое слово? Я даже язык свой прикусила.

— Нормальные отцы деньги зарабатывают, — сказала я вслух, — семью обеспечивают, детей, в конце концов, воспитывают. А твой трутень не делает ни первого, ни второго, ни третьего. Чистый паразит.

— Мам, — сказала дочь, — я никогда тебе этого не говорила, но, знаешь, когда я была еще совсем маленькая, самой большой моей мечтой было, чтобы за мной в садик пришел мой папа и чтобы он взял мою маленькую ладошку в свою большую-большую и сильную руку и мы бы пошли с ним домой вместе.

Я внутренне напряглась. Лизиного отца, моего бывшего мужа, я турнула, когда Лизе было всего два годика.

— Я тебя, мам, очень люблю, — продолжала дочь, — ты всю жизнь мне отдала и сейчас отдаешь, но отца мне всегда очень не хватало. А теперь и Тема мой будет безотцовщиной, а мальчикам отец еще нужнее.

— Ну, беги, — сказала я своей дочери, — догоняй, он еще не успел далеко уйти. Возвращай своего нахлебника, но только тогда ноги моей в вашем доме больше никогда не будет. Я не могу смотреть на все это безобразие. И в кого ты только такая размазня? Ни гордости у тебя нет, ни самолюбия. Он об тебя ноги вытирает, а тебе хоть бы что. Ну, все, хватит. Даю тебе две минуты: или ты со мной уезжаешь, или остаешься.

Дочь с внуком переехали ко мне. Темочка стал ходить в ближайший к моему дому детский садик, а дочь устроилась в этот же садик воспитательницей. Жизнь текла своим чередом. Темочка про отца даже и не вспоминал. Ну, и слава Богу, думала я. Дочь стала улыбаться все чаще.

Темочке на день рождения подарили прожорливую черепаху Эмму, и как только весной появилась первая зеленая травка, мы стали выводить Эмму на прогулку. Двор около нашего дома просторный, места для детворы много, а бабушки и молодые мамочки садятся на удобные лавочки и, наблюдая за своими детьми, разговоры разговаривают, как говорит мой внук.

Темочка выпустил черепаху на траву и подошел ко мне. Вдруг лицо его изменилось, и он прошептал сначала как-то неуверенно, глядя через мое правое плечо:

— Папа...

Потом удивленно спросил неизвестно у кого в полный голос:

— Папа?

А потом закричал так, что на него обернулись все, кто был в это время во дворе:

— П-аа-п-аааа...

Я оглянулась. Тема сорвался с места и полетел навстречу отцу. Отец подхватил Тему своими сильными руками, закружил и

прижал к себе. Так они и стояли, обнявшись, посреди двора. Темочка держал отца за шею своими худенькими ручками, а отец прижимал тельце ребенка к себе большими мужскими руками.

— Давно не виделись? — спросила меня соседка по лавочке, такая же бабушка, как и я.

— Давно, — ответила я, — а если быть точной, то целых пять месяцев.

— Издалека приехал? — соседке зачем-то хотелось скоординировать в пространстве полученную от меня информацию.

— Отсюда не видно, — ответила я совершенно искренне и нисколько не слукавив.

Я встала и сама подошла к застывшему посреди нашего двора зятю с ребенком на руках. Мы с зятем молча посмотрели друг на друга.

— Умру, но не пропущу тебя дальше, — прочитал зять в моих глазах.

— Не сомневаюсь, — прочитала я в его.

— Моя дочь, в отличие от меня, не умеет не прощать, — сказала я вслух.

— Я это знаю, — ответил мне зять.

И тут я увидела счастливое лицо Темочки и чуть не заплакала, хоть никогда не была плаксивой.

— Даю тебе две минуты, — сказала я своему зятю, — чтобы ты доказал мне, что моя дочь и мой внук будут с тобой счастливы и, самое главное, чтобы я тебе поверила. Время пошло...

Примерно через час Темочка с папой шагали, взявшись за руки, через весь двор к нашему подъезду.

— Ты вернулся, да? Ты вернулся, да? — спрашивал Темочка у отца каждую минуту, требуя подтверждения своего детского счастья.

— Я вернулся, — отвечал отец Темочке и добавлял: — Да.

Об этом вслух не говорят

Я окончательно созрела для того, чтобы сказать своим великовозрастным детям, тридцатилетнему сыну и двадцативосьмилетней дочери, все, что я о них думаю.

— Об этом вслух не говорят, — предупредил меня мой мудрый муж, когда я поделилась с ним своими ближайшими планами. — Ты рискуешь испортить отношения с родными детьми, а ситуацию все равно не исправишь. Каждое поколение живет своим умом и своими ошибками.

Это был один из тех редких, почти экзотических случаев, когда я не была согласна со своим собственным мужем.

Первым под горячую руку мне попался мой тридцатилетний сын Сашка.

— Саш, ответь мне, пожалуйста, только честно. Почему ты до сих пор никак не женишься? Я внуков хочу. Я давно уже созрела стать бабушкой.

— Какая же ты, мам, бабушка? Ты у нас самая-самая молодая.

— Я серьезно спрашиваю.

— И я серьезно, — ответил сын. — Не встретил я еще такую женщину, которая будет любить меня так же, как ты.

— Да где же ты ее встретишь, если все свободное время дома просиживаешь около своего проклятого компьютера, из-за которого я внуков понянчить никак не могу. Вторую половинку свою искать надо по всему белому свету. На работе, в транспорте, среди знакомых, среди знакомых своих знакомых. Под лежачий камень вода не течет, — сказала я и подумала, что точнее было бы сказать, что под сидячий около компьютера камень вода не течет, но не стала менять народную мудрость.

— Мам, я полностью доверяю твоему вкусу и отдаю решение этого вопроса в твои надежные руки. Вот, обещаю, честно, на ком ты скажешь, на той я и женюсь.

— Шутишь?

— Нисколько. Я серьезен как никогда. Мне самому моя холостяцкая жизнь давно надоела.

Я схватилась за свою записную книжку и открыла первую страницу на букву «А». Пока я обзванивала всех своих знакомых до самой последней буквы алфавита с просьбой найти для моего засидевшегося в женихах сына подходящую невесту, мои знакомые на самые первые буквы алфавита уже докладывали о результатах своих поисков. К вечеру наш телефон раскалялся от звонков. Я даже в какой-то момент испугалась, что мы не справимся с таким количеством потенциальных невест.

Вечером я сунула сыну под самый нос длинный список девушек и женщин. Сын выбрал девушку по имени Маша, и я заставила его позвонить ей и договориться о встрече.

Через месяц мой сын Сашка и девушка Маша поженились, а через год родили мне внучку Полинку.

— Лен, почему ты до сих пор не замужем? — подступила я без предварительной подготовки к своей двадцативосьмилетней дочери. На языке военных это называется лобовая атака, а на языке медиков — шоковая терапия. —Так совсем старой девой останешься.

— Мам, об этом вслух не говорят. Неприлично как-то такие вопросы обсуждать. И потом, если хочешь знать, старые девы неплохо живут, я уйму примеров знаю. А если я вам с папой надоела, то я могу квартиру себе снять и жить отдельно.

— Ты что? С ума сошла? Тебя никто не гонит. Но неужели тебе никто из мужчин совсем-совсем не нравится?

— Почему же? Нравится, — дочь ткнула в обложку журнала «7 дней».

— Мне в молодости тоже артисты и певцы всякие нравились. Но звезды только на небе, да и света от них мало, а тепла — так совсем никакого, — сказала я.

— Мам, а помнишь, ты мне в детстве сказку читала — «Король Дроздобород» ? Принцесса еще из этой сказки сказала, что выйдет замуж за того, кто первым в ее замок войдет.

— К нам сегодня сантехник придет, — сказала я. — Я сама его вызывала.

— Ну вот. Хочешь, я выйду замуж за сантехника? — спросила дочь. — Если он только не женат, конечно.

— Хочу, — как-то не очень уверенно ответила я.

Сантехника звали Слава. Он починил нам сливной бачок от унитаза, и мы усадили его за чай. Слава рассказал, что приехал в Москву из Тверской области на заработки. Слава мне, вообще-то, понравился: работящий, рассудительный. Да и дочке, кажется, понравился тоже.

Через месяц моя дочь Лена и сантехник Слава из Тверской области поженились, а через год родили мне внука Алешку.

Я так счастлива. Но... Об этом вслух не говорят.

Пойду-ка я спать

Ольга Петровна вернулась домой с работы с дикой головной болью. Больно было пошевелить головой, больно было даже думать.

Дома, как всегда, был полный порядок. Муж уже приготовил ужин, дочери, старшая Оксана и младшая Катя, накормлены и занимаются своими делами. Оксана готовится к сессии, а Катя читает.

Ольге Петровне хотелось побыстрее положить свою больную голову на подушку и закрыть глаза.

— Пойду-ка я спать, — сказала она своим домашним.

Не успела Ольга Петровна принять горизонтальное положение, как к ней в комнату вошла старшая дочь Оксана.

— Мам, — сказала она, — я знаю, что ты очень устала, но можно я тебе кое-что расскажу?

— Рассказывай, — сказала Ольга Петровна.

— Мам, тебе со всеми подробностями или очень кратко?

— Давай... со всеми подробностями.

— В нашей группе, — начала свой рассказ Оксана, — учатся два мальчика. Один очень красивый, его зовут Игорь, и в него влюблены почти все девочки с нашего курса, а второй, Алеша, добрый-добрый мальчик, но совсем некрасивый и какой-то неказистый и... смешной.

Дочь Ольги Петровны долго рассказывала о внешних достоинствах красавца Игоря и о духовном богатстве неказистого Алеши.

— Мам, — спросила Оксана Ольгу Петровну, — вот если бы ты была, как я, и эти двое ребят сделали бы тебе предложение выйти замуж, то за кого бы ты вышла? Только честно. Учти, что тебе не сорок лет, как сейчас, а только двадцать один год, как мне.

— Ну, во-первых, я бы отказала и одному, и другому, — сказала Ольга Петровна.

— Почему, мам?

— А потому, что надо сначала закончить институт, устроиться на работу, встать на ноги и стать самостоятельной.

— Но я же тебя просила представить, что тебе только двадцать один год. Мне очень важно знать, кто же живет счастливее: тот, кто выходит замуж по любви, или без любви, по какому-нибудь расчету? Кто же счастливее в браке: тот, кого любят сильнее, или тот, кто любит сильнее? Вот, наш папа, например, очень-очень любит тебя, и он счастлив.

— Я тоже папу люблю, — сказала Ольга Петровна.

— Но сразу видно, мам, что папа любит тебя намного сильнее, и все это давно знают. Я скажу тебе все до конца. Красавец Игорь мне нравится намного больше, чем Алеша, и если я выйду за него замуж, то буду жить, как ты с папой, только наоборот.

— Это как?

— Я буду любить его сильно-сильно, как папа любит тебя, а он будет принимать мою любовь как должное, — так, как ты, мам, принимаешь папину любовь к тебе. А если я выйду замуж за Алешу, то будет точь-в-точь, как у вас с папой. Он будет меня любить, как папа любит тебя, а я только буду принимать эту любовь как данность. Что же лучше, мам?

Никем никогда не видимая, но всем хорошо знакомая, потому что многие ею пользовались и не один раз, машина времени закинула Ольгу Петровну на семнадцать лет назад. Самая окраина Москвы, съемная однокомнатная квартира на первом этаже. На руках у Ольги Петровны грудная Катюшка, рядом четырехлетняя Оксана. В глазах у Ольги Петровны ужас, а в сердце полная пустота. С минуты на минуту должна прийти хозяйка квартиры. Они задолжали ей уже за пять месяцев, и она точно выгонит ОльгуПетровну сегодня вместе с детьми на улицу. Они замерзнут там все втроем очень быстро. Зима. Морозы в Москве стоят невиданные.

В дверь позвонили, Ольга Петровна вздрогнула, Катюшка расплакалась. Настойчиво позвонили еще и еще раз. Ольга Петровна пошла открывать.

— Это ты, Саш?

— Я, ты что, плохо видишь?

— Как ты нас нашел?

— Земля слухом полнится.

Саша прошел в комнату, потом на кухню, по-хозяйски заглянул в пустой холодильник.

— Так, — сказал он, — значит, все правда. Муж твой тебя бросил с двумя детьми, и вы тут втроем практически голодаете и еле-еле сводите концы с концами. Как мне и сказали.

В дверь позвонила хозяйка квартиры, и Саша заплатил ей весь долг целиком. Потом он ушел и вернулся с большими пакетами. Потом готовил на кухне что-то вкусное и совсем мало говорил. Оксана почувствовала своим детским сердечком в дяде Саше спасителя и не отходила от него ни на шаг.

Через несколько дней Саша приехал за Ольгой Петровной и девочками, загрузил их вещи в машину и перевез в свою квартиру.

Саша был самым невзрачным мальчиком в классе Ольги Петровны. Она никогда не обращала на него никакого внимания, а над его записками с признанием в любви только посмеивалась. Учился Саша плохо и после девятого класса поступил в училище. Ольга Петровна про него и забыла совсем. Она окончила школу, поступила в институт и на первом же курсе вышла замуж за красавца Олега, пятикурсника. Они сняли однокомнатную квартиру на окраине Москвы и жили сначала очень счастливо. Родились девочки. А потом однажды Олег сказал Ольге Петровне, что полюбил другую женщину и ничего с собой поделать не может.

Саша взял Ольгу Петровну замуж и удочерил ее девочек.

— Мам, — Ольга Петровна вздрогнула, — ну, ты что молчишь ? Что ты мне посоветуешь? — спрашивала Оксана.

— А ты с папой говорила?

— Ну вот, как всегда. Я ему все раньше тебя рассказала. А он меня спрашивает: а ты с мамой говорила?

— Давай, дочь, доживем до утра, а там видно будет. Утро вечера мудренее.

— Все понятно. Значит, ответа у тебя нет?

— Пока нет.

— Тогда последний вопрос. А ты, мам, с папой счастлива?

Ольга Петровна ответить не успела. В комнату вошел муж Саша.

— Ну что, насекретничались? — спросил он.

Посмотрев на мужа, Ольга Петровна вдруг с ужасом подумала, что совсем мало говорила ему о том, как она благодарна ему за все, что он сделал для нее и для девочек, как она любит его всем своим сердцем. Быстро же человек привыкает к хорошему. Утром Ольга Петровна только-только глаза открывает, а Саша уже всем завтрак горячий приготовил, а вечером всегда — вкусный ужин. Ольга Петровна не знает, что такое ходить по магазинам, что такое тяжелые сумки с продуктами для всей семьи. И в квартире убирает не она, и стирает не она, и гладит не она, и уроки, когда дети учились в школе, проверял муж, и на родительские собрания ходил тоже он...

— Да кто ты такая? — спросила Ольга Петровна сама себя мысленно. — Принцесса на горошине какая нашлась.

Утром Ольга Петровна встала раньше всех. Быстро приготовила тесто, быстро напекла румяных блинчиков. На кухню вошел удивленный муж. Ольга Петровна уткнулась носом в его крепкое плечо.

— Саш, ты только не смейся. Я очень тебя люблю и хочу родить тебе третью дочку.

— А, может, лучше парня? — с надеждой спросил Саша. — Дочки у нас уже есть.

— Можно и парня, — согласилась Ольга Петровна.

Ольга Петровна вернулась с работы очень уставшая. Она даже отказалась от вкусного ужина, который приготовил муж.

— Пойду-ка я спать, — сказала она.

Ольга Петровна еще не успела принять горизонтальное положение, как к ней в комнату вошла младшая дочь Катя.

— Мам, можно я тебе кое-что расскажу? — спросила Катя.

— Можно, — ответила Ольга Петровна.

— Тебе со всеми подробностями или кратко?

— Давай... со всеми подробностями.

Мне кажется, что у вас будет мальчик

Лена жила с чистой совестью, что свой женский долг она честно выполнила и, родив сына и дочку, внесла достойный вклад в демографическую ситуацию родной страны. Поэтому, когда в тридцать два года у нее обнаружилась эта незапланированная беременность, она долго не думала, а, высказав мужу один на один все, что она о нем думает, Лена пошла записываться на аборт.

Когда она вернулась домой, увиденное повергло ее в шок. Вся семья — муж, сын и дочка — сидели на корточках перед сломанной детской коляской и ремонтировали отвалившееся колесо. Коляска осталась от младшего сына Костика и уже семь лет валялась на балконе.

— Мам, — сказал Костик, — я, конечно, не хочу вмешиваться в законы природы, но ты уж постарайся родить мне братика. Я буду с ним в футбол на даче играть.

— А я о сестренке мечтаю, — сказала дочка. — Я буду ей косички заплетать и книжки читать.

Коляска починке не поддалась, и ее наконец-то отнесли на помойку.

— Ну, ничего, — успокоил всех отец семейства. — Купим новую.

Аборт Лене назначили на первое августа. От дома до больницы было всего пять остановок на трамвае, но Лена ехала очень долго: все светофоры на ее пути горели красным светом, и трамвай

подолгу стоял на каждом перекрестке. А светофоров и трамваев в Москве очень много.

Вдобавок трамвай совсем остановился: на линии отключили электричество. Возмущенные пассажиры тоненьким ручейком стали покидать салон. Последними выходили Лена и сухощавая, высокая, как жердь, старуха с суровым лицом, обветренным всеми ветрами, промытым всеми дождями, пропеченным жарким солнцем. У старухи были две огромные сумки , и Лена кинулась ей помогать.

— За эту сумку не берись, — сказала старуха, посмотрев на Лену ястребиным взглядом, — она очень тяжелая, а тебе нельзя тяжести поднимать. Бери другую, она большая, но легкая. Это я траву сестрам насушила.

Старуха широким шагом с сумкой шла впереди, а Лена семенила сзади. Минут через двадцать подошли к закрытым воротам женского монастыря. Старуха постучала.

— Это я, Евфимия.

Ворота быстро открылись. Лена слышала про этот монастырь много раз, но никогда тут не была.

— Подожди меня здесь, — старуха показала на скамейку напротив храма. — Я скоро.

Мимо Лены в сопровождении монахини в храм вошла очень красивая пара, мужчина и женщина. Женщина была где-то Лениного возраста и очень нарядно одетая. Наверное, венчаться будут, подумала Лена.

Старуха выросла перед Леной, как из-под земли. Сумок у нее уже не было.

— Иди за мной, — строго сказала она.

Вошли в храм. Старуха подала Лене платок и три свечки.

— Поставь эти свечи Пресвятой Богородице, — сказала она.

Лена зажгла свечи перед иконой Богородицы. Две свечи горе-

ли хорошо, а третья заплачет и погаснет, заплачет и погаснет... Лена зажигала ее несколько раз.

— Убийство задумала, вот она и не загорается, — объяснила старуха.

Лена даже и не поняла, что произошло в следующий момент. Сначала грохот, потом нечеловеческий крик. Посреди храма лежала и кричала диким голосом красивая молодая женщина, которую Лена видела несколько минут назад. Мужчина и монахиня стояли рядом и не делали никаких попыток ей помочь. Лена кинулась в сторону кричащей женщины, но старуха удержала ее за руку стальной хваткой. Через некоторое время женщина затихла. Мужчина вынес ее из храма на руках.

Монахиня подошла к старухе.

— Бесноватая? — спросила старуха.

— Да, — ответила монахиня. — Всем монастырем молимся за нее. Четыре аборта. Все убиенные дети приходят к ней каждую ночь во сне. Она почти не спит. Боится. Помолитесь, матушка Евфимия, о рабе Божьей Ирине.

— Помолюсь, — сказала старуха. — И вы тоже помолитесь о рабе Божьей Елене, — старуха кивнула в сторону Лены.

— Мне кажется, что у вас будет мальчик, — сказала монахиня Лене и улыбнулась ей такой солнечной, небесной улыбкой, что Лена чуть не заплакала от физического чувства стыда за себя.

Старуха проводила Лену до ворот.

— Спасибо за помощь, — сказала она. — А сына чтобы Серафимом назвала. Сегодня День памяти батюшки Серафима Саровского. Иди с Богом, — сказала старуха Лене и перекрестила ее на дорогу.

Как-то очень быстро Лена вышла к нужной остановке, быстро подошел трамвай в сторону дома, и все светофоры в этот раз горели на ее пути только зеленым светом.

Время дождя

Всех люблю и всех целую

Деревенская печка и Верочка понравились друг другу с первого взгляда. Верочка долго любовалась голубой плиткой с красивым орнаментом, которой печник с любовью обложил печку с лицевой стороны. Верочка даже погладила печку по ее голубому наряду, похожему на летний сарафан. И печка отвечала Верочке взаимностью. Дрова разгорались быстро, весело потрескивали, отдавая свое тепло Верочке и ее дочке Кате. А Верочка сначала все боялась, что она, горожанка от рождения, с деревенскими проблемами не справится. А теперь все страхи позади. Верочку все-все радовало. Слава Богу за все. Она устроилась работать на почту. В этом же здании ей дали служебную комнату с маленькой кухней. Удобно, что работа и дом рядом. В селе есть начальная школа. Дочка пошла туда в третий класс. Верочка еще подрабатывала почтальоном, разносила по ближайшим деревням газеты и письма.

Местный народ — очень доброжелательный и щедрый. У них с дочкой уже уйма деревенских гостинцев — варенья, соленья, овощи, фрукты. А места тут красивые. Лес, река, холмы.

Скоро Новый год, Рождество. Дочка давно уснула. Верочка присела к письменному столу и улыбнулась. На столе лежали детские рисунки. Катюшка неплохо рисовала. Один альбомный лист был сложен пополам, и на нем детским почерком было написано: «Поздравительная открытка». Верочка развернула этот лист и ахнула. Ее десятилетняя дочка Катя писала:

«Бабушка, дедушка и папа. Я вас всех не люблю и с праздником не поздравляю. Я к вам никогда-никогда не приеду, даже если вы очень заболеете. А если умрете, то я и на могилку к вам не приду. Ваша бывшая дочка и внучка Катя».

В глаза быстро набежала соленая вода, и Верочка всхлипнула. Боль, которую она запихивала и запихивала в самые дальние кладовые своей памяти, опять вышла на свободу и нагло ух-

мыльнулась. Верочка мгновенно вспомнила, как она из любимой и любящей жены как-то вдруг неожиданно превратилась в добровольного ночного сторожа. Она часами стояла у окна и ждала мужа. Сначала он стал задерживаться на работе допоздна, потом перестал приходить ночевать, а потом ушел навсегда.

— Сама виновата, — говорила Верочке свекровь.

Свекровь со свекром жили вместе с Верочкой, а точнее, Верочка с ними.

— Крепче надо было мужа держать. А ты все внимание на дочку переключила, вот он и пошел искать ласку на стороне. Видно, и нашел. Ты учти, что бы между вами ни случилось, а сын нам всегда будет дороже тебя. Родная кровинка.

— А куда же нам с Катюшкой деваться? — спросила Верочка свою свекровь и разрыдалась.

Идти ей было некуда. Мама у нее давно умерла, а в родном доме — отец с новой своей семьей. Верочке с дочкой там места нет. А снимать в Москве квартиру она никогда не сможет. Очень дорого, и ей не по карману.

Через свекровь муж Верочки сообщил ей, что полюбил другую женщину, что женится на ней. Она уже ждет ребенка. Известно, что будет девочка. А еще муж передал через свою маму, что снимать в Москве квартиру им очень дорого, и он хотел бы со своей будущей женой переехать домой, к своим родителям.

С молчаливого согласия свекра и свекрови Верочка стала собирать вещи.

Как они с дочкой чудом оказались в этом дивном селе Приволье Владимирской области, Верочка уже точно и не вспомнит. Через заплаканные окна глаз она смутно, расплывчато видела окружающий ее мир. Она только помнит, как много знакомых и совсем не знакомых людей им с дочкой помогали. Она помнит вокзал, электричку, водителя грузовика… Из небытия ее вывел громкий крик дочки.

— Мама, мама, а она кусается? — кричала Катюшка и, вытаращив глаза, показывала рукой на корову.

Раньше Катюшка видела корову только на картинке. Корова встала прямо на их пути и с любопытством изучала городских приезжих. Всех своих деревенских корова давно уже знала.

— Поди, поди, — шуганула корову проходившая мимо женщина и ласково сказала Кате: — Не бойся, не тронет.

Верочка очнулась от своих воспоминаний и снова наткнулась взглядом на дочкину поздравительную открытку. Идея пришла к ней очень быстро. Верочка взяла другой альбомный лист, сложила его пополам и за пару часов нарисовала красивую новогоднюю открытку. «Бабушка, дедушка и папа, — написала Верочка за свою дочку. — Я, ваша дочка и внучка Катя, поздравляю вас с Новым годом. Желаю всем вам крепкого здоровья, счастья, радости и всего самого хорошего. Всех люблю и всех целую! Ваша Катя».

Верочка запечатала новую открытку в конверт, подписала адрес и положила на письменный стол. А старую Катину открытку вместе с дровами быстро проглотила верная Верочкина подруга печка.

Верочка не спала всю ночь. Она слушала дыхание дочки и вьюгу за окном. А вьюга все пела и пела свою песню на одну единственную букву: «У… у… у…у…у…». Других песен она просто не знала.

А в Москве в это время никак не могла уснуть Верочкина бывшая свекровь. В последнее время она часто страдала от бессонницы. Тихонько, чтобы не разбудить мужа, сына с новой снохой и маленькую внучку, Верочкина бывшая свекровь прошла на кухню и, не зажигая свет, села у окна. Ей почему-то вспомнилась Верочка.

— Можно, я буду называть Вас мамой? — спросила Верочка у свекрови в первый же день после свадьбы много лет назад.

Вьюга за окном разошлась не на шутку. Ей, наверное, очень хотелось чтобы все услышали ее незатейливую песенку на одну единственную букву алфавита: «У... у… у…у…у...».

А, может быть, вьюга кричит кому-то: «Люблю!», а мы слышим только: «У…у…у…у…у...».

Очень больно, но я потерплю

— Очень больно, но я потерплю, — сказала Любаня и... умерла.

— Она Вам кто? — спросил меня врач.

— Никто, — ответила я, и это была правда.

Много лет назад мы оказались с Любаней в одной грустной очереди за результатами анализов на онкологию. Я была в этой очереди предпоследняя, а Любаня — последняя. Анализы выдавали один раз в неделю в определенный час, и народу перед нами было очень много. Мы с Любаней успели познакомиться и разговориться.

— Я сейчас шла по больничному парку, — сказала Любаня, — и увидела цветущую сирень. Это же чудо! Сирень зацвела в августе второй раз.

Я посмотрела на Любаню, как на сумасшедшую. Разве можно думать о чем-то другом перед ТАКИМ кабинетом? Я с жадностью всматривалась в лица людей, выходящих от онколога. Оглушенные положительным диагнозом открыто плакали и своего горя не скрывали. Окрыленные отрицательными результатами торопились убежать побыстрее из кабинета, из больницы и забыть этот день, как страшный сон.

В моем мозгу сработал счетчик, и я открыла определенную закономерность. На два счастья приходилось одно несчастье, на два отрицательных результата — один положительный. Я под-

считала всех людей до меня, и у меня получилось, что я попадаю в счастье, а Любаня — в несчастье. Мне стало ее жалко. Она-то еще ничего не знает. Я бы с ней поменялась местами, но у меня — сын Колька, оболтус и лоботряс. Если мне поставят страшный диагноз и я умру, мой муж женится, приведет в дом мачеху, которая будет обижать моего Кольку, и он совсем пропадет, а я не смогу ему ничем помочь.

— У Вас есть дети? — спросила я Любаню.

— Нет, — ответила Любаня. — За что мне, грешной, такое счастье? Но я очень люблю детей. У моего бывшего мужа их целых четверо, и все мальчишки.

— И Вы общаетесь с бывшим мужем и его детьми?

— Мы не общаемся, мы очень-очень дружим. К себе я их не приглашаю, я живу в коммуналке, а сама у них бываю часто. Жена моего бывшего мужа работает, и я часто сижу с их детьми.

— Да они просто Вас эксплуатируют.

— Нет, что вы! Я сама рада помочь, чем могу.

Очередь потихоньку уменьшалась, но моя формула счастье-счастье-несчастье работала без сбоев.

Любаня стала рассказывать про мальчишек, сыновей своего бывшего мужа, как про своих собственных детей. Я заслушалась, и моя очередь подошла незаметно.

Совершенно неожиданно к нам с Любаней подсела молодая беременная женщина. Было видно, что ей тяжело дышать, тяжело ходить, тяжело жить... Капельки пота выступили у нее на висках.

— Пропустите меня, пожалуйста, — попросила женщина.

Нет, заорала я мысленно.

— Конечно, конечно, идите, — сказала я вслух.

Беременная женщина вошла в кабинет к врачу, а я заплакала. Мне стало очень жалко моего Кольку, теперь я попадаю в несчастье...

Я все рассказала Любане, прерываясь на всхлипывания. И про мою формулу счастье-счастье-несчастье, и про оболтуса Кольку, и про мачеху...

— Не плачь, — сказала Любаня. — Твое дело поправимое. Я пойду вперед тебя, вот и все. Детей у меня нет, терять мне нечего.

— Это как-то нечестно, — слабо возразила я.

— Это правильно, — ответила Любаня. — Любой бы на моем месте поступил так же.

У беременной женщины результаты анализов оказались отрицательными, у Любани — положительными, у меня — отрицательными. Что и требовалось доказать. Моя формула сработала до конца без сбоя.

Я держала свои анализы с отрицательным результатом, а радости не было. Как будто я что-то украла. Я боялась поднять на Любаню глаза и готова была заплакать от жалости к ней.

— Мне кажется, что у этой беременной женщины родится дочка, — сказала Любаня, когда мы выходили из больницы.

— Простите меня, — сказала я.

— За что? — спросила Любаня.

— Вы взяли мою болезнь на себя.

— Так говорить нельзя. Все в руках Божьих. Я, многогрешная, получила по заслугам. А тебе еще сына растить.

Любаня прожила со своим страшным диагнозом почти семь лет и никогда-никогда не жаловалась. Мы дружили, хоть редко, но встречались, часто общались по телефону.

На поминках были лишь сильно пьющие Любанины соседи по коммунальной квартире и мы с сыном. Любанин бывший муж с семьей отдыхал где-то в Египте и приехать не смог.

Окно Любаниной комнаты на первом этаже выходило прямо на помойку. Я посмотрела в окно. Контейнеры с мусором были переполнены, их давно не вывозили. Но если сфокусировать взгляд не на ближний, а на дальний объект, то можно увидеть и кусочек неба, и облака, и даже солнце.

Мы с сыном взяли на память о Любане ее дневник и всю ночь читали. Любаня вела свой дневник с самой юности много-много лет. После числа, месяца и года на каждой строчке без пропусков была записана одна единственная фраза: «Слава Богу за все», «Слава Богу за все», «Слава Богу за все».

И только два раза — один раз где-то в середине жизни, а один раз в конце — Любаня записала: «Очень больно, но я потерплю».

Самолет идет на посадку

Жених очень понравился всем без исключения. Иришка напрасно переживала, что ее любимый молодой человек может разочаровать кого-то из ее родных. Игорь был из интеллигентной московской семьи, единственный сын у родителей, которые вложили в своего ребенка много труда и любви, дали прекрасное образование.

Иришкиной маме очень понравились глаза будущего зятя. Игорь смотрел на мир открыто и как-то очень светло. Благородный человек, подумала Иришкина мама, дочке с ним будет хорошо, а мне спокойно.

Иришкиному папе будущий зять понравился своей серьезностью и деловым подходом к семейной жизни. Иришкин отец терпеть не мог маменькиных сынков. Игорь рассказал Иришкиным родителям, что у него хорошая работа, очень хорошая зарплата. Так что материально он вполне обеспечен и может прокормить семью. С квартирой тоже никаких проблем. Молодая семья будет жить отдельно.

Иришка с Игорем подали заявление в ЗАГС, и в двух московских семьях стали готовиться к свадьбе. Кто хоть раз выдавал дочку замуж или женил сына, тот знает, что скрывается за этими словами «готовиться к свадьбе». Молодые были согласны на скромный семейный вечер в кругу самых близких людей, но неожиданно взбунтовалась многочисленная родня с обеих сторон.

Гости стали съезжаться на поездах, слетаться на самолетах со всех концов страны еще за неделю до свадьбы. В квартирах Иришки и Игоря уже заметно ощущался дефицит спальных мест. Кому-то стелили на полу, но все были довольны. Благодаря предстоящей свадьбе встретились родственники, которые десятилетиями не видели друг друга.

Бурно обсуждался вопрос подарков для молодоженов. Родители жениха и невесты купили им путевки в свадебное путешествие, а самые близкие родственники сбросились на машину.

Кто-то вспомнил, что по православному обычаю молодых надо благословить иконами Пресвятой Богородицы и Спасителя, и Иришкина мама пошла в ближайший храм.

Милая, приветливая женщина в церковной лавке предложила Иришкиной маме бархатный складень с образами Спасителя и Пресвятой Богородицы «Казанская».

— Именно этими иконами родители всегда благословляют жениха и невесту, — сказала она. — А когда у вас свадьба? — спросила женщина Иришкину маму, когда та уже собралась уходить.

— Через неделю, — ответила она.

— Я советую вам повременить со свадьбой и отложить ее на два месяца.

— Почему? — спросила Иришкина мама.

— Через три дня начинается Великий пост, и ваша свадьба попадает как раз на первую, самую строгую, неделю поста. Это очень плохо. Отговорите молодых. Кто же в пост свадьбы играет? Одни нехристи.

— Но все уже оплачено, и гости съезжаются, — слабо возразила Иришкина мама.

— Можно тихонько расписаться, а свадьбу сыграть уже после поста. Верующие православные люди на первой неделе Великого поста на коленях читают покаянный канон Андрея Критского, а вы в это время на свадьбе плясать будете. Куда же это годится?

— Гости издалека приехали, потратились, — не сдавалась Иришкина мама.

— Ну, смотрите сами. Вам решать. Я Вас предупредила.

Перед самым днем свадьбы Иришка очень плохо спала, а когда, наконец, уснула, ей приснилась бабушка Нина, мамина мама, которая жила в деревне и умерла два года назад. Иришка, когда была маленькая, всегда гостила летом в деревне у бабушки Нины.

Во сне Иришка в свадебном платье и Игорь в свадебном костюме шли по красивой аллее, усыпанной лепестками роз, а бабушка Нина кричала им вслед встревоженным голосом:

—Вертайтесь, вертайтесь назад!

Иришка с Игорем лишь обернулись на нее и пошли дальше.

— Вертайтесь, вертайтесь! — все кричала и кричала вслед молодым Иришкина бабушка, но они уже больше не оборачивались.

Свадьба получилась шумная и очень веселая. Тамада честно отрабатывал свои деньги. Невесту, как обычно, прятали, а жених ее искал, а потом выкупал. Смеху было... Гости много танцевали, а уж всяких розыгрышей у тамады была уйма. У некоторых гостей даже рот от смеха заболел.

Свадьба была в самом разгаре. А в это время в аэропорту «Домодедово» шел на посадку самолет, на борту которого летела покорять Москву красивая и очень сексуальная хохлушка из города Житомир. Из всех организаций, предложенных ей для работы, она выбрала именно ту, где работал Игорь.

Через два месяца после Иришкиной свадьбы эта хохлушка одним взглядом и практически без всяких усилий разрушила молодую семью. Игорь бросил беременную Иришку и ушел к очень сексуальной гражданке Украины. От нервного стресса у Иришки случился выкидыш, и ее увезли в больницу.

Иришка еще только отходила от наркоза, а в это же время на одном знаменитом и очень дорогом курорте на посадку шел самолет. Чартерный рейс доставил Игоря и его новую невесту в этот райский уголок, где всем, кто сюда прилетает, хочется остаться навсегда.

Уходя, гасите свет

В доме для престарелых умерла очень вредная старуха. Никому из персонала совсем не было ее жалко. Прости их, Господи...

За три прожитых в доме престарелых года старуха надоела всем. Она постоянно была чем-то недовольна, никто не хотел жить с ней в одной комнате, и она жила одна.

Старуха любила порядок во всем. Если медсестра опаздывала, старуха писала на нее жалобу, если кто-то забывал выключить свет в местах общего пользования, старуха поднимала скандал. К ней никто и никогда не приезжал проведать, и пришлось поднять ее личное дело, чтобы узнать, кому сообщить о ее смерти.

Прочитанное личное дело повергло главного врача в шок.

Оказалось, что старуха была когда-то... балериной и даже выступала на сцене Большого театра.

Из театра откликнулись и приехали сразу, привезя корзины с такими цветами, каких ни персонал, ни живущие в доме престарелых старики и старушки отродясь не видывали.

— Есть звезды разной величины и разной яркости. А есть кометы. Елена Серафимовна была ярчайшей кометой, — рассказы-

вал главному врачу дома престарелых один из актеров Большого театра. — Но кометы, как известно, долго не горят. Ослепят и улетают куда-то... в вечность. Елена Серафимовна просияла своим талантом всего лишь пару сезонов, но лучшей Жизели в нашем театре после нее не было.

Все сидячие и почти все стоячие места в кабинете главного врача дома для престарелых были заняты, а народ, который помнил и любил Елену Серафимовну, все подъезжал и подъезжал.

На столе разложили фотографии Елены Серафимовны из разных спектаклей.

— Я помню, ей дали шикарную однокомнатную квартиру в самом центре, недалеко от театра, так она уступила ее нашей костюмерше, у которой очень болел сын, а сама так и прожила всю жизнь в коммунальной квартире, — рассказывал один из старейших работников театра.

— Почему же к ней никто никогда не приезжал? — спросил главный врач.

— Она не хотела. Не любила быть в тягость, не любила, когда ее жалели. Сильная была очень.

Последними у могилы Елены Серафимовны остались пожилая женщина с сыном-инвалидом. Женщина все время плакала, а сын ее утешал.

— Она всю жизнь копила деньги, чтобы тебе сделали операцию и ты стал здоровым. Откладывала каждую копейку. Ее все считали очень жадной.

— Мам, ты только не обижайся, давай отдадим все деньги тети Лены какому-нибудь ребенку-инвалиду. Ему нужнее. А я уж и так проживу, с Божьей помощью.

Все деньги, которые Елена Серафимовна накопила за свою длинную жизнь, отдали на сложнейшую кардиологическую операцию одной маленькой девочке. Неверующие родители девочки окрестили ее после операции с именем Елена.

В доме престарелых умерла одна очень вредная и жадная старуха, и никто из персонала и обитателей дома ее не пожалел. Прости их, Господи...

Набранный вами номер не существует

Эту палату называли палатой смертников. Никто из больных никогда на своих ногах из нее не выходил. Отсюда только увозили. По длинному, длинному больничному коридору, а потом налево. Живые уходили своими ногами направо. Там был выход. Налево выхода не было, а был тупик за тяжелой железной дверью.

Некоторые пациенты этой палаты наивно верили, что поправятся и их жизнь встанет на свои рельсы, как подремонтированный в железнодорожном депо тепловоз. Больше всего верили в чудесное выздоровление родственники и пытались морсами, куриными бульонами, редкими лекарствами, заморскими деликатесами, конвертиками для лечащих врачей ускорить процесс выздоровления. Но срок жизни человека определяется не на Земле.

Павел Петрович лежал в этой палате обреченных у самого окна. За оконным крестом буйствовала весна, бесцеремонно сметая на своем пути все следы прошедшей зимы. Павлу Петровичу казалось, что весна возмущена тем, что он лежит тут на кровати, когда надо встречать ее, красавицу весну, по стойке «смирно», как галантный или просто хорошо воспитанный мужчина встречает любую женщину. Павел Петрович грустно посмотрел на капельницу, к которой он был пришпилен. Капельница ограничивала его движения. Луч солнца пощекотал Павла Петровича по носу, и он чихнул. Внутри живота сразу же проснулась боль. В отместку за то, что он ее разбудил, она вцепилась в него своими острыми зубами и долго-долго терзала. Павел Петрович стиснул зубы, чтобы не застонать.

1 2 3
4 5 6
7 8 9
* 0 #

— Ты прости меня, весна, — мысленно сказал Павел Петрович. — Видишь мое плачевное состояние? Но ты, как всегда, прекрасна.

Павел Петрович закрыл глаза, как ему казалось, всего на одну минуту.

— Ну вот и хорошо, что поспали, — услышал он голос своего лечащего врача с очень красивым именем Сабина.

— А разве я спал? — удивился Павел Петрович.

— Целых четыре часа, — ответила Сабина Сафаровна. — Это очень даже хорошо. Сон для Вас — лучше любого лекарства. А я к Вам с весенним приветом.

— Рассказать, что солнце встало?

— Давно встало, Павел Петрович. Смотрите, какую я Вам красивую веточку от молодого тополя принесла. Чувствуете, как пахнет?

Павел Петрович с удовольствием вдохнул тополиный аромат.

— Пусть последние дни моей жизни будут благоухать запахом молодых тополиных листочков, — сказал он.

— Не надо о грустном, — ответила Сабина Сафаровна.

— Но если Вы мне скажете, что я выйду отсюда на своих ногах, то это уже будет не тополь, а полнейшая «липа». Разве не так?

Сабина Сафаровна отвела взгляд.

— Я вот тут подумал, что покаяться бы мне надо перед встречей с вечностью. Когда был здоров, все времени на церковь никогда не хватало, все мимо пробегал. Бежал, бежал и... прибежал. Правильно говорят, что болезнь меняет человека. Вот если бы мне сейчас выздороветь, уехал бы я навсегда в тихую деревню, топил бы дровами печку, смотрел бы на огонь, ходил в сельский храм на службу, слушал бы природу и Бога и жил бы себе «во всяком благочестии и чистоте».

— Павел Петрович, а дети у Вас есть? — спросила Сабина Сафаровна.

— У меня, милый доктор, дети есть, только отца у моих детей нет, — ответил Павел Петрович. — С первой женой мы были не расписаны. Она родила мне дочку, а я уехал от них в Москву и здесь женился на другой женщине. Прожили несколько лет, нажили сына, а я влюбился и сбежал от нее к третьей жене, молодой и очень красивой. Она родила мне второго сына и улетела с ним к своему новому мужу в одну очень далекую страну. Как дети говорят: так далеко, что отсюда не видно.

— Так Вы один живете? — спросила Сабина Сафаровна.

— Почему один? У меня есть очень верный друг — одиночество. Хоть это слово среднего рода, но я его считаю своим другом. Мы с ним разговариваем, пьем чай, гуляем, болеем, обсуждаем последние новости. Да и понимаем мы с ним друг друга с полуслова.

— А телефоны Ваших детей у Вас есть? Давайте, я им позвоню, — предложила добрая Сабина Сафаровна.

— А зачем? — спросил Павел Петрович. — Зачем вешать на детей, которых ты не растил, свою старость и свои болезни? Да я и телефонов их не знаю. Только, пожалуй, первой жены Лиды. Она живет в маленьком городке в Калужской области. Если, конечно, за это время куда-нибудь не переехала.

Телефон своей первой жены Лиды Павел Петрович набрал, когда точно решил, что он ей скажет. Он попросит у нее прощения, что бросил ее с маленькой дочкой, скажет ей, что умирает и хочет оставить ей и дочке, которой сейчас уже около тридцати лет, квартиру в Москве, дачу в Подмосковье, машину и приличную сумму денег. Павел Петрович от своего решения даже повеселел. Хоть в конце жизни он сможет сделать что-то доброе для родных людей.

— Набранный Вами номер не существует, — ответила ему трубка мобильного телефона.

Павел Петрович упрямо набирал и набирал телефонный номер Лиды, который он помнил наизусть всю свою жизнь, но телефонный робот был упрямее.

Первая жена Павла Петровича Лида летала в последнее время, как на крыльях, несмотря на свой приличный возраст и вес. Лида к пятидесяти годам заметно округлилась, но полнота ее была какая-то очень миловидная и совсем ее не портила.

Лидина единственная дочка Маша наконец-то выходит замуж. Лида заждалась внуков. Она мечтала о них уже много лет, а Маша все искала своего суженого. Зять Лиде нравился: самостоятельный, серьезный, с высшим образованием.

— Мам, — сказала Лиде ее дочь, — давай, позвоним отцу в Москву. Хоть он и не видел меня больше двадцати лет, я на него не обижаюсь. Отец все-таки. Пусть приезжает на свадьбу. Я буду ему рада.

Лида помнила московский номер Павла Петровича наизусть всю свою жизнь, но никогда не звонила. Стеснялась.

— Набранный Вами номер не существует, — ответила Лиде телефонная трубка.

Лида снова и снова набирала заветные цифры и никак не хотела верить тому, что металлическим голосом говорил ей бесстрастный телефонный робот:

— Набранный Вами номер не существует.

Красивая женщина пожилого возраста

В небольшом подмосковном доме для престарелых на самой границе Московской и Рязанской областей было принято о детях, внуках и других близких родственниках говорить только хорошо или совсем ничего. Как об умерших.

А еще все обитатели этого дома знали наизусть одну легенду. Хотя старожилы утверждают, что это совсем и не легенда, а самая настоящая быль. Однажды к дому для престарелых подъехала шикарная машина. Из машины вышел молодой человек. Как потом оказалось, он приехал забрать домой свою старенькую бабушку, которую родственники сдали в дом для престарелых, пока молодой человек был в командировке далеко на севере. Внук всем очень понравился. По его открытому и доброму лицу было видно, что последние годы своей жизни его бабушка будет абсолютно счастлива.

Дом для престарелых располагался в здании бывшего детского садика. Садик построили сразу после войны, когда женщины стали рожать много детей. Но постепенно молодежь из деревни разъехалась, детей становилось все меньше, и садик закрыли. Потом кому-то пришло в голову сделать из садика дом для престарелых. На обитателей этого дома до сих пор со всех стен смотрят сказочные герои: Мальвина, Буратино, Кот в сапогах... Во дворе ветер раскручивает пустые, давно поржавевшие карусели, а дождик поливает дырявый, облупившийся деревянный грибок над детской песочницей.

Но жить здесь можно. Об этом вам скажет любой обитатель этого дома. Крыша над головой есть, во всех комнатах зимой тепло, кормят три раза в день. Все старушки питанием были очень довольны. Добавки просили лишь некоторые. Бабушка из седьмой комнаты всегда просит лишнюю порцию, потому что подкармливает всех бездомных собак и кошек в округе. А старушка из восемнадцатой комнаты всегда просит дополнительных сладостей: конфет, пряников, печенья. Оправдываясь перед окружающими, она всегда рассказывает одну и ту же историю о том, что у нее маленький внук, ему всего пять лет, и он очень любит сладости. Вот приедет он к ней в гости, мечтала бабушка, и она угостит его этими сладостями. Старушка из восемнадцатой комнаты — долгожитель. В этом доме для престарелых она живет уже почти тридцать лет.

По соседству с ней три года назад поселилась Татьяна Ивановна. Как быстро бежит время... Татьяне Ивановне кажется, что

она совсем недавно переступила порог этого дома, а уже трех лет как не бывало.

Сегодня Татьяна Ивановна проснулась с ощущением полного счастья. В окно ее комнаты било яркое февральское солнце.

— С днем рождения, сынок, — сказала Татьяна Ивановна, глядя в окно.

Сегодня единственному сыну Татьяне Ивановны исполняется сорок лет. Сереженька был у Татьяны Ивановны поздним ребенком, она родила его в тридцать девять лет. Татьяна Ивановна и ее муж уже почти потеряли надежду иметь своих детей. Одна Татьяна Ивановна знала, сколько слез она пролила, сколько молитв прочитала, сколько Бога и всех святых просила о долгожданном сыне или дочке. Сорок лет Татьяна Ивановна каждое утро начинает с молитвы за сына, в которой просит Пресвятую Богородицу защитить ее Сереженьку от всех болезней, от всех бед, от всех злых людей. Муж Татьяны Ивановны умер, когда Сереженька закончил школу и только-только поступил в институт. Сереженька долго не женился. Татьяна Ивановна даже боялась, что он так и останется холостяком, но природа взяла свое. Сережа безумно влюбился в молоденькую девушку младше него на двадцать лет. Родители невесты подарили молодоженам шикарную машину и свадебное путешествие, а Татьяна Ивановна — свою трехкомнатную квартиру в самом центре Москвы, недалеко от Театра эстрады.

Сын время от времени звонил Татьяне Ивановне, спрашивал о ее здоровье, о настроении. Татьяна Ивановна никогда не жаловалась ни на то, ни на другое, и сын был за нее спокоен.

— Самое главное, мам, — говорил он Татьяне Ивановне по телефону, — там у вас свежий воздух, кругом лес, тишина. Что еще надо в твоем возрасте? А в Москве одна суета, толпы народа и снег, всегда черный от грязи. Мне даже кажется, что он с неба уже таким падает. Я бы сам пожил там у вас пару деньков.

Но дела все время удерживали сына Татьяны Ивановны в Москве, и он за три года так к ней ни разу и не приехал.

В самый первый день весны в доме для престарелых умерла бабушка из восемнадцатой комнаты, которая копила сладости для своего внука. В ее комнате обнаружили целые залежи засохших шоколадных конфет и других давно испорченных кондитерских изделий.

Внуку этой бабушки было уже тридцать пять лет. Он приехал на похороны с женой и детьми-подростками. Когда ему рассказали, как бабушка его ждала, он не выдержал, расплакался и стал похож на маленького пятилетнего мальчика, которому очень больно.

Восемнадцатую комнату заселили через несколько дней после похорон. Там стала жить красивая женщина пожилого возраста. За обедом в столовой она рассказывала своим соседкам по столику, какие у нее успешные дети и очень, очень талантливые внуки. Красивая женщина пожилого возраста хоть и была новенькой, но уже откуда-то знала, что в этом доме для престарелых принято о детях, внуках и других близких родственниках, как об умерших, говорить только хорошо или ничего.

Дожди не обещали, обещали холода

Дмитриевская родительская суббота подошла незаметно. На службу я опоздала и пришла, когда храм уже опустел. Свечи на кануне горели весело и как-то радостно. Они своим светом говорили о том, что люди, живущие на земле, помнят всех вас, дорогих и любимых, которые ушли от нас. Пройдет совсем немного времени, и мы вас догоним. Ах, какая же это будет встреча...

Вместе со мной в храм вошла женщина, по внешнему виду которой сразу понятно, что она, если сказать кратко, — бомж, а если длинно, — человек без определенного места жительства. Женщина взяла в церковной лавке одну свечу за два рубля, за-

жгла ее и поставила на канун. Пока я ходила по всему храму и расставляла свечи всем святым угодникам Божьим и Пресвятой Богородице, та женщина все стояла и стояла на одном месте, пока ее свеча не догорела до конца.

Я вышла из храма и села на лавочку. Хотелось тихо посидеть и вспомнить своих усопших родных и близких, мысленно поговорить с ними. Женщина села рядом со мной. Солнышко играло, как на Пасху. Я с самого детства верю, что все наши умершие родные в родительские субботы ждут нас, видят нас и плачут, если мы о них в этот день не вспоминаем. У них там на небе в родительские субботы — праздник.Я достала из сумки пачку печенья. Бабушка в детстве всегда говорила, что в дни поминовения усопших нужно приносить в храм печенье, конфеты и муку. «Угостить соседку или нет?» — подумала я. Моя соседка по лавочке от угощения не отказалась.

— На родительскую субботу надо бы на кладбище сходить. Мы раньше всегда ходили, — сказала она. — И там всех родных поминали.

— На кладбище ходить совсем не обязательно, — ответила я. — Главное, в храм прийти и помолиться.

— А меня Бог любит, — сказала женщина.

Я недоверчиво посмотрела на нее.

— А разве нет? Вон, я сегодня с самого утра ничего не ела, а Вы меня угостили. Бабулька одна два рубля мне в честь праздника дала, а я на них свечку купила и всех своих помянула. Вчера вот кто-то куртку почти совсем новую выбросил, так она мне в самую пору пришлась.

«Сколько же ей лет?» — подумала я. На первый взгляд, лет шестьдесят, а глаза лет на десять моложе.

— Вот, с обувкой, правда, тяжелее. Сейчас похолодало, и ноги очень мерзнут.

Моя соседка по лавочке вытянула ноги, обутые в тряпочные домашние тапочки.

— Хорошую обувь редко выбрасывают, — сказала она. — Но я знаю, что Бог меня и тут не оставит.

Я вспомнила про битком забитые ящики с обувью в моей квартире, и мне стало стыдно. У мужа, у сына с дочерью, да и у меня — по несколько пар обуви на каждый сезон, а мы все еще плачем, что нам совсем нечего обуть.

— Пойдемте ко мне, — предложила я женщине. — Мы Вам что-нибудь подберем.

— Вот видите, — заулыбалась женщина свои беззубым ртом. — Я же сказала, что Бог меня любит.

— Вы только не обижайтесь, — сказала я женщине, когда мы подошли к моему подъезду. — Вы здесь на лавочке подождите, а я соберу Вам сумку и все вынесу сама.

— Да я и не обижаюсь никогда. Все же понятно, — ответила женщина.

— Простите, — оглянулась я. — А как Вас зовут?

— Тая.

— Какое красивое и редкое имя, — сказала я.

За пятнадцать, максимум за двадцать минут я набила целых две сумки вещей. Одну — со старой обувью, а другую — с теплой одеждой. Надо бы еще одну сумку — с продуктами, подумала я, но мне уже не донести. Если только за два раза. Мои родные разбежались по своим делам, и помочь мне было некому.

Когда я вышла из подъезда, Таи на лавочке не было. Я поставила сумки и стала озираться по сторонам. Не могла же она совсем уйти? Стоп, остановила я саму себя. А почему это, собственно, не могла? Очень даже могла. Ты себя-то представь хоть на минуточку на ее месте. Сама пригласила человека домой и оставила на улице. Добренькая, ничего не скажешь. Как собаку, поманила и бросила одну перед закрытыми дверями подъезда. В моей душе еще теплилась маленькая надежда, что Тая сейчас вернется, и я села на лавочку рядом со своими сумками. Через

час ожидания моя надежда испарилась полностью. Я отнесла свои сумки на ближайшую помойку и еще не успела далеко отойти, как к ним подошел бомж и стал по-хозяйски их распаковывать.

Я вернулась домой, включила телевизор. Как раз передавали прогноз погоды. Ожидается очень сильное похолодание, снег, и я с ужасом вспомнила про домашние тапочки на ногах у Таи. Я не спала всю ночь.

— Прости меня, Господи, за жестокосердие, за то, что не приласкала, не обогрела эту женщину, слова доброго ей не сказала, не помогла...

Утром муж вернулся с улицы веселый. Он выгуливал собаку. А погода прямо новогодняя.

— Снег чистый-чистый, новорожденный, — рассказывал он. — Я один раз даже не удержался и попробовал его на вкус. Давай, сегодня в парке погуляем? — предложил он.

— Давай, — с радостью согласилась я.

— А бомжи, представь себе, совсем обнаглели. Холодно, так они теперь к теплу будут тянуться. Одна вон в домашних тапочках в нашем подъезде у батареи спит. Кто-то ее впустил. Зачем тогда все эти домофоны, железные двери? Я не понимаю, — муж пожал плечами. — Все равно заходят все, кому не лень. Надо бы милицию вызвать. Бомжи — это как раз по их части.

— Не надо милицию, — сказала я и побежала к лифту.

У батареи на первом этаже грелась Тая.

— Почему Вы ушли? — спросила я. — А я Вас искала, ждала. Сегодня обещали очень сильное похолодание. Куда же Вы в своих домашних тапочках? Да и куртка у Вас по такой погоде слишком легкая.

— Меня Бог любит, — ответила Тая. — Я сегодня совсем на улице замерзала, так меня один паренек в ваш подъезд впустил, и ночь я провела в тепле.

— Нельзя так, Тая, надо что-то делать. Зима длинная, а из подъезда Вас не сегодня, так завтра все равно выгонят.

Спустился лифт. Вышла очень скандальная женщина с восьмого этажа. Весь наш подъезд ее хорошо знал и очень не любил за скандальный характер. Она сама себя назначила старшей по подъезду, хотя никто ее и не выбирал. Я внутренне напряглась. Старшая по подъезду посмотрела на меня и на Таю своим орлиным взглядом и все поняла мгновенно. Я подумала, что она сейчас вызовет милицию.

— Снег на дворе, а ты что, в тапочках на улицу собралась? — спросила она Таю. — Пошли ко мне. Я тебе свои старые войлочные сапоги отдам. Мне дети новые купили, а старые тебе еще всю зиму прослужат.

Когда я зашла на восьмой этаж к старшей по подъезду тете Клаве с сумкой продуктов для Таи, они сидели на кухне и пили чай с малиновым вареньем.

— Малина, — говорила тетя Клава, наливая третью чашку для меня, — самое лучшее средство от всех простуд.

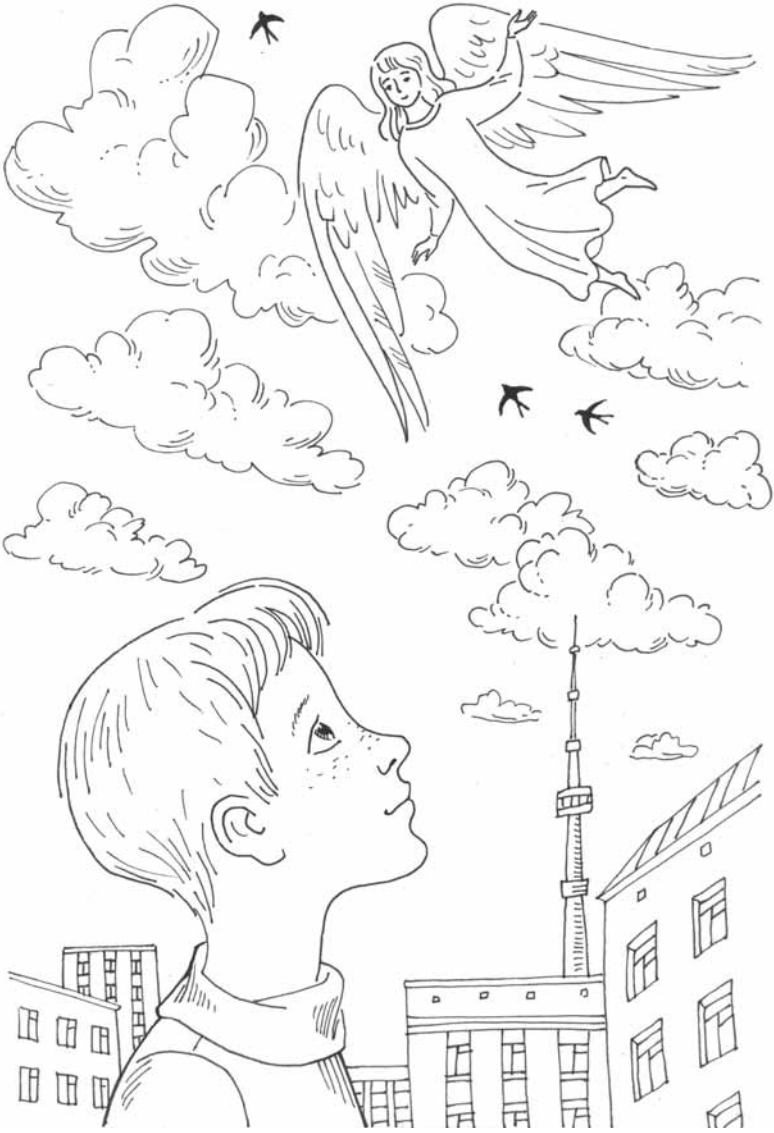
— Я же Вам говорила, — сказала мне Тая, улыбаясь своим беззубым ртом, — что Бог меня очень-очень любит.

Мы пили чай с малиновым вареньем, о чем-то говорили, тихо работал маленький кухонный телевизор.

— На завтра, — говорил диктор, — дожди не ожидаются. Ожидаются холода.

Ангелы живут на облаках

Пятиклассник Алеша Егоркин обходил всех знакомых ему девочек стороной, потому что на основании многолетних наблюдений за ними он сделал для себя очень важное открытие: все девочки—инопланетянки. Видимо, они прилетели с какой-то



еще не открытой планеты, может быть даже из другой галактики, и в условиях Земли у них сбилась программа поведения, заложенная на их родной планете, заклинило какой-нибудь контакт, и они стали, на взгляд стабильного и рассудительного землянина Алеши Егоркина, абсолютно непредсказуемыми. То они плачут, когда совсем нет никакой причины для слез, то смеются без всякого повода, молниеносно ссорятся и мирятся, обижаются и тут же сами кого-нибудь обижают, говорят какие-то непонятные слова, а элементарных вещей не понимают. Предсказать их поведение, по мнению Алеши, невозможно. И он старался, без острой на то необходимости, в контакт с ними не вступать. Кто их знает, инопланетянок этих, что там у них на уме?

Девочка Настенька появилась в Алешиной квартире совершенно неожиданно. К Алешиной маме приехала откуда-то издалека ее школьная подруга с дочкой Настенькой.

— Алеша, — сказала мама, — Настенька поживет у нас. Ты ее, пожалуйста, не обижай. Во-первых, она младше тебя, а во-вторых, очень больна.

Мама Настеньки привезла ее в Москву показать хорошим врачам. Новое слово «лейкемия» стало звучать в Алешином доме. Алеша болел гриппом, ангиной и один раз даже воспалением легких, а про другие болезни он ничего и не знал. У Настеньки была перебинтована левая рука в локтевом сгибе, и Алеша решил, что это и есть лейкемия.

С первых минут Настенька удивила Алешу тем, что совсем не была похожа на всех знакомых Алеше девочек. Настенька мало разговаривала, а больше очень внимательно слушала, распахнув свои васильковые глаза. Алеша с трудом мог бы поверить, что она может кого-нибудь обидеть или с кем-то поссориться. Наверное, подумал Алеша, девочки-инопланетянки прилетают с разных планет, а, может быть, даже из разных галактик.

— Алеша, — спросила Настенька, — ты случайно не знаешь, где живут ангелы?

— Вообще-то, мы этого в школе не проходили, — Алеша пожал плечами и почему то посмотрел на потолок. — Их, ангелов этих, никто никогда и не видел.

— А я видела, — сказала Настенька. — Они красивые и сияют, как солнце. Только они очень быстро появляются и быстро исчезают. Я даже не успеваю с ними поговорить.

— А ты нарисовать их сможешь? — спросил Алеша.

—Смогу, — ответила Настенька.

Московские врачи диагноз Настеньки подтвердили, а в операции отказали. Очень поздно... Зачем мучить девочку?

Потеряв последнюю надежду, Настенькина мама рухнула и с сердечным приступом попала в больницу.

— Все так за меня переживают, — сказала Настенька Алеше, когда они вышли вдвоем погулять в парке рядом с домом, — а я открою тебе один маленький секрет. Мне совсем-совсем не страшно умирать. Я просто стану невидимой, как ангелы, и у меня вырастут крылья. Тогда я смогу летать, куда захочу.

— А интересно, — сказал Алеша, — ангелы летают быстрее самолетов?

Первые крупные капли дождя шлепнулись на асфальтовую дорожку.

— До дома добежать не успеем, — сказал Алеша, — давай под деревом прятаться.

Теплый летний дождь полил, как из ведра.

— Представляешь, из какого далека тащила эта туча целые тонны воды, — сказал Алеша.

— Наверное, с океана, — предположила Настенька.

Она соединила свои маленькие ладошки лодочкой и подставила их под дождь. Лодочка быстро наполнилась водой.

— Настенька, — вдруг неожиданно для самого себя сказал Алеша, — а ты можешь... не умирать?

Алеша почувствовал, что по его щекам потекли слезы. Хорошо, что под сильным дождем слез не видно. Слезы — та же вода...

— Врачи говорят, что лейкемия неизлечима. Это болезнь крови, — сказала Настенька.

— Давай, я отдам тебе всю свою кровь,— предложил Алеша.

Настенька умерла, когда в Москве выпал первый снег. Ее мама позвонила Алешиным родителям и позвала к телефону Алешу.

— Алеша, — сказала мама Настеньки, — Настенька просила передать тебе, что она теперь уже точно знает, где живут ангелы. Ангелы живут на облаках.

В пятом классе шел урок рисования. На доске было написано задание: «Не самолет, а летает». Девочки рисовали птиц и бабочек, мальчишки — ракеты и космические корабли. Алеша нарисовал ангелов... Учительница долго смотрела на Алешин рисунок.

— Я сам ангелов никогда не видел, — честно признался Алеша, — но их видела одна моя знакомая девочка.

— Ангелов видят только очень-очень хорошие люди, — сказала учительница.

Алеша прожил долгую жизнь. Он очень часто смотрел на облака, и лишь иногда, в самые счастливые минуты своей жизни, ему казалось, что он видит на небе ангелов.

Закон Ома для замкнутой цепи

Автобусы с паломниками из Москвы в Сергиев Посад всегда останавливались на этой автобусной стоянке примерно на середине пути. На стоянке были два приличных хитрых домика. Один — для мальчиков, а другой — для девочек. Небольшое кафе и магазинчик. В выходные автобусы подъезжали один за другим, а в будни — намного меньше и в основном иностранцы.

Стоянка была окружена лесом. Вовсю стрекотали кузнечики, снегопадом летели парашютики от одуванчиков. Лето.

По лесной тропинке к стоянке подошла бомжиха лет пятидесяти. Она шла босиком. Ей вспомнилось детство. В деревне у бабушки они все лето носились босиком и никогда не болели. Бомжиха даже улыбнулась, вспомнив себя маленькую. А еще детство всегда пахло пирогами из русской печки. Баба Лида не успевала замешивать тесто. Детворы было летом целый дом.

Бомжиха очень хотела есть. Она даже не помнит, сколько дней она не ела. Куст случайно попавшейся черной смородины не в счет. После ягод еще больше есть хочется. Бомжиха присела на каменный бордюр около стоянки и стала ждать.

Подошел красивый автобус с паломниками из Москвы. Двери автобуса открылись, и насидевшийся народ кинулся врассыпную, кто куда. Бомжиха сложила свою правую ладошку лодочкой и протянула ее вперед.

Люди ехали к Сергию Радонежскому, сердца у всех были настроены на добро, и многие, глядя на бомжиху, полезли за кошельками.

— А я никогда попрошайкам денег не даю, — громко сказал один мужчина из этого автобуса. — Мне батюшка объяснил, что подавать деньги надо только тем, кого вы хорошо знаете. А так вы ей — деньги, она на них купит водку, напьется, и грех будет на вас. А вы будете думать, что хорошее дело сделали.

Паломники испуганно посмотрели на мужчину. Многие сразу же убрали свои кошельки. Греха никто не хотел. Вокруг мужчины собралась небольшая кучка народа, и он, видя общее внимание к себе, продолжал :

— Я в такие поездки часто езжу. Эти попрошайки около святых мест всегда кормятся. Вот увидите, в Троице-Сергиевой Лавре их много будет. Лучше бы работать шли, рабочие руки везде нужны. Я сорок лет на одном заводе отпахал. Зато с протянутой рукой никогда стоять не буду. А они за один день столько

денег насобирать могут, что вам и не снилось. Многие из этих попрошаек — совсем не бедные люди, а это просто их бизнес.

Мужчину поддержала одна женщина.

— Я в Москве однажды вот так подала одному бомжу мелочь, так он меня так отругал, что я ему мало дала.

— Вот-вот, и я про то же, — сказал мужчина.

Бомжиха слышала весь разговор. Ее ладошка-лодочка так и осталась пустой. Красивый автобус зафырчал, несколько раз просигналил, и паломники кинулись к дверям. За несколько минут до отъезда пожилая женщина из автобуса что-то шепнула своей внучке. Та пулей вылетела из автобуса, подбежала к бомжихе, что-то ей дала и рванула назад.

Красивый автобус с паломниками только еще выезжал на основную трассу, а бомжиха уже ела. В пакете, который ей принесла девочка, было два вареных яйца, огурец, помидорка и целая пачка печенья «Юбилейное» в шоколадной глазури.

Стоянка долго пустовала. Будни. Через пару часов туда заехал автобус с иностранцами. Японцы. Обычно попрошаек от таких автобусов отгоняют подальше, а тут никто бомжиху не прогонял, и она опять протянула вперед свою ладошку-лодочку. Бомжиху окружили со всех сторон японские туристы и что-то быстро лопотали на своем языке. Бомжиха даже сначала испугалась, а они все по-своему: мяу, няу, сяу… Бомжиха и опомниться не успела — на ногах у нее оказались красивые босоножки, на голове — модная панамка, рядом с ней стояла сумка с едой, а в ладошке-лодочке — деньги. А голоса вокруг все лопочут: мяу, няу, сяу… Ничего не понятно. Бомжиха растерянно улыбнулась, а японцы сели в свой автобус и помахали ей на прощанье рукой.

Деньги бомжиха спрятала в заветный кармашек, полюбовалась на босоножки со смешными колокольчиками по бокам и открыла пакет с продуктами. Такой сытой она не была уже очень давно.

Мужчина, а звали его Николай Васильевич, до самого Сергиева Посада громко, на весь автобус поучал паломников-новичков, куда в Лавре надо идти в первую очередь, а куда — во-вторую.

— Воды святой набрать не забудьте. Канистры прямо там продают. И в трапезную зайдите обязательно. Вся выпечка в Лавре очень вкусная, а особенно пироги.

Мужчину все слушали очень внимательно.

Лавра! А иностранцев, а иностранцев… Со всего света. И французы, и англичане, и немцы, и японцы… Идут, лопочут на своих на своих языках, озираются, фотографируют. Всех Сергий Радонежский к себе позвал, всех утешил.

Время в Лавре бежит быстро. И ахнуть не успеешь, надо уже бежать в автобус. Пока ждали запоздавших паломников, Николай Васильевич опять оказался в центре внимания.

— Я удивляюсь этим иностранцам, — говорил он, по-хозяйски пристраивая две пятилитровые канистры со святой водой. — И что они сюда едут? Женщины все без платков в храм заходят, в брюках. Мужчины вообще чуть ли ни в плавках, как на пляже. Будьте добры уважать наши традиции, раз уж вы к нам приехали.

— Я даже видела одну иностранку с собачкой на руках прямо в храме, — поддержала Николая Васильевича одна женщина.

— Смотреть противно, — продолжал Николай Васильевич. — И, главное, ходят так важно, как хозяева. Знают, что денег у них много, вот и важничают. А заметили, как много среди иностранцев стариков и старух? Сидели бы дома. Я сорок лет на одном заводе оттрубил, но я не могу с женой за границу поехать. У нас пенсии не резиновые. Еле-еле на жизнь хватает.

Всю обратную дорогу Николай Васильевич развивал в автобусе эту иностранную тему и был очень доволен, что его многие слушают.

Утреннюю стоянку автобус проскочил быстро. Никто из паломников ее и не заметил. Паломники возвращались домой, а

сытая бомжиха сидела на лавочке в деревянной заброшенной беседке недалеко от стоянки автобусов по трассе Москва — Сергиев Посад. Бомжиха закрыла глаза. Всегда, когда она была сытая, ей снился один и тот же сон из детства. Она в школе на уроке физики. Учитель вызывает ее к доске и просит рассказать закон Ома для замкнутой цепи. Бомжиха почему-то помнит этот закон до сих пор.

А в Москве Николай Васильевич дал полный отчет своей жене о поездке и пораньше лег спать. Дороги выматывают. Возраст уже. Ночью ему приснилась давно умершая мама. Она стояла перед ним с протянутой ладошкой-лодочкой, а Николай Васильевич все никак не мог понять, что она у него просит?

— Что тебе, мам? — спрашивал он у своей мамы во сне.

Мама так ничего ему и не ответила. А утром жена все спрашивала Николая Васильевича, почему он ночью во сне так сильно плакал.

Просто идет дождь

Очень долго искали подходящую для памятника фотографию и никак не могли найти. Поиски результатов не дали, и мама с мраморной могильной плиты улыбалась всем своей очаровательной улыбкой очень счастливого человека. Страшная болезнь съела все ее тело, а лица не тронула. Так она и осталась у всех в памяти — красивая и радостная.

Две сестры встретились у могилы мамы в первую годовщину ее смерти. Погода была неласковая. Моросил дождь. Младшая сестра прижалась к старшей.

— Я бы все на свете сейчас отдала, только бы мама наша была жива, — сказала младшая сестра Оля.

— Ты похудела, и вид у тебя очень уставший, — ответила старшая сестра Лена и крепче прижала к себе младшую.

— Все нормально, Лен. Я просто не спала всю ночь. В нашем отделении у одного малыша ушко сильно болело. Он плакал, и я всю ночь его на руках укачивала.

— Отец ездил в общежитие медицинского института. Тебя искал. Хотел с тобой поговорить. А там ему сказали, что ты в общежитии почти и не бываешь. С одного дежурства на другое прыгаешь. Надорвешься.

— Да нет, все хорошо, правда, — уверяла младшая сестра старшую.

— Работать и одновременно учиться трудно. Я по себе знаю, — сказала старшая сестра. — Если ты не хочешь от отца помощь брать, то возьми от меня.

—Я же сказала, Лен, у меня все хорошо. Мамы вот только очень не хватает, но тут никто мне не поможет.

— Отец просил передать тебе, что ждет тебя домой. Твоя комната свободная. Он туда никого не пускает. Как ты ушла полгода назад, так там все и осталось. Он сам иногда туда заходит, сидит долго, а выходит заплаканный. Помирилась бы ты с ним, Оль. Жизнь впереди еще долгая. Нельзя в своем сердце обиду растить и ненавистью ее поливать. Дерево такое огромное за годы вырастить можно, что потом его из сердца никакой силой не выкорчевать, так ненависть укоренится. Знаешь, как отец тебя любит!

— Пусть он лучше свою молодую жену любит, а не меня, — ответила младшая сестра старшей. — После маминой смерти всего-то какая-то пара месяцев прошла, а он уже в ЗАГС с другой женщиной побежал.

— Во-первых, она не такая уж и молодая. Отцу пятьдесят, а ей сорок. Она, Оль, какая-то смешная, несуразная, не от мира сего, что ли. Как инопланетянка. Меня на «Вы» называет, а отца — по имени-отчеству. Где он только такую инопланетянку отыскал? Она тут на днях мамину любимую чашку с двумя сердечками случайно разбила, так потом целый день проплакала. А когда классику читает — Чехова или Достоевского, тоже плачет.

— Лен, открой любой справочник по психиатрии. На букву «н» это называется неврастения, а на букву «ш» — шизофрения.

— Да нет, Оль, она… хорошая. Всех бездомных кошек, собак, а заодно и бомжей со всей нашей округи подкармливает. Ты только не обижайся, а мне ее жалко. Она тут стучится в мою комнату, заходит и говорит: «Лена, Вы не будете против, если мы с Григорием Ивановичем ребеночка родим?» — и смотрит на меня таким жалостливым взглядом, что я сама чуть не заплакала.

Дождь все усиливался и усиливался, старательно прогоняя с кладбища последних посетителей. Когда уже совсем никого не осталось, дождь разошелся не на шутку. Небесная вода струйками стекала с могильных фотографий, и казалось, что все кладбище смотрит на мир заплаканными глазами…

— Лебедева, — окликнула Олю в институте староста группы, — ты одна меня задерживаешь. Мне сегодня окончательные списки в деканат сдавать надо, а ты еще со своей специализацией не определилась.

— Записывай меня на педиатрию, —сказала Оля.

— Как — на педиатрию? — удивилась староста. — Ты же хирургом мечтала стать.

— Да передумала я, по семейным обстоятельствам. Родители сестренку решили мне подарить на старости лет, так я боюсь, они без моей помощи не справятся. Детский врач дома будет нужен.

На вторую годовщину смерти у могилы с фотографией улыбающейся красивой женщины собрались пять человек. Две дочери, муж, новая жена мужа и их маленькая дочка. Опять шел холодный осенний дождь. Вода струйками стекала по лицу улыбающейся на мраморном памятнике женщины.

— Смотрите, — сказал мужчина, — наша мама плачет.

— Да нет, что ты, пап, — ответила ему младшая дочь Ольга. — Просто, идет дождь…

Это почти не больно

Это почти не больно

В предродовой палате оказались сразу четыре женщины. Все очень волновались. Но больше всех переживала Людочка. Она была на грани истерики. Беременные женщины собрались около Людочки и успокаивали ее, как могли.

— Это почти не больно, — говорила Людочке Рита.

Она единственная из них четверых рожала второй раз. У Риты уже была десятилетняя дочка.

— Я точно умру, — говорила Людочка сквозь слезы. — Я жить хочу, я еще совсем молодая. Мне только-только восемнадцать лет стукнуло.

— Столько женщин рожали перед нами, и никто не умер, и ты не умрешь, — успокаивала Людочку Женя и погладила ее по голове.

— Мамочка, мамочка, — закричала Людочка что есть мочи. У нее начались схватки, и ее первую повезли в операционную.

— Все будет хорошо, — сказали Людочке хором все ее соседки по палате на прощанье, но Людочка их уже не слышала.

Родовые схватки перекрыли ей слух и все остальные органы чувств. В родовой палате она уже не кричала, а глухо, как-то утробно рычала. Первые роды обычно очень долгие. Такие долгие, что Людочка успела побывать на небесах и снова вернуться на землю.

В небесной канцелярии Людочке показали рукописную книгу ее жизни от самого рождения. Почерк очень знакомый, подумала Людочка про себя. Потом она стала листать эту книгу и ужаснулась. Может быть, только на первых двух-трех страницах не было красных исправлений, а потом строгая учительская рука педантично исправляла Людочкины ошибки, которые Людочка ляпала почти в каждом написанном предложении. Людочка вспомнила, что в школе ее строгая учительница по русскому

языку уже за три ошибки ставила ей «двойку». Людочка заглянула на последнюю страницу своей книги: итоговой отметки там не было, и она даже повеселела. Может быть, подумала Людочка, проверяющий не такой уж строгий, как школьная учительница, и с ним можно будет как-нибудь договориться. Как с некоторыми преподавателями в профессиональном училище, где она училась. Одного преподавателя они одаривали вскладчину коньяком, и он всей группе ставил зачет «автоматом». Вторая учительница конфеты очень любит, третья —духи… Была, правда, одна неподкупная ни на какие подарки учительница физики. Но тут уж ничего не поделаешь. Приходилось учить.

Людочка оглянулась по сторонам. Рядом с ней, не обращая на нее никакого внимания, стояли люди разного возраста и держали в руках свои книги жизни. У кого-то эта книга была потолще, а у кого-то потоньше.

Я все поняла, подумала Людочка: если книга толстая, жизнь у этого человека будет долгая, а если книга тоненькая, то и жизнь короткая. Людочка чуть не засмеялась от счастья. Недописанная книга ее жизни была очень-очень толстая. Кроме исписанных страниц, в ней было еще очень много и абсолютно чистых. Значит, подумала она, не умру. Долго-долго еще не умру.

Во время самых сильных схваток полуживая от боли Людочка вдруг засмеялась. От ее смеха у акушерки мороз пошел по коже, а молодой анестезиолог даже вздрогнул. Но все медицинские работники были профессионалами высокого класса и дело свое знали отлично. Ребеночек, мальчик, сделал первый вздох, заплакал от радости и с любовью посмотрел с высоты держащих его рук на свою уставшую маму. Пуповину, которая их связывала, еще пока никто не обрезал.

В послеродовой палате три женщины снова встретились. Не было только Людочки. Женщины заволновались.

— Да не переживайте вы за нее, — успокоила их медсестра. — Ничего с вашей Людочкой не случилось. Она просто ушла.

— Как ушла? — ахнули женщины хором.

— Да очень просто. Написала отказ от ребенка, взяла свои вещи и ушла. Такое у нас, к сожалению, бывает.

Рита и ее две соседки не спали всю ночь, хоть отдых и спокойный сон им был очень нужен. У Риты и Людочки родились мальчики, а у Жени и Саши — девочки.

— Я попрошу своего мужа усыновить этого малыша, — сказала Саша. — Он согласится, я знаю. Он у меня очень добрый.

— И мой, я уверена, тоже будет согласен, — сказала Женя. — Он давно о мальчике мечтал. А тут сразу и сын, и дочка.

— А давайте, девочки, дадим право выбора самому малышу, — вступила в разговор Рита. — Мы его не оставим, это понятно. Мы за него в ответе. Но пусть он выберет сам.

— Как же он выберет, если и говорить-то не умеет? — удивилась Саша.

—Завтра мы будем кормить своих ребятишек и попросим, пусть нам и сыночка Людочки принесут. Чью грудь он возьмет, та и будет его мама.

Людочкин сыночек выбрал Риту. Он долго, по-хозяйски, старательно чмокал губками, уплетая молочко за обе щеки. Ни к Жениной, ни к Сашиной груди он даже не прикоснулся.

Через несколько дней в Москве на углу одного профессионального училища, где учат на поваров, стояли и курили четыре девушки.

— Люд, а рожать страшно? — спрашивала Людочку одна из ее подружек.

Людочка сделала последнюю длинную затяжку, лихо отбросила окурок на зеленый газон и сказала:

— Да нет, девчонки, это почти не больно.

— Люд, а ты ребеночка-то своего хоть видела? — спросила у Людочки ее вторая подруга.

— Я старалась не смотреть, а то еще будет по ночам сниться.

Мимо подружек галопом пробежал молодой мужчина в оранжевой куртке нараспашку. Это был Ритин муж Саша. Он так торопился в магазин за второй коляской и второй детской кроваткой, что оббил все возможные углы на своем пути. Но Саша этого даже не замечал. Да и потом, синяки на теле пройдут очень быстро. Это почти не больно.

Что снится бездомной собаке в холодную зимнюю ночь?

Длинную и очень холодную зимнюю ночь на одной автобусной остановке коротали три живых существа без определенного места жительства — две пожилые женщины и одна старая собака.

Женщины, чтобы не замерзнуть, сидели на лавочке, прижавшись друг к другу. Собаке прижиматься было не к кому, и она свернулась калачиком рядом с ними. И все равно, и женщинам, и собаке было холодно. Женщины очень боялись уснуть. Сколько случаев, когда бомжи замерзают зимой прямо во сне.

Женщины, чтобы не уснуть, вели беседу то про одно, то про другое. Собака их слушала. Давно известно, что собаки хорошо понимают человеческую речь, только вот сами сказать ничего не могут.

Одна женщина вспоминала лето и Черное море, на котором она была один-единственный раз в своей жизни.

— Был бархатный сезон, — рассказывала она. — В Москве холодно и дожди, а мы в море купаемся. Солнце в октябре не жаркое, а такое ласковое-ласковое. Санаторий, где мы жили, почти пустой, и пляж тоже. Хоть до гола раздевайся, никто тебя не увидит. Мы купались и валялись на пляже до одурения. А вечером пили настоящее виноградное вино и слушали тихую музыку. Я даже до сих пор помню ту мелодию.

Женщина напела хриплым голосом популярную мелодию семидесятых годов.

Вторая женщина вспоминала детство.

— А мы, когда я была маленькой, — рассказывала она, — жили в деревне в доме с настоящей русской печкой. Бабушка пироги затеет, аромат на весь дом, а мы, ребятишки, на теплой печке сидим и ждем: кому самый первый пирожок достанется?

Одна из женщин достала из своего пакета буханку черного хлеба с заплесневелыми боками. Корку с плесенью женщина бросила собаке, а мякоть разделила пополам. Все трое ели молча, сосредоточенно.

— Как бы мне хотелось, — продолжала разговор одна из женщин, — чтобы эта моя теперешняя жизнь была только лишь неудачным черновиком. Дайте мне еще одну, самую последнюю попытку, и я исправлю все свои ошибки и проживу вторую жизнь как человек.

— Я бы тогда тоже все изменила, — сказала вторая женщина. — И никогда бы из деревни в город не уехала. Вышла бы замуж за деревенского парня, нарожала бы кучу ребятишек, посадила бы огород, завела корову, научилась бы печь пироги в русской печке и была бы счастлива.

Как ни боролись женщины со сном, а он их все равно победил, и они бы точно пополнили печальную статистику замерзших во сне людей, если бы не случайная патрульная машина, которая забрала женщин в приют временного содержания.

Собака осталась одна. Бездомные, по жизни беспризорные собаки обычно никого не интересуют. Никому нет особого дела до того, что они едят и где ночуют. Собаке снилась добрая рука человека, который гладил ее по спине. За всю ее долгую жизнь собаку гладили по спине всего один-единственный раз, когда она была еще совсем щенком. Другого случая собака что-то не припомнит. Ощущения от сна были такие реальные, что собака открыла глаза. Перед ней сидел на корточках пожилой мужчина и гладил ее по спине.

— Ну что, собака? — спросил он. — Замерзла совсем? Пятизвездочный отель я тебе не обещаю, но миску супа и, главное, тепло гарантирую. Если ты не против, то пойдем со мной.

Собака была не против. Ей все у мужчины понравилось: и гороховый суп с косточкой, и белая миска с цветочком на боку, и зеленый коврик у порога, который мужчина постелил для нее, и пожилая женщина, которая погладила собаку по голове.

— Ну что же, будем коротать старость вместе, — сказал мужчина.

Длинную и очень холодную зимнюю ночь на автобусной остановке коротали два живых существа без определенного места жительства — две женщины пожилого возраста. Чтобы не уснуть и не замерзнуть прямо во сне, они развлекали друг друга рассказами из своей прошлой жизни.

— А на какой-то праздник, — вспоминала одна из женщин, — я только точно не помню, как этот праздник называется, в этот день еще всех птиц на волю отпускают, бабушка пекла из теста маленьких птичек, жаворонков. А мы, ребятишки, сидели на теплой печке и ждали: кому достанется самая первая птичка, тот и будет самым-самым счастливым.

Пустите меня, я не буду плакать

Единственный сын Ольги Ивановны Олежек нашел себе жену-красавицу. Ее лицо обладало удивительной способностью: на него все время хотелось смотреть и смотреть. Глаза к такому лицу, что называется, просто прилипали.

— Мам, — сказал сын Ольге Ивановне, — мы с Дашкой все решили. Мы с ней будем жить в нашей двухкомнатной квартире: здесь и метро рядом, и нам до работы близко. А ты переедешь к Галине Петровне, Дашкиной маме. У нее однокомнатная квар-

тира. Правда, до метро очень далеко, почти у самой кольцевой дороги, но ты ведь согласна?

—Ты забыл, сынок, у нас ведь еще дедушка, — сказала Ольга Ивановна.

Отец Ольги Ивановны жил вместе с дочерью и внуком. Его жена, мама Ольги Ивановны, давно умерла.

— Дашка все организовала, она у меня умница, — сказал Олежек. — У ее подруги тетка живет в одном очень хорошем пансионате в Подмосковье. Дашка договорилась, и деда могут туда взять по большому блату.

— В дом престарелых? — ахнула Ольга Ивановна.

— Ну почему сразу — в дом престарелых? Это пансионат. Там у каждого своя комната, медицинское обслуживание, питание, уход. Деду там будет хорошо.

Ольга Ивановна заплакала.

— Ну, начинается, — сказал Олежек с раздражением. —Дашкина, вон, мать всем жертвует ради дочери, не то что ты.

— А давай, Олежек, мы Дашину маму Галину Петровну к себе возьмем, а вы в однокомнатную переедете, — предложила Ольга Ивановна сквозь слезы.

— Дашка так не хочет. Она нажилась в этом спальном районе, ей ближе к центру Москвы хочется.

Телевизор по имени окно который день подряд показывал один и тот же сериал: голые деревья на фоне грязно-белого снега. Солнца никто не видел уже много-много дней.

Ольга Ивановна встала в субботу пораньше. Стараясь не шуметь, чтобы не разбудить Галину Петровну, она быстро собралась и вышла. На свежевыпавшем за ночь снегу первые следы были собачьи, а вторые — Ольги Ивановны. Москва рано утром в субботу еще спала. Спальный район. В автобусе, метро и в электричке было совсем пусто. Доехала Ольга Ивановна очень быстро.

В доме для престарелых был завтрак, но ее пропустили. Пока отец завтракал в общей столовой, Ольга Ивановна навела порядок в его комнате, убрала, протерла полы, проветрила. Пришел отец. Как-то он осунулся, побледнел.

— Как ты себя чувствуешь, пап? — спросила Ольга Ивановна.

— Хорошо, — ответил отец. — Мама мне стала часто сниться. А я, Оль, честно тебе скажу, все время домой хочу, хоть тут неплохо, и кормят хорошо.

— Может, тебе что-нибудь привезти? Что ты хочешь? Вот яблоки, апельсины, рулет твой любимый с черникой, — Ольга Ивановна выкладывала свои гостинцы на тумбочку.

— Я, Оль, прилягу. А ты не приезжай так часто. Дорога-то неблизкая, зачем себя мучить? У тебя ведь еще и работа. У нас тут ко многим никто никогда не приезжает, и ничего, живут...

— Скоро, пап, лето. Я возьму отпуск, и мы поедем с тобой на дачу в Зубовку. Помнишь, как у нас там хорошо?

Ольга Ивановна пробыла у отца до самого вечера.

Зима уходила со скандалом. Она понимала, что всем давно надоела, но никак не хотела сдаваться без боя и даже в середине марта все накрывала и накрывала Москву то одним, то другим снежным покрывалом. Из последних сил.

Ольге Ивановне позвонили из дома для престарелых прямо на работу. У отца инсульт.

— В его коре головного мозга после кровоизлияния остался один маленький островок памяти. Что там на нем записано, никто пока не знает. Когда он придет в сознание, тогда будет понятно, что он вспомнит, — объяснял Ольге Ивановне молодой врач. —Ваш отец сейчас в реанимации. К нему нельзя.

Ольга Ивановна разрыдалась.

— Пустите меня, — сказала она сквозь слезы, — я не буду плакать.

Сын позвонил Ольге Ивановне радостный и какой-то возбужденный.

—Мам, тут Дашка такой обмен потрясающий нашла. За нашу «двушку» и вашу «однушку» предлагают «трешку» в самом центре рядом с Театром эстрады. Это Дашкина мечта — трехкомнатная квартира с видом на Кремль и на Красную площадь. А вы с Галиной Петровной переедете в комнату в коммуналке, зато всего с одним соседом и прямо рядом с железной дорогой. Представляешь, это та самая линия, по которой ты к деду ездишь. Тебе будет в два раза ближе. Эту комнату нам Дашкина знакомая по дешевке уступает.

Ольга Ивановна встала с субботу пораньше. За стеной надсадно кашлял сосед по коммунальной квартире дядя Вася. Ольга Ивановна оделась и на цыпочках, чтобы не разбудить Галину Петровну, вышла. На свежевыпавшем за ночь снегу первые следы были собачьи, а вторые — Ольги Ивановны. Барачный дом, где теперь жила Ольга Ивановна с Галиной Петровной, стоял прямо рядом с железнодорожной станцией. Ольга Ивановна пошла к платформе. Электричка была совсем пустая. Сезон у дачников еще не начался. Ольга Ивановна доехала очень быстро.

В доме для престарелых был завтрак, но Ольгу Ивановну тут знали и пропустили.

Отец лежал в своей комнате и ждал, когда его покормят.

— За маму, — приговаривала Ольга Ивановна, поднося отцу ложечку с кашей, — за папу...

Отец послушно, как птенчик в гнезде, открывал рот.

— За маму... . За папу...

И сказал Серый Волк добрым голосом

Родного Алешиного отца вспоминали в Алешиной семье редко, но всегда плохо. Сам Алеша отца не помнил, ему было всего три годика, когда его родители развелись. Зато Алеша очень хорошо помнил голос отца, а голос, говорят, не стареет. Отец всегда рассказывал Алеше только добрые сказки. Даже самые злые сказочные герои — Снежная Королева, Змей Горыныч, Кощей Бессмертный — в сказках отца становились добрыми и веселыми.

— И сказал Серый Волк Красной Шапочке добрым голосом, — рассказывал Алеше отец: «Дерни за веревочку, и дверь откроется. Я уже и чайничек вскипятил, заждались мы тут с бабушкой твоих пирожков».

А еще Алеше достался от отца ген способности к рисованию. Алешин отец был художником. Талантливым, но неудачливым. Его картины хвалили, выставляли в художественных салонах, но почти никогда не покупали, поэтому семью прокормить отец никак не мог, стал сильно пить, и Алешина мама от него ушла.

Алеша благодаря отцовскому гену лучше всех рисовал и в детском садике, и сейчас, в школе. Его рисунки хвалили, отправляли на разные конкурсы.

— Покажи, Алеша, нашим гостям свои рисунки, — говорила мама или бабушка, когда к ним приходили гости.

Алеша доставал альбомы, папки, и гости всегда с большим интересом рассматривали его работы.

Сегодня в гостях у Алешиной мамы был ее знакомый по работе, дядя Слава.

— Покажи, Алеша, дяде Славе свои рисунки, пока я на стол накрою, — попросила мама Алешу.

— Ты в каком классе учишься? — спросил у Алеши дядя Слава.

— В пятом, — ответил Алеша.

— И как успехи?

— Нормально, — ответил Алеша.

Родному отцу он, конечно, рассказал бы, что ему очень нравятся история и рисование, а еще русский язык и литература, рассказал бы про друзей и одноклассников, про всякие смешные и грустные школьные истории, которые происходят постоянно. Но дядя Слава — чужой человек, и ему это все, наверное, совсем неинтересно.

— А ты хорошо рисуешь, — сказал Алеше дядя Слава.

— Я знаю, — ответил Алеша. — У меня папа художник.

Дядя Слава отложил Алешины рисунки.

— Я хочу поговорить с тобой, как мужчина с мужчиной. Мне очень нравится твоя мама, я хочу на ней жениться. Ты не против?

— Я не против, — как-то машинально ответил Алеша.

— Понимаешь, это неправильно, когда молодая и красивая женщина живет одна. А твоя мама— молодая и очень красивая. Я прилично зарабатываю, нам на семью хватит. У меня в Северном Бутове — квартира и дача в Подмосковье. Будем летом с тобой за грибами ходить, там лес совсем рядом и речка. Я удочки куплю, рыбу ловить будем. Согласен?

— Согласен, — опять как-то автоматически ответил Алеша.

— Ну, вот, и ладушки. Оленька, — позвал дядя Слава Алешину маму. — У тебя замечательный сын, мы с ним подружились и обо всем договорились.

Алешина мама и дядя Слава поженились и уехали в свадебное путешествие, а Алеша остался с бабушкой. Наступили весенние каникулы, свободного времени было много, и Алеша почти це-

лыми днями рисовал. Мама часто звонила и спрашивала, как у него дела.

— Тут посылка пришла на твое имя, — сказал однажды Алеша маме. — Мы с бабушкой не стали открывать.

— И правильно сделали, — сказала Алешина мама. — Я приеду, вместе и откроем.

В посылке оказалось небольшое письмо и картины Алешиного родного отца. В письме чужие люди писали, что Алешин отец умер в приюте для бездомных людей и просил перед смертью отослать его картины бывшей жене Ольге. Именно она, Алешина мама Оля, но чуть-чуть помоложе, чем сейчас, была на всех картинах отца. Алеша разложил картины на столе, на диване, на полу. И только на одной картине отца мамы не было. На ней отец нарисовал полуоткрытую дверь, а за дверью виднелся кусочек звездного неба.

Алешина мама проплакала всю ночь. Алешина бабушка всю ночь пила успокоительные и сердечные таблетки. А самому Алеше всю ночь снился голос отца. А голос человека, говорят, никогда не стареет.

— И сказал Серый Волк Красной Шапочке очень добрым голосом: «Дерни за веревочку, и дверь откроется...»

Как слышится, так и пишется

Доругались до развода. Теперь уже точно и не вспомнить, кто первым произнес вслух это страшное слово. Да теперь и не важно. Разошлись по разным комнатам, и оба не спали всю ночь. К рассвету оба разводиться расхотели, но и мириться первым никто не хотел.

— Дочь, мы с мамой идем сегодня разводиться, а потом будем жить отдельно. Ты с кем останешься? — спросил отец их единственную двенадцатилетнюю дочь Зойку.

— По закону ребенок после развода всегда остается с мамой, — сказала Зойка.

— Иногда дети остаются и с отцом, — не сдавался Зойкин папа.

— А вдруг ты снова женишься и мачеху в дом приведешь, что мне тогда делать? Будет она меня гонять из угла в угол и голодом морить. — Зойка любила покушать.

— Если я опять женюсь, дочь, то только на очень доброй женщине, —Зойкин отец выразительно посмотрел на Зойкину маму. – Она обязательно будет тебя любить.

— Они только с виду добрые, эти чужие тети. Мачеха есть мачеха, — озвучила свое мнение Зойкина мама.

— Но и мама может второй раз замуж выйти, — настойчиво продолжал свою линию Зойкин отец.

— Слушайте, не нужны мне ни ваши новые мамы, ни ваши новые папы. Я буду просить политического убежища в детском доме.

— Там тоже жизнь не сахар, — предупредил Зойку отец. — Все по режиму, как в армии.

— И кушать придется то, что дают, а не то, что тебе хочется, — добавила Зойкина мама.

Родители хотели, чтобы Зойка разрыдалась, вцепилась в них двумя руками и попросила не разводиться, потому что очень любит их обоих. Зойкины родители тут же согласились бы на просьбу дочери, так как сами этого очень хотели.

— Да делайте вы, что хотите, — сказала Зойка. — Разводитесь, сходитесь, а я в школу сегодня не пойду.

— Почему? — спросили родители хором.

— Психологию детскую надо знать, — укорила Зойка родителей. ––Стресс у меня. Понятно? Еще неизвестно, как ваш развод на моем здоровье скажется.

— Привет, подруга, — Зойке позвонила ее одноклассница Ари-

на. — Ты почему сегодня в школе не была? Классная про тебя спрашивала.

— Да так, дела семейные. Ты, случайно, не знаешь, как пишется слово развод: «развод» или «розвод»?

— Кажется, «развод». А с кем это ты разводиться собралась?

— Да не я, а родители мои пошли сегодня разводиться, а я пишу заявление в детский дом. Не хочу я жить с чужими тетями вместо мамы и с чужими дядями вместо родного папы.

— Мои тоже развелись три года назад и до сих пор все никак меня поделить не могут, — сказала Арина. – Живу между двумя воюющими армиями, как на нейтральной территории. Снаряды летают то туда, то сюда. Только успевай наклоняться. Мамина родня поливает грязью папину родню, и наоборот.

— Давай со мной в детский дом. Там все общее, — предложила Зойка подруге.

— Надо подумать, — ответила та.

В ЗАГСе вместе с Зойкиными родителями на развод подавал молодой парень в спортивном костюме. Парень, видно, несколько ночей не спал, давно не причесывался, был очень расстроен и похож на взъерошенного воробья. А работница ЗАГСа в черном костюме была похожа на строгого грача.

Зойкина мама была с детства смешливая, и хоть обстановка для смеха была совсем неподходящая, она тихо прыснула. Нервный смех накатывал на нее волнами изнутри, и она никак не могла остановиться. Сказывались нервное напряжение после скандала и бессонная ночь.

Взъерошенный воробей что-то взволнованно спрашивал, а строгий грач ему отвечал.

— А как пишется слово «развод»? — спросил парень в спортивном костюме. — «Развод» или «розвод»?

— Как слышится, так и пишется, — строго ответила ему работница ЗАГСа.

Тут уж не выдержал и Зойкин отец. Зойкины родители расхохотались, как полоумные. Зойкина мама от нервного смеха начала икать, а Зойкин папа, глядя на нее, схватился за живот. Строгая работница ЗАГСа, похожая на весеннего грача, выставила их за дверь, чему Зойкины родители были очень рады. Они зашли в ближайший магазин, накупили продуктов и, счастливые, вернулись домой.

— Зой, ну как, твои родители развелись? — спросила через пару месяцев у Зойки ее одноклассница Арина.

— Нет. Передумали. Да ну их. У них семь пятниц на неделе. Подарок мне решили подарить — братика или сестренку. Ой, да пусть дарят, кого хотят.

— И что, больше не ссорятся?

— Ни разу больше не слышала, только чуть что, смеются на два голоса. Мама стала называть папу Зайкой, а он ее Киской.

— Значит, ты в детский дом идти передумала? А я, наоборот, надумала. Заявление, вот, сижу пишу, чтобы приняли.Маму тут с одним мужчиной познакомили, и она за него замуж собралась. А он, Зой, на бегемота похож, и руки у него все волосатые. Ты, случайно, не знаешь, как правильно пишется слово «бегемот»?

— Я точно не знаю, — ответила Зойка подруге, — но, вроде, как слышится, так и пишется.

По-хорошему ты не понимаешь

Каждое утро мама собирала Борьку в садик, и об этом знал весь их одноподъездный девятиэтажный дом, потому что Борька орал во всю силу своих молодых и здоровых легких. Борька ненавидел садик и категорически отказывался по утрам вставать. Мама силой поднимала его с кровати и тащила умываться.

— По-хорошему ты не понимаешь, — говорила мама Борьке и шлепала его рукой по мягкому месту для ускорения процедуры сборов.

Утром Борькина мама всегда торопилась на работу, и у нее каждая минута была на вес золота.

Борькина мама была не права, что Борька по-хорошему не понимает. Как раз по-хорошему-то Борька все прекрасно понимал, он ведь не дурак какой-нибудь. Борька понимал, что маме надо на работу, что она зарабатывает одна им на еду, на одежду и на все остальное. Папы у них нет. Но Борька был согласен хоть целый день тихо-тихо просидеть где-нибудь в уголке на маминой работе, но только не идти в этот ненавистный садик, где большинство ребятишек целый день ходят с печальными глазами, как у брошенных беспризорных собак.

На улице Борька продолжал сопротивляться и изо всех сил упирался обеими ногами в земной шар, но мама была намного сильнее.

— По-хорошему ты не понимаешь, — повторяла всю дорогу Борькина мама и больно дергала Борьку за руку.

День в садике тянулся для Борьки долго, как невкусная жевательная резинка, которая радует только тогда, когда ты ее, наконец, выплюнешь изо рта.

Была пятница, а по пятницам всех детей разбирают обычно раньше времени. У родителей на работе — короткий день. В Борькиной группе остались лишь два мальчика — сам Борька и Родион.

Воспитательница, глядя на них, покачала головой и сказала :

— Безотцовщина. Отцам не нужны, да и матерям своим, видно, тоже.

В ожидании мам Борька с Родионом повисли на подоконнике и смотрели в окно. Больше ничего делать им не хотелось. Окна

садика выходили на оживленную улицу. Взрослые, как большие корабли, плыли по этой улице в разные стороны.

— Когда я вырасту и стану президентом страны, — сказал Родион Борьке по большому секрету, — я закрою все детские садики. Мамам некуда будет отдавать своих детей, и они всегда будут брать их с собой.

— Здорово, — сказал Борька. — Только плохо, что мы уже к тому времени вырастем.

Родиона забрали на целых двадцать минут раньше Борьки. Самой последней прибежала запыхавшаяся Борькина мама. Шапка съехала у нее на один бок, глаза были испуганные.

— Извините, Елена Николаевна, — сказала она Борькиной воспитательнице. — Москва стоит, пробки. Я еле-еле до вас добралась.

Борькина мама сунула воспитательнице дежурную коробку конфет в качестве компенсации за моральный ущерб и повела Борьку домой.

Дорогу домой Борька любил. Ему всегда хотелось возвращаться домой медленно. То Борька засмотрится на воробья. Тот очень смешно плескался в луже. То Борьку ослепит яркое весеннее солнышко, и он, зажмурив глаза, смотрел на солнце сквозь шторы ресниц. То ему хотелось погладить бездомную собаку. Маме надоело тянуть его за руку, как на буксире:

— По-хорошему ты не понимаешь, — говорила она и, схватив Борьку за шиворот, почти силой тащила домой.

Так что и о возвращении Борьки из садика весь одноподъездный девятиэтажный дом был оповещен уже знакомым всем жильцам дома Борькиным ором. Хоть Борька и орал на весь подъезд во всю свою глотку, но он был счастлив. Ему предстояло провести целых два дня дома, да еще с мамой — это просто царский подарок судьбы. Если бы Борьку спросили, что он хочет больше всего на свете, он бы, не задумываясь, сказал: чтобы

неделя состояла только их двух дней — субботы и воскресенья. А потом опять суббота и воскресенье...

В субботу начальник попросил Борькину маму срочно выйти на работу, и она не смогла ему отказать. Встал вопрос: куда девать Борьку? Бабушки у них не было. Иногда выручала соседка с первого этажа, баба Шура. Борькина мама подбрасывала ей небольшую сумму денег, и она сидела с Борькой. Но баба Шура была инвалидом, из дома никуда не выходила, а Борьке хотелось гулять. Солнышко по-весеннему пригревало, и малышня во дворе радостно галдела. Всю субботу Борька провисел на подоконнике однокомнатной квартиры бабы Шуры и смотрел на гуляющих ребятишек из окна. Мама приехала только ближе к вечеру.

Все воскресенье Борька ходил за мамой хвостиком. Иногда он даже хватался за ее халат, как за паровозик. Мама стирала, гладила, готовила. А Борька все время был рядом с ней. Вечером перед сном мама читала Борьке новую книгу «Бог и мир».

Утром в понедельник весь одноподъездный девятиэтажный дом проснулся от Борькиного крика.

— По-хорошему ты не понимаешь, — говорила ему мама и, шлепнув по мягкому месту, силой тащила умываться.

Когда Борькина группа в детском садике вышла на прогулку, Борька с Родионом присели вдвоем на березовые чурбачки около веранды и почти одновременно вздохнули. Со стороны они были похожи на двух маленьких старичков.

— Когда я вырасту и стану президентом, — сказал Родион Борьке по большому секрету, — я издам такой закон, чтобы мамы, у которых есть дети дошкольного возраста, не работали, а сидели всегда дома вместе со своими детьми.

Птица с одним крылом

Полинка никогда не была в зоопарке. Родители давно обещали ей эту поездку, но все время по разным причинам откладывали. И вот, наконец-то, сбылось. Полинка в зоопарке. От уймы впечатлений у нее закружилась голова. Полинка давно знала многих животных по картинкам, а тут все живые! Вон там жираф вытянул свою длинную шею и смотрит прямо на Полинку. Вон настоящий, а не нарисованный, слон с настоящим длинным хоботом. Вон белые медведи от жары в воду залезли и там плещутся.

Но больше всех Полинку поразили птицы. Полинке даже захотелось самой стать маленькой красивой птичкой. Она ухватилась одной рукой за папину руку, а другой — за мамину, оторвала ноги от земли и ей казалось, что она летит, как самая настоящая птица.

После поездки в зоопарк Полинке часто снилось, как она летает. Рядом с ней во сне летали птицы и такие же, как она, маленькие девочки и маленькие мальчики.

Заявление на развод Полинкины родители подавали вместе и разводиться поехали вместе. Они даже шутили дорогой: все до одного светофора на их пути горели красным огоньком, а когда они десять лет назад ехали в ЗАГС расписываться, все светофоры на их пути горели только зеленым цветом. Они оба это очень хорошо запомнили.

На очередном красном светофоре Полинкин отец закурил. Ему вдруг пришла в голову шальная мысль: хоть бы их сегодня не развели. Вырвать бы из сердца гордыню, как сорняк с грядки, простить бы жену за все, самому попросить у нее за все прощение, и жить бы вместе, как раньше, одной семьей...

Развели их быстро, без всяких помех. По обоюдному согласию.

— Ты сегодня у нас переночуешь? — спросила мама Полинки у ее отца.

— У вас. Хочу с Полинкой попрощаться.

— А что ты ей скажешь?

— А что говорят обычно в таких случаях? Надо срочно уехать, или что-нибудь в этом роде.

Полинкина мама вдруг подумала про себя: а, может, напрасно они этот развод затеяли? Простить бы мужа за все и самой попросить у него прощение. И жить бы, как раньше, одной семьей. Но гордыня тут как тут со своим ядовитым жалом: а почему это я первая должна мириться? Пусть муж первым попросит у меня прощение, а там видно будет.

Полинка уснула быстро, как всегда.

— Кажется, Полинка поверила в мою командировку, — сказал Полинкин отец Полинкиной маме.

— Конечно, поверила. Мы ведь ее никогда в жизни не обманывали.

— Если ты снова замуж соберешься, смотри, чтобы твой новый муж Полинку не обижал, — сказал отец Полинки ее маме.

— Мне и одного замужества на всю жизнь хватит, — ответила она.

— Ты молодая, красивая, — отец Полинки чуть не сказал: ты самая красивая женщина на свете. — Найдешь еще свое счастье.

В соседней комнате неожиданно проснулась и громко закричала Полинка.

— Мама, папа, — кричала Полинка, сидя на кровати и вытирая слезы. — Мне приснился неправильный сон. Как будто я птица с одним крылом. Я хочу взлететь, а у меня никак не получается. Птицы с одним крылом летать не могут.

Родители успокоили дочку. Полинка легла в свою кроватку, держа одной рукой папину руку, а другой — мамину. Теперь-то ей точно приснится правильный сон.

На следущий день Полинкины родители отвели ребенка в детский садик, а сами поехали подавать заявление в ЗАГС. Все светофоры на их пути в этот раз горели только зеленым цветом.

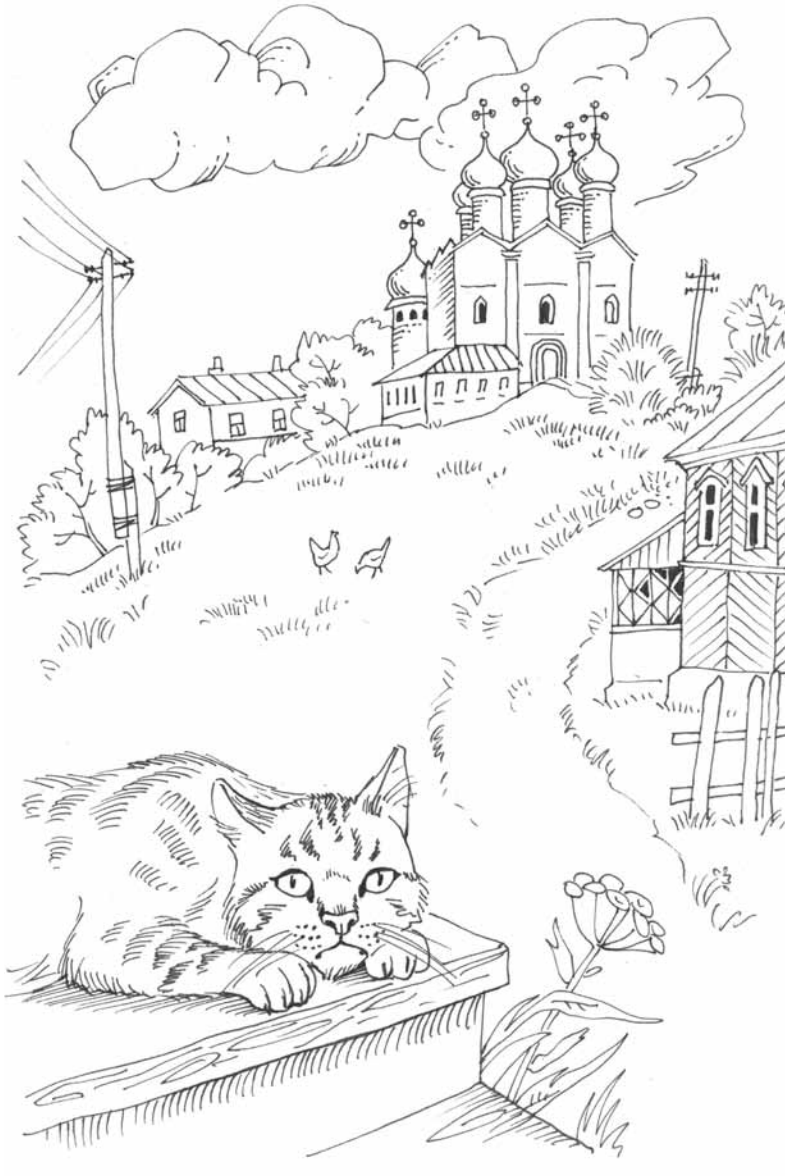
Ты уже большой мальчик

Николай не отдыхал уже много лет. Фирма, которой он руководил, была давно раскручена, крепко стояла на ногах, давала хорошие доходы, но Николай на достигнутом не успокаивался, а продолжал каждый день вкалывать, как говорится, «в две лопатки». Николай был классический трудоголик. Причем, когда его спрашивали: «Чего тебе в жизни не хватает?», он всегда затруднялся ответить на этот вопрос. У Николая было все: любимая жена-красавица, любимая дочка, работа, на которую он идет с радостью, дом, куда он возвращается с работы с радостью, машина, которая ему нравится. У Николая много надежных друзей, много родных. Еще жива, слава Богу, его мама. Она живет далеко от Москвы, в Рязанской глубинке. Николай ежемесячно посылает ей очень приличную пятизначную сумму денег. Он много раз звал маму в Москву навсегда, места много, жена и дочка согласны. Но мама Николая никак не соглашалась.

— Я, сынок, в вашей Москве сразу умру, — говорила она. — Нельзя старых людей снимать с насиженного места. Где родился, там и пригодился.

Николай любил вспоминать свое детство. Их двор всегда был полон живности. Родители держали кур, гусей, уток, корову, кроликов, поросенка. Еще в доме всегда были кошки, а во дворе — собаки. Сейчас у мамы Николая жил один кот Бармалей, одним своим видом наводивший ужас на всех грызунов в радиусе нескольких километров от дома.

Николай был счастливым человеком и на свое здоровье никогда не жаловался, но почему-то с недавних пор и исключительно по ночам у него стало болеть в двух местах его могучего орга-



низма: болела левая нога, которую он сильно подвернул в детстве на футбольном поле, и болела душа, которая все билась и билась в надежно закрытую грудную клетку, как оказавшаяся в неволе свободолюбивая птица. Николай знал, к какому доктору обращаться с больной ногой, а вот с заболевшей душой было намного сложнее.

— Тебе надо отдохнуть, — советовала Николаю жена. — Даже железные машины без отдыха ломаются, а что ты хочешь от человека? Поедем куда-нибудь недельки на две, не больше.

— Это твоя душа-христианка просится на исповедь, — говорил Николаю его лучший друг Леонид. — Сходи в храм, исповедайся, причастись, и сразу станет легче.

— Да нет у меня никаких особых грехов, — отвечал Николай. — Я никого не убил, не ограбил, стараюсь никого не обижать. Ну что я буду говорить там на исповеди?

— Батюшка тебе сам подскажет, а безгрешных людей не бывает.

— Да нет, Лень, не дорос я еще до этого. Вот стану стариком, тогда, в церковь пойду, грехи к тому времени накоплю и замаливать буду.

— Кто знает, сколько нам жить осталось? — ответил Леонид. — Кому-то — много лет, а кому-то — пару дней.

— Ой, не надо о грустном. А то еще накаркаешь. Мы с женой и дочкой в Египет собираемся. Я так давно в отпуске не был.

Самолет плавно приземлил Николая с семьей в Египте, а ровно через две недели так же плавно вернул их всех троих, загоревших, отдохнувших, веселых, в Москву. У Николая сама собой перестала болеть нога и сама собой успокоилась в грудной клетке птица-душа. Море — хороший доктор, хоть и без диплома.

Еще не успели распаковать чемоданы — раздался звонок из Рязанской глубинки: умерла мама Николая. Неожиданно, внезапно, никто и не ожидал.

Николай забыл, когда он в последний раз в жизни плакал,

его слезные железы давно пересохли и атрофировались. Если какой-то орган в организме человека долгое время не работает, организм исключает его из общей системы и отторгает за ненадобностью. Зачем, например, жестокого человека спрашивать про его сердце, когда его у него давно нет. Зачем у бессовестного человека искать совесть — ее у него тоже давно нет.

Николай неожиданно для самого себя вспомнил, как он плакал в последний раз в своей жизни, когда учился еще только в первом классе. Однажды он пришел из школы, а кресло, в котором всегда сидела его любимая бабушка Маша, — пустое. Мама сказала ему, что бабушка умерла. Он так плакал, что его никак не могли успокоить. Николай хорошо помнит, как мама долго крепко прижимала его к себе, гладила по голове и говорила:

— Не надо плакать, сынок. Ты уже большой мальчик.

После отпевания и похорон к Николаю подошел молодой священник отец Симеон.

— Матушка Ваша была прихожанкой нашего храма во имя Николая Чудотворца и каждый месяц вносила очень большие для нас суммы денег на восстановление храма. Она говорила, что это от Вас. Храни Вас Бог за Вашу помощь. Мы смогли на Ваши деньги и крышу починить, и полы перестелить, и роспись внутри храма обновляем. Я за Вас молюсь, а теперь и за матушку Вашу усопшую буду молиться. Упокой, Господи, душу усопшей рабы Твоей Клавдии. Прости ей всякое согрешение, вольное или невольное, и даруй ей Царствие Небесное.

Перед самым отъездом Николай пошел на кладбище. Ноги сами собой подкосились в коленном суставе, и Николай разрыдался.

— Не плачь, сынок, — успокаивала его мама, гладя по голове, — ты ведь уже большой мальчик.

Николай маму свою не видел и голоса ее не слышал, зато ее очень хорошо видели ангелы, они более совершенные творения, чем человек. И видят они то, чего человек не может видеть, и слышат они то, чего люди не слышат.

Собрались уезжать, и в самый последний момент вспомнили про кота Бармалея. Искали его долго по всем углам. В конце концов, отчаялись и попросили соседей подкармливать кота, когда он вернется. Николай завел машину.

Бармалей спокойно сидел под крыльцом дома и вышел оттуда, как только смолк шум мотора. Подойдя к закрытой на все замки входной двери, он лег около нее и свернулся калачиком. Грустно, когда кошки или собаки переживают своих хозяев. Утешать их некому.

А над деревней сначала очень робко, несмело, а потом все громче и громче зазвучал церковный колокол, призывая всех верующих на утреннюю службу. Сегодня во время Литургии отец Симеон будет читать своим прихожанам притчу из Евангелия о блудном сыне.

Челябинск — это где?

— Непутевый, — говорила Илюшке его бабушка Лена, когда была им недовольна. — Такой же непутевый, как твоя мать.

Илюшка по-своему определил для себя слово «непутевый». Путь — это прямая дорога, ровная, гладкая, покрытая асфальтом, а непуть — это сплошные ямы и колдобины, одним словом — бездорожье. И вот все идут путем ровным и прямым, а мама Света, как думал Илюшка, пробирается по бездорожью, и ей намного труднее идти. Так и заблудиться легко. Непутевая Илюшкина мама, как видно, и заблудилась. Илюшка не видел ее уже больше года. Илюшка сравнивал маму с мальчиком из рассказа, который ему как-то читала баба Лена. Маленький мальчик заблудился в пургу и замерзал в чистом поле. Он уже умирал, но тут зазвонили церковные колокола, он их услышал, пошел на этот звон и вышел к людям, к храму. Вот бы, думал Илюшка, и моя непутевая мама услышала мой голос и вернулась домой.

Спрашивать про маму у бабушки Илюшка боялся: бабушка сразу же начинала волноваться, хваталась за лекарства, и Илюшке ее было очень жалко. Только по некоторым обрывкам фраз, по некоторым отдельным словам Илюшка, как по крупинкам, собирал в своем сердце информацию о маме. То бабушка что-то шепнет воспитательнице в детском садике, а Илюшка случайно услышит, то соседка что-нибудь у бабушки про Илюшкину маму спросит, а Илюшка уловит. У детей память хорошая. Из случайно набранной информации Илюшкина голова выдавала готовую продукцию — Илюшкины мысли. Так Илюшка случайно узнал, что его, Илюшку, мама Света нагуляла, когда ездила отдыхать на море. Илюшка сразу же себе представил, как красивая мама Света гуляет по берегу моря и видит, как морская волна выбрасывает к ее ногам младенца — Илюшку. Мама Света хватает малыша на руки и увозит с собой в Москву. И вопрос об отце перед Илюшкой никогда не стоял. Раз его выбросила морская волна, значит, его отец — какой-нибудь морской царь, и он, Илюшка, настоящий царевич, но только об этом никто, кроме него, не знает.

Илюшка очень ждал того момента, когда он станет первоклассником. Он точно знал, о чем он спросит свою первую учительницу. Учителя ведь все-все знают. Илюшка подойдет к своей первой учительнице и спросит у нее:

— Скажите, а Мурманск — это где?

В Мурманск уехала Илюшкина непутевая мама. Илюшка случайно об этом узнал, когда бабушка Лена разговаривала с кем-то по телефону. Илюшке очень хотелось узнать, где же этот загадочный Мурманск и сколько до него ехать.

До первого сентября — еще целый год, но Илюшка терпеливый, ему не привыкать ждать. Он давно живет в режиме ожидания, что мама Света приедет домой, обнимет и обязательно поцелует его. От мамы всегда сладко пахнет, как от ванильной булочки. Они пойдут куда-нибудь вместе, и Илюшка всем, кого они дорогой встретят, будет говорить, что это его любимая мама Света.

Как Илюшка думал, так оно и произошло. Мама Света приехала в самом конце августа. Илюшка не отходил от нее ни на шаг. Они никак не могли наговориться друг с другом.

Мама Света устроилась на работу. Она сама отводила утром Илюшку в садик, а вечером сама забирала. Перед сном мама читала Илюшке разные сказки, а по выходным пекла вкусные оладушки. Счастье в Илюшкиной семье продержалось несколько месяцев.

Однажды ночью Илюшка проснулся от крика. Кричала Илюшкина бабушка Лена.

— Непутевая, куда ты снова летишь? Мало тебя жизнь била? Что ты веришь каждому встречному-поперечному? Устроилась на работу, и живи спокойно, расти сына.

Илюшка услышал, как бабушка заплакала и как хлопнула входная дверь. Больше всего ему хотелось в этот момент, чтобы это был сон.

По обрывкам случайных фраз Илюшка узнал, что его непутевая мама Света уехала в город Челябинск. До школы Илюшке осталось всего несколько месяцев. Когда Илюшка станет первоклассником, он обязательно спросит у своей первой учительницы:

— Скажите, а Челябинск — это где?

Чур, только не обижаться

Отношения у Вадима с сыном всегда были предельно честными, открытыми и по-мужски прямолинейными. Не должны мужчины, считал Вадим, бросать слов на ветер. Дал слово — держи. И сына своего единственного он воспитывал так же. Маленький Алеша с детства знал, что если папа что-нибудь пообещает, то он обязательно это обещание выполнит. Даже невозможное может стать возможным. Мама другая. Она наобещает Алеше с

три короба, чтобы только он проглотил лишнюю ложку каши или горькую таблетку, а потом почти всегда забывает про все свои обещания. Поэтому Алеша больше любил решать деловые вопросы с отцом. Если просьба у Алеши была совсем фантастическая, то отец честно говорил:

— Прости, сынок. Чур, только не обижаться, но это невозможно.

И Алеша сразу же понимал, что его просьба — из области фантастики, и успокаивался.

Из детского садика Алешу обычно забирал отец, чем Алеша всегда очень гордился. И в тот страшный день за Алешей в садик пришел папа. Ничего не предвещало беды. Весна. Разве весной может быть что-то плохое? Алеша помнит до сих пор, что в парке, через который они обычно шли с отцом домой, цвела сирень. Все деревья от цветов были синие-синие, как небо.

Отец присел на лавочку. Алеша пристроился рядом с ним.

— Я хочу сказать тебе, сынок, что-то очень важное. Чур, только не обижаться. Скажи мне, я хоть раз в жизни тебя обманывал?

— Нет, пап, никогда, — честно ответил Алеша. – И я тебя никогда не обманывал, пап.

— Вот и сейчас я сам хочу сказать тебе всю правду. Мы с мамой разводимся и будем жить отдельно. Такое между мужем и женой часто бывает. Я полюбил другую женщину, и мы уезжаем с ней очень далеко. В Москву. Я хочу,чтобы ты знал, что я всегда любил, люблю и буду любить тебя. Мы будем с тобой созваниваться, я буду присылать тебе подарки. Ты мне веришь?

— Верю, — ответил Алеша.

Если бы Алешин отец знал инструкцию по эксплуатации детского сердечка пятилетнего ребенка, он бы спрятал свою прямолинейную мужскую честность в самый-самый дальний карман и не стал бы нагружать маленького ребенка таким непомерным грузом совсем недетских проблем.

До самого дома Алеше не произнес ни одного слова. С этого страшного дня ему стал часто сниться один и тот же сон про уходящий поезд. Отец уезжает на поезде в Москву. Поезд уже тронулся. Отец стоит на подножке последнего вагона и кричит что есть мочи:

— Чур, только не обижаться! Чур, только не обижаться!

Мама с Алешей стоят на платформе и машут ему руками. Вдруг мама неожиданно срывается с места и бежит прямо по рельсам за уходящим поездом. Алеша бежит следом за ней. Сердце у него выскакивает из груди, он начинает отставать. Ему кажется, что мама сейчас догонит поезд и уедет вместе с отцом. Тогда Алеша останется совсем один. Алеша начинает во сне кричать и просыпается. Мамина теплая ладошка уже лежит на его голове.

— Тихо, сынок, тихо. Все хорошо. Я рядом. Спи, мой родной, спи.

— Нервный стресс, — сказал Алешиной маме врач после его осмотра. — И заикание по этой же причине.

Алеша стал сильно заикаться и говорить слова нараспев. Он даже сам не понимал, как это у него получается. Мама нашла очень хорошего логопеда, и целый год до школы Алеша заново учился правильно говорить.

Отец, как всегда, сдержал свое слово. Часто звонил, присылал дорогие московские подарки.

— Мам, — часто спрашивал Алеша, — а мой папа хороший?

— Хороший, сынок, — отвечала мама.

— А почему тогда он от нас уехал?

— Такое бывает. Вот вырастешь, и все поймешь.

— А можно я тебя спрошу?

— Спрашивай.

— Чур, только, не обижаться. Скажи, а ты меня, как папа, не бросишь?

— Нет, сынок, не брошу.

— Обещаешь?

— Обещаю, — отвечала Алеше его мама.

Алешина мама часто приходила в школу, где Алеша учился уже в девятом классе. Его фотография висела на доске почета, и маму это очень радовало.

Сегодня повод для посещения школы был не очень веселый. Алешина мама Лена ложилась в больницу на серьезную операцию. Она пришла предупредить классного руководителя, что Алеша поживет пока у ее сестры Татьяны, а это в шести километрах от их районного центра. Алешина мама хотела попросить учителей, чтобы они без нее за ним присматривали.

Операция прошла очень неудачно, Лена впала в кому, и сознание к ней больше не вернулось.

Родные и близкие очень долго искали фотографию Лены для траурной рамки и никак не могли найти ни одной подходящей. Лена на всех фотографиях улыбалась.

Сестра Лены Татьяна вызвала из Москвы Вадима. Он прилетел быстро и успел на похороны. Никто ничего вслух не говорил, но всем и так было понятно, что Вадим заберет сына после похорон в Москву. Как только его новая жена на это посмотрит? Ничего, думал про себя Вадим, пусть терпит. Своих ребятишек не родила, так пусть принимает моего. Дом большой, всем места хватит. При желании можно целый день друг с другом не встречаться.

А парня-то какого Лена вырастила — на удивление. Знакомые в Москве, думал про себя Вадим, обзавидуются.

— Собирай вещи, сынок, — сказал Вадим Алеше. – Полетим в Москву. Устрою тебя там в хорошую физико-математическую школу. Связи у меня есть. А потом и в Бауманский можно попробовать.

Самолеты улетали один за другим в строгой очередности согласно расписанию. Вадим с сыном ждали в аэропорту област-

ного города рейс на Москву. Вадим заново привыкал к роли отца уже пятнадцатилетнего сына, и роль эта ему нравилась. Между отцом и сыном, как тогда в детстве, быстро наладились доверительные отношения без всякой фальши. Объявили их рейс на Москву. Вадим с сыном поднялись.

— Пап, — сказал Алеша отцу, — чур, только не обижаться. Я не полечу с тобой в Москву. Я останусь здесь, у тети Тани. Тебя не было с нами целых десять лет. За это время у тебя сложился свой уклад жизни, без меня, а у меня свой, без тебя. За меня не волнуйся. Окончу школу, институт, получу профессию, и все у меня будет хорошо. Чур, только не обижаться, ладно?

Вадим улетел в Москву один.

Алеша вернулся к тете Тане. Он никогда и никому не рассказывал про свои сны с убегающим поездом. После последней встречи с отцом Алеше до самого конца жизни стали сниться улетающие самолеты.

А потом все пройдет

— Знакомься, это Катя. А это Максим, мой сын. Я тебе про него рассказывал.

Максим был одет во что попало. Первая оказавшаяся под рукой куртка, первые, ближе всего лежащие джинсы. Окинув его взглядом, отец поморщился, но вслух ничего не сказал. Недовольство отца Максима порадовало.

Отец заметно суетился, много и без всякого толка говорил, куда-то убегал, прибегал. Максим все время хотел сказать отцу: да сядь ты, наконец, отдышись. Не мельтеши перед глазами.

Отец ушел от Максима и его мамы полгода назад.

— Мы же цивилизованные люди, — сказал он тогда Максиму. — Будем встречаться, общаться. Ты мне не безразличен.

CAFE
PAPE

А вот в этом Максим, почему-то, очень сильно сомневался. Если бы это было именно так, то отец не ушел бы от них с мамой в другую семью. У женщины, к которой ушел отец Максима, была дочь, та самая Катя, которая сидит сейчас напротив Максима за столиком в кафе. Это была идея отца — познакомить Катю с Максимом.

— Представляете, — говорил отец с восторгом, — вы жеодного года рождения. Катя перешла в десятый класс, так же, как и ты, Максим.

— Ну и что тут такого замечательного? — спросил Максим. — Миллионы мальчиков и миллионы девочек в мире перешли в этом году в десятый класс, и я лично никакого восторга от этого не испытываю.

— Но у вас есть о чем поговорить, — не сдавался отец. — Про школу, про предметы там всякие, про учебники.

— Давай, Катя, поговорим с тобой про учебники, — Максим издевался. — Скажи мне, по какому учебнику химии вы занимаетесь?

— Я умоляю, — сказала Катя, — только не про химию.

— Знаешь, Максим, а Катя очень хорошо рисует. Она ходит в художественную студию, — сказал Максиму отец.

— Хочешь, — сказала Катя, — я нарисую твой портрет? Только для этого надо часа три посидеть на одном месте.

— Да нет, — ответил Максим, — не хочу.

— У Максима, — встрял в разговор отец, — особых талантов нет, но учится он хорошо.

Отец подскочил и куда-то опять убежал.

— Куда он все время бегает? — спросил Максим у Кати. — Не сидится ему на одном месте.

— Как же ты не понимаешь — это он специально оставляет нас вдвоем, чтобы мы пообщались один на один и немножко при-

выкли друг к другу. Странные эти взрослые. Все их хитрости шиты белыми нитками, а они, как дети, верят тому, что сами же и напридумывают... Ты думаешь, что мне вся эта затея со знакомством очень нравится? Я же вижу, что ты сидишь сейчас и тихо ненавидишь и меня, и своего отца, и весь мир. Я все это уже давно прошла. Мой собственный отец ушел от нас с мамой, когда я в третьем классе училась. Страшнее, чем те дни, я в своей жизни не помню. «Мы же цивилизованные люди, — сказал тогда мне мой отец. — Будем часто встречаться, я буду к тебе приезжать».

— Что-то я про этих самых цивилизованных людей один раз уже слышал, — сказал Максим.

— Отец стал брать меня к себе по субботам или по воскресеньям. Мороженым, конфетами и всякими подарками все старался откупиться. Я все его подарки в мусоропровод потом выбрасывала. Сейчас, став старше, я уже могу четко проанализировать, что же тогда со мною было. Да и все, я так думаю, проходят через это после предательства близкого человека — и взрослые, и дети. Путь у всех один, только длина этого пути у всех разная. Сначала захлестывает обида. Я плакала и день, и ночь. Потом тебя с головой накрывает черный колпак ненависти. Мне тогда хотелось крушить все и всех на своем пути. А потом... наступает самое страшное.

— Что? — с интересом спросил Максим.

— А потом обязательно притащится боль. Вот тут уж только держись хоть за воздух, а терпи. Иначе можно сойти с ума от болевого шока. Боль ведь приходит со своим орудием пыток, главное из которых — память.

— А что потом?

— А потом... все пройдет. А еще я поняла, что нельзя в этой жизни ни к кому сильно прилепляться. Даже к самым близким и родным людям.

— Почему?

— А потому, что если ты врос в родного человека всеми своими корнями, каждой клеточкой своей души, а этот родной человек тебя предает, то больнее будет отрываться, как говорят, «с мясом». Лучше всего жить параллельно, так спокойнее. Параллельные прямые, как ты знаешь, не пересекаются, а лишь иногда только соприкасаются по самым бытовым вопросам. Вот я и живу сейчас с мамой и ее мужем, твоим отцом, именно так, параллельно... У них — своя параллель, а у меня — своя. Все довольны, и все смеются...

Как раз подошел улыбающийся и, кажется, очень довольный развитием событий по его собственному сценарию, отец Максима.

— Пока, — сказал Максим, когда отец с Катей подвезли его почти до самого дома.

— Пока-пока, — ответила Катя.

— До следующей встречи, — сказал отец.

Держи карман шире, подумал Максим про себя, но вслух ничего не сказал. Другой встречи не будет. Мне и сегодняшней было вполне достаточно. Ненавижу, ненавижу, ненавижу... Сердце Максима билось в ритме ненависти к родному отцу, и ноги сами подстраивались под этот ритм.А ночью Максиму снились море и тот веселый доктор, к которому перепуганные родители принесли пятилетнего Максима, когда он порезал ногу об острую раковину. Максим свою рану не видел, но, глядя на сильно расстроенных родителей, сам испугался.

— Ничего особенного, — сказал тот веселый доктор, когда перебинтовывал ногу Максиму. — Немного поболит.

— А потом? — спросили хором родители Максима.

— А потом все пройдет.

Я буду называть тебя Зайчиком

Детей после развода разделили по половому признаку. Дочку оставили маме, а сына — папе. Пятилетняя Леночка осталась жить в Москве с мамой, а шестилетний Илюшка уехал в другой город с папой.

Поначалу Илюшка, который никогда и нигде не был дальше Подмосковья, воспринял свой переезд как удивительное путешествие. Вокзал, длинный-длинный поезд, два дня и две ночи на колесах, уйма впечатлений, калейдоскоп новых людей.

Когда они с отцом приехали в его родной город, оказалось, что у Илюшки очень много родственников — двоюродных, троюродных и каких-то там еще. Илюшка всех сразу и не запомнил. Илюшку теребили со всех сторон, целовали, тискали, чего он, кстати, никогда не любил. Он же не девочка. Такого количества внимания к своей маленькой персоне Илюшка не испытывал никогда.

— Нос и губы — в нашу породу, а вот глаза и волосы — не наши, — заявила одна из новых Илюшкиных родственниц.

Илюшка давно знал, что его васильковые глаза и пшеничные волосы — от мамы Любочки, но промолчал. Илюшкину маму никто тут ни разу по имени не назвал, все обходились коротким местоимением «она». Илюшка быстро понял, что «она» — это его любимая мама Любочка.

Родной город Илюшкиного папы явно уступал Москве как по высоте, так и по размерам. Дома были в основном одноэтажные, частные. Многоэтажки сиротливо стояли отдельным маленьким островком, и выше пяти этажей Илюшка домов здесь не видел. А в Москве их квартира была на двенадцатом этаже.

Жить Илюшка с папой стали у папиной мамы бабушки Веры. У бабушки Веры был большой деревянный дом в самом центре города. Рядом с домом у нее был сад, огород, прямо по огороду

ходили куры, гордый петух, а еще Илюшка видел трех кошек и собаку. На задворках паслась бабушкина коза Розочка.

Дни Илюшкиной жизни побежали наперегонки, как угорелые. Илюшке казалось, что он вот только-только с отцом приехал, а уже прошмыгнул целый месяц. Отец устроился на завод, а Илюшку стали потихоньку собирать в школу. Читать и писать он умел давно. Его в московском садике даже прозвали профессором. Воспитательница давала Илюшке книгу, все ребята садились на стульчики вокруг него, и он выразительно, почти без запинок читал.

Однажды отец привел к ним домой красивую молодую женщину.

— Это тетя Оля, — сказал он Илюшке. — Мы вместе работаем.

— Ой, какой симпатичный мальчик, — сказала тетя Оля. — Я буду называть тебя Зайчиком, — добавила она и чмокнула Илюшку в щечку.

Сели пить чай с бабушкиными плюшками.

— А я никогда-никогда в Москве не была, — сказала тетя Оля. — И даже не представляю себе, какая она, эта Москва? Расскажи мне, Зайчик, про Москву, — попросила тетя Оля Илюшку.

Чаевничали долго. Бабушка Вера несколько раз грела чайник. Илюшка даже стал клевать носом. Отец проводил тетю Олю и быстро вернулся. Илюшка уже спал. Ему снилась мама Любочка. Мама всегда называла Илюшку Солнышком. В Илюшкином сне мама Любочка гладила его по голове и приговаривала:

— Ничего, Солнышко, потерпи немножко, и я к тебе приеду. Всего какие-то два дня и две ночи, если на поезде, а на самолете еще быстрее...

В Москве в это время был ранний вечер. Другой часовой пояс.

К Илюшкиной маме Любочке пришли гости.

— Хватит тебе одной куковать, — говорили ей все подруги и родные. — Без крепкого мужского плеча поднимать одной ре-

бенка очень трудно. Ты еще молодая, красивая, устраивай свою личную жизнь.

Подруга привела к Любочке одинокого мужчину. Дядя Слава был постарше Любочки лет на десять.

— Ну и что? — говорила подруга Любочке. — Зато надежный. Не пьет, не курит, работает водителем, разведен, детей нет. Что еще надо? И налево, уж точно, ходить не будет.

— Ой, какая симпатичная девочка, — сказал дядя Слава и погладил Леночку по ее русой голове. — Я буду называть тебя Зайчиком.

Долго пили чай с тульскими пряниками. Леночка задремала под тихую музыку разговоров взрослых людей. Мама увела ее в другую комнату и уложила спать. Леночке снился в эту ночь ее родной папа. Он всегда называл Леночку Солнышком.

Я открою дверь своим ключом

Зима еще только собирала свои чемоданы где-то на Южном полюсе, а в небольшом городке на средней Волге сразу похолодало. Ноябрь.

В середине этого предзимнего месяца пожилая семейная пара Мария Ивановна и Николай Степанович праздновали день рождения. Они родились в один день и в один год и вот уже почти сорок лет отмечают свой день рождения вместе.

Гости пришли из детского садика, в котором Мария Ивановна проработала много лет воспитательницей, и с печатной фабрики, на которой Николай Степанович проработал всю свою жизнь.

— Посмотрите на именинников, — говорили гости за праздничным столом. —Какая же это счастливая семейная пара. Почти сорок лет вместе. Рука об руку. Через все трудности и преграды

они пронесли по жизни любовь и уважение друг к другу. Вырастили троих замечательных детей. Нам всем надо брать с них пример. Учиться у них любви, терпению и доброте.

Гости расходились поздно вечером. Когда немного уставшие от суеты и гостей хозяева остались одни, раздался телефонный звонок из Москвы.

— Мама, папа, поздравляю вас с днем рождения. Я уже почти выезжаю. Точно еще только не знаю, каким поездом, но я уже на вокзале. Приеду скорее всего ночью, так что вы спокойно ложитесь спать и не стойте у окна всю ночь. Я открою дверь своим ключом, — кричал в телефонную трубку младший сын Марии Ивановны и Николая Степановича Костик.

Приволжский городок, в котором жили Мария Ивановна и Николай Степанович, располагался рядом с большой железной дорогой, по которой поезда из Москвы шли через каждые двадцать минут.

Костик учился в Москве в текстильном институте на инженера. Старшая дочь Рита жила с мужем и сыном в Финляндии, а средняя дочь Женя, как и Костик, — в Москве. Приезжали дочери к родителям крайне редко, и вся надежда у стариков была на младшего сына. Именно рядом с ним они собирались доживать свою жизнь.

Рита уже купила два билета на самолет до Москвы для себя и для сына, когда неожиданно и очень сильно заболел ее муж Дирк. Рита давно поняла, что судьба мстит ей за предательство Родины. Уехала в чужую страну, вот и живи тут в своей золотой клетке и не рыпайся. Это повторяется уже много лет. Как только Рита собирается домой в Россию, сразу кто-нибудь из родных заболевает или случается что-нибудь совершенно невероятное, что, как шлагбаум, закрывает Рите дорогу домой. Рита иногда завидует перелетным птицам...

Измученный высокой температурой Ритин муж наконец-то уснул. Рита подошла к окну. Надо обязательно позвонить завтра

родителям и поздравить их с днем рождения, подумала Рита. Она прижалась лбом к холодному оконному стеклу. К ней вдруг пришло четкое ощущение того, что никогда, никогда она не полюбит эту богатую и холодную, как Снежная королева, страну, и Рита заплакала.

У Жени что-то случилось с телефоном. Она весь вечер накручивала диск телефонного аппарата, чтобы дозвониться до родителей, но у нее ничего не получалось. Телефонный аппарат все время отплевывался короткими гудками. Женя хотела поздравить родителей с днем рождения и сказать им, что она никак не сможет к ним приехать. Загрузка на работе колоссальная. Молодые на пятки наступают, надо держаться за свое место двумя руками. Женя даже в отпуске не была уже лет десять. Жалко, конечно, стариков, но что делать? Кто ее, Женю, будет кормить, если она потеряет такое хорошее место? Первый муж ушел от Жени к другой, а от второго мужа Женя ушла сама. Старикам она подробности не рассказывала. Зачем их волновать? Все у нее хорошо. А все на самом деле хорошо. Миллионы женщин живут одни и не жалуются. Женя закурила и подошла к окну. С ее девятнадцатого этажа Москва была как на ладони. На востоке просыпалось ноябрьское красное-красное солнце.

— Наверное, — подумала Женя, — сегодня будет очень холодно.

Рука потянулась за второй сигаретой.

— Позвоню родителям завтра и поздравлю их, — решила Женя. — Самое главное, что все живы.

Костик ехал в скором поезде в противоположную от дома сторону. На вокзале он случайно встретился со знакомыми ребятами, которые уезжали на несколько дней на экскурсию в Санкт-Петербург. Ребята позвали Костика с собой. Костик согласился, решив для себя, что родителям он перезвонит утром, чтобы они не волновались.

Молодой организм взял свое, и Костик уснул в сильно трясущемся поезде очень быстро. Во сне он улыбался. Костику снилось детство.

— Покажи, Костенька, — просила мама маленького Костю, — как ты любишь свою маму и своего папу.

И маленький Костик растягивал во все стороны свои ручки, показывая, как сильно он любит своих родителей, и улыбался им беззубым ртом.

Мария Ивановна и Николай Степанович простояли у окна всю ночь. Небо на востоке постепенно светлело. Зарождался новый день.

— Ничего-ничего, Маша, — успокаивал Николай Степанович расстроенную жену, — главное, чтобы все были живы.

Самое красивое на земле — небо

Самое красивое на земле — небо

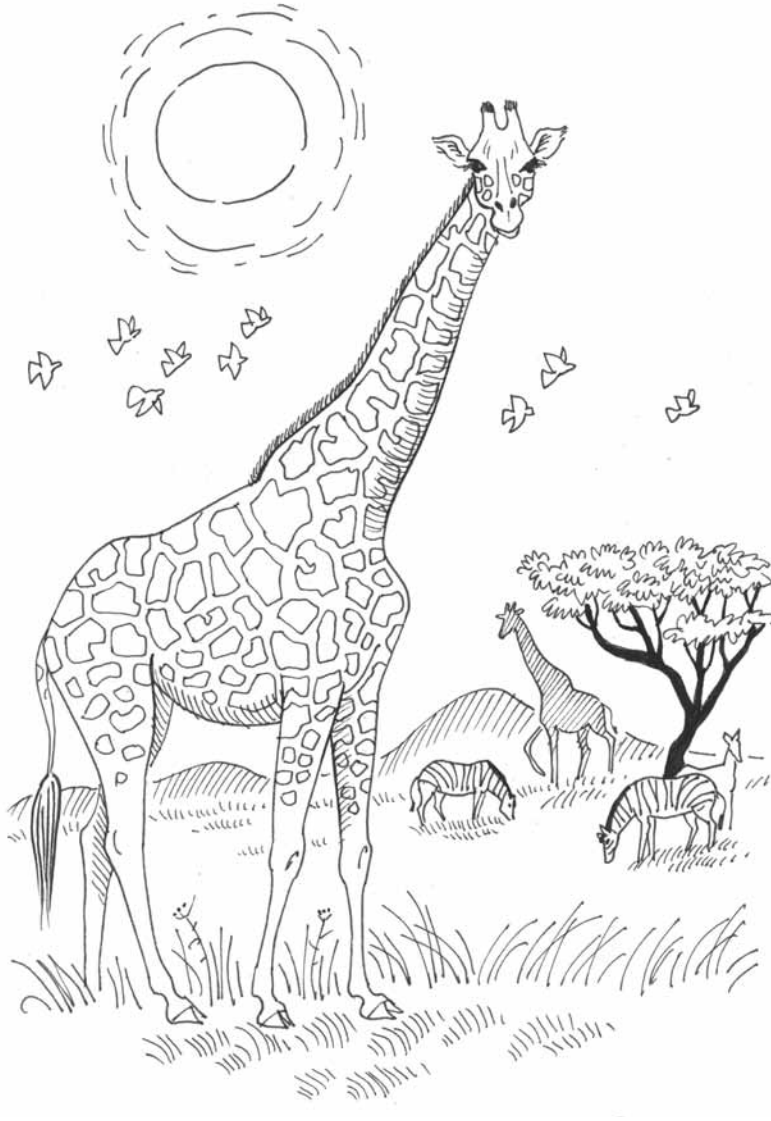
Сашка и Ленька были в детском доме долгожителями. Чужие дяди и тети часто приходили в детский дом, чтобы выбрать себе сына или дочку, но в Ленькину и Сашкину сторону они даже не смотрели.

Сашка — сын потомственных алкоголиков, лишенных родительских прав. У него врожденный вывих тазобедренного сустава, отсюда —неправильная походка и самая толстая во всем детском доме медицинская карта, в которую врачи все записывали и записывали новые Сашкины хронические заболевания. Очень больной ребенок Сашка чужим дядям и тетям был совсем не нужен.

Леонардо, или просто Ленька, был идеально здоровым ребенком. Его медицинская карта была самая худенькая во всем детском доме. Ленька никогда и ничем не болел за все свои восемь лет жизни. Но, несмотря на это, здоровый мальчик Ленька не годился чужим дядям и тетям в сыновья из-за своего внешнего вида. Ленька был чернокожим ребенком. Он родился от студенческой любви девушки из Липецка и африканского юноши. Африканские гены оказались доминантными, и ребенок родился с черным цветом кожи, и лишь глаза у Леньки были мамины, цвета спелого винограда.

Сашка и Ленька совсем не умели завидовать, а только радовались за очередного усыновленного мальчика или очередную удочеренную девочку, которых новые родители уводили за ручку в другую жизнь, где они уже будут не просто мальчики и девочки, а сыночки и дочки, со всеми вытекающими из этих слов радостями жизни.

А Сашка с Ленькой находили много радостей и в своем казенном доме. У них не было особенного желания к перемене места жительства, пока они случайно, в рамках «окультуривания», как всегда выражается заведующая детским домом Светлана Михайловна, не посмотрели передачу «Клуб кинопутешествен-



ников» об одном африканском племени из экваториальной Африки. Люди из этого племени были копией Леньки, его родными братьями и сестрами, тетями и дядями. Все они много улыбались, много танцевали и ели что-то непонятное.Оказывается, у Леньки — тьма родственников, а он и не знал. Мальчишки достали географический атлас для шестого класса и целую неделю изучали африканский континент до мельчайших подробностей. Мальчишкам представлялось, что на каждом сантиметре этого большого материка живут Ленькины родственники, которым, конечно, будет очень нужен их маленький мальчик Ленька.

— Поедешь со мной? — спросил Ленька у своего друга.

Сашка даже не спрашивал, куда, и так было понятно.

— Поеду, — ответил он, не задумываясь.

Недалеко от детского дома был ресторан, который его хозяева назвали коротким и всем понятным словом «Рай». Мальчишки встали у входа в ресторан с протянутой рукой, вернее, с протянутой Ленькиной панамкой. Им сразу же крупно повезло. В ресторан в этот день в очень хорошем настроении приехал бандюга Хрипатый.

— Вы чего тут, салаги? — спросил он у мальчишек.

— Нам деньги очень нужны,— честно ответил Ленька.

— Чтобы до Африки доехать, — уточнил Сашка.

Врать они не умели.

— Нам только на дорогу в один конец, — добавил Ленька.

Хрипатый бросил им такую тяжелую пачку долларов, что Ленька от неожиданности чуть не выронил из рук свою сильно беременную деньгами панамку. Хрипатый не знал, что сегодня он совершил единственный в своей бандитской жизни добрый поступок...

На Савеловском вокзале до электрички в Шереметьево еще было время, и мальчишки присели на лавочку отдохнуть перед дальней дорогой.

— Подайте детям на кусочек хлеба.

По вокзалу ходила женщина с кучей малых детей. Одного она держала на руках, двое уцепились за ее юбку, а несколько детей постарше шли позади.

Ленька и Сашка были детьми сердобольными и тут же достали заветную панамку и отдали женщине несколько сотен долларов Хрипатого.

— Мы никак не можем отдать вам все свои деньги, — оправдывался Сашка. — Нам еще до Африки надо доехать.

Через несколько минут к мальчишкам подсел молодой парень в фирменном спортивном костюме фирмы «Адидас».

— Вам до Африки? — тихо спросил он у Сашки с Ленькой.

— Да, — хором ответили мальчишки.

— Могу подсобить. Я знаю тут одно место, откуда летают частные самолеты прямо до Африки.

Мальчишки ахнули. Им сегодня целый день сказочно везло.

— Но это стоит дорого. Сами понимаете, — добавил парень в спортивном костюме, настороженно озираясь по сторонам.

— Понимаем, — сказал Ленька и достал заветную панамку. – Этого хватит?

Ехали долго. Дорогой парень был молчалив. Давно закончились населенные пункты, пошли поля со спелой пшеницей и кукурузой. Подъехали к лесу.

— Дальше уж сами доберетесь, — сказал парень. — Тут одна прямая дорога через лес. Не заблудитесь.

— Спасибо, — сказали мальчишки.

Они были хорошо воспитаны.

— Я уже позвонил. Вас там ждут, — добавил парень, пряча глаза.

Он взял деньги и быстро уехал.

Ленька и Сашка ступили на лесную дорогу, окрыленные такой невероятной удачей! Они уже представляли себе самолет с запущенным двигателем, который ждет их в конце этой лесной дороги. Самолет довезет их прямо до Африки. Ленька от нетерпения готов был бежать бегом, но сильно хромающий Сашка тормозил его порыв, и Ленька накручивал лишние круги вокруг ковыляющего Сашки, чтобы сбросить избыток энергии.

Через пару часов Сашка запросил отдыха. Так много он еще никогда не ходил. Присели, а потом и прилегли на обочине лесной дороги и стали смотреть на кусочек неба в орнаменте лесных деревьев. Закатное солнце, как самый талантливый в мире художник, небрежно плескало краски на белые облака, и получались шедевры неземной красоты.

— Самое красивое на земле — небо, — сказал Сашка, подложив под голову руку.

От эмоциональной и физической нагрузки мальчишки уснули мгновенно, наперегонки. За ними долго наблюдали глаза старой волчицы. Странные эти люди, думала волчица, отпускают своих детенышей одних. Волчица была старожилом этих мест и лучше других знала, что по этой дороге почти никто и никогда не ходит, а впереди на многие сотни километров — глухой и черный лес.

Небо незаметно переоделось в свой ночной звездный наряд, и ночь запела свою убаюкивающую песню. Под ночную колыбельную первыми засыпают старые и малые, а потом и все остальные.

Мальчишкам снились пальмы, Хрипатому – бегемоты, парню в фирменном спортивном костюме – крокодилы, а бывшей студентке из Липецка, девушке с виноградными Ленькиными глазами — длинношеии, вечно что-то жующие жирафы. Одним словом, Африка.

На крошечном лоскутке ночного неба над Сашкой и Ленькой одинокий самолет таранил звезды, но это у него плохо полу-

чалось. С земли людям кажется, что самолет где-то очень высоко, почти рядом со звездами. По человеческим меркам, может, это и правда, высоко. Но летчику лучше других известно, что его самолету до неба еще ой как далеко. Как Сашке и Леньке до Африки.

Будем считать — ничья

Данилка не спал перед исповедью всю ночь. Он был уверен, что батюшка ни за что не отпустит ему грех и к Святой Чаше его не допустят. А ведь завтра большой праздник — Преображение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа или, как в народе говорят, Яблочный Спас. Как молния, прилетела в голову мысль, что можно избежать исповеди и позора, если совсем завтра в храм не ходить. Данилка ухватился за эту вовремя подсказанную кем-то мысль двумя руками, и ему стало намного легче. Нужно только придумать причину, почему он не пойдет в храм на такой большой праздник. Причина должна быть очень серьезной. В семье не принято пропускать праздничные и воскресные службы. Надо заболеть, подумал Данилка и прислушался к своему семилетнему организму. Ныла коленка, которую он разбил, когда упал с велосипеда, но намного больше коленки очень болело где-то прямо в центре грудной клетки. Данилка был почти уверен, что это болит его больная совесть.

Данилке было стыдно. Так стыдно, что он готов был заплакать. Сам себя Данилка никак за свой грех не прощал, а надеялся только на чудо милосердия Божия ко всем грешникам.

Данилка боялся признаться батюшке в страшном грехе жадности. Родители купили ему на день рождения гоночный велосипед с шипованными колесами, с переключателем скоростей, с настоящими фарами. Данилкины друзья открыли рты, когда увидели это двухколесное чудо. Никто, кроме лучшего Данил-

киного друга Илюши, даже и не посмел попросить покататься, а любовались на велосипед со стороны. Рискнул один Илюша, уверенный в настоящей дружбе с Данилкой.

— Даня, дай мне чуточку прокатиться, — попросил Илюша.

Данилка, который никогда и ничего не жалел для своего лучшего друга, вдруг неожиданно для самого себя почувствовал протест в каждой клеточке своего организма.

— А вдруг ты упадешь, — сказал Данилка, — и что-нибудь в велосипеде сломаешь.

— Не упаду, — ответил Илюша. — Я хорошо катаюсь.

— Это же гоночный велосипед, а ты на таких еще никогда не ездил, — сопротивлялся Данилка.

Ему очень не хотелось, чтобы чьи-то чужие руки дотрагивались до его двухколесного друга. Даже руки Илюшки.

И тут произошло то, чего Данилка никак не ожидал: Илюшка разрыдался. Рыдания волнами накатывали на него откуда-то изнутри с небольшими перерывами. Данилка так растерялся, что свалился со своего красавца-велосипеда и разбил левую коленку до крови.

Данилка слышал, как в комнате у родителей прозвенел будильник. Началось тихое движение по квартире. Скоро придут и его будить, чтобы собирался на праздничную службу в храм, но Данилка этого уже не боялся. Он решил, что скажет родителям, что плохо себя чувствует и что у него очень болит... сердце. И это будет почти правда. Ведь сердце, как и совесть, где-то там, в грудной клетке.

— Данилка, вставай, собирайся, — в комнату заглянула мама.

— Мам, — сказал Данилка, — я, кажется, заболел.

Мама всполошилась. Зашел уже собранный отец.

— Что же делать? — спросила мама.

— Вы идите, — сказал Данилка, — что же вы будете такой

праздник из-за меня пропускать? А я один полежу, а потом все пройдет.

Мама принесла коробку с лекарствами, папа пошел за градусником.

Данилка лежал и смотрел на обои. Рисунок на них вдруг показался Данилке похожим на ангела с опущенными крылышками. Ангел плакал. А раньше Данилка видел на этих обоях только цветочки.

Данилка подскочил.

— Мама, мама, простите меня, — крикнул он. — Я вас обманул. У меня совсем ничего не болит. Я просто не хотел идти на исповедь.

Батюшка выслушал Данилку очень-очень внимательно.

— Когда человек грешит, делает что-то очень плохое, — сказал батюшка, — ангел-хранитель всегда плачет. Ты хотел обмануть своих родителей, вот твой ангел-хранитель и заплакал. Очень хорошо, что ты нашел в себе силы и честно во всем признался. Грех лжи ты победил, а вот грех жадности победил тебя. Будем считать — ничья, — сказал батюшка. — А вот представь себе: землетрясение, наводнение, потоп, какая-то страшная беда, катастрофа. Кого ты будешь спасать в первую очередь: своего друга Илюшу или гоночный велосипед?

— Конечно, Илюшу, — мгновенно ответил Данилка.

После исповеди, после причастия Данилка пошел в гости к своему лучшему другу Илюше. Родители передали для Илюши освященные в храме яблоки, а Данилка вез другу свой велосипед. Он, с разрешения родителей, решил отдать свой гоночный велосипед Илюшке навсегда.

Перед выходом из дома Данилка бросил взгляд на обои в своей комнате. Лепестки нарисованных на обоях цветов были похожи на распахнутые крылья летящих ангелов.

Далее — со всеми остановками

Ванечка очень не любил, когда бабушка начинала говорить о своей смерти. Он и представить себе не мог, что настанет такое время, когда его любимой бабушки Вали не будет на свете.

— Поезд моей жизни вышел на финишную прямую, — часто говорила ему бабушка, — и идет сейчас без остановок к своей последней станции с коротким названием «Смерть». Хватит, и так пожила, слава Богу, на белом свете.

— А мой поезд тоже идет к этой последней станции? — спросил как-то Ванечка у своей бабушки.

Бабушка сразу испугалась, сделала круглые глаза и сказала:

— Тебе до твоей конечной станции еще очень далеко. Ты еще маленький, и твой поезд идет пока со всеми положенными ему остановками.

— Какими? — спрашивал Ванечка у бабушки.

— Школа, институт, работа, семья, дети, внуки, правнуки, — старательно перечисляла бабушка.

Ванечка представил себе конечную станцию жизни всех людей как тупик, где кончаются рельсы, и поезд дальше не идет, просьба освободить вагоны, как говорят иногда в метро. Грустные люди выходят из поездов своей жизни и... А вот тут фантазия Ванечки заходила в тупик, и он никак не мог себе представить, что же делать этим несчастным людям дальше. Куда им теперь идти?

Ванечка точно знал, что есть один человек на земле, который знает все и сможет ответить на его вопрос. Это батюшка Димитрий, настоятель Троицкого храма, куда Ванечка с бабушкой Валей ходят каждое воскресенье и на все православные праздники. Но батюшка все время очень занят. На исповеди Ванечка не решался задать свой вопрос, потому что к батюшке всегда очень большая очередь людей, а после службы у батюшки пол-

но других важных дел, и ему не до Ванечки и его вопросов.

Однажды, когда баба Валя стояла в очереди за святой водой, Ванечка зашел в часовенку Серафима Саровского, где в чугунке всегда лежат вкусные сухарики. Следом за Ванечкой в часовенку вошел отец Димитрий.

— Ну что, отрок Иоанн, вкусные сухарики у батюшки Серафима? — спросил отец Димитрий у Ванечки.

— Очень вкусные, —ответил Ваня.

— Вот и я их очень люблю, а особенно во время поста, — отец Димитрий почерпнул себе целую ладошку сухарей.

Ванечка подумал, что самое время задать отцу Димитрию свой вопрос, который его так долго мучает, и, набрав в легкие побольше воздуха, он спросил батюшку на одном дыхании:

— Батюшка, а скажите, что бывает с теми людьми дальше, когда они доедут до самой последней станции своей жизни?

— Ты имеешь в виду, когда человек умирает?

— Да.

— Смерть — это вовсе не тупик, — ответил батюшка, — не отстойник для гробов. Смерть — это рождение в новую жизнь. Тебе странно это слышать, но если мы не умрем, то и не родимся для новой жизни. Вот, представь себе пшеничное зерно. Оно лежит и лежит себе годами в мешке или в коробке и никогда не прорастет. А стоит только его бросить в землю, оно тут же пустит корни, появятся побег с листьями, а потом — цветы и плоды. А само зерно в земле умрет. Пока оно не умрет, оно не прорастет. Так и человек, умирая, прорастает в другой жизни — в Царстве Небесном.

— А какая она, эта новая жизнь, в Царстве Небесном? — с интересом спросил Ванечка.

— У всех по-разному. Это зависит от того, какое богатство человек накопил на земле. Это не золото, не серебро, не бриллианты и даже не счета в швейцарских банках. Ничего этого в Царство

Небесное взять невозможно. Мы голыми приходим в этот мир и голыми уйдем. Исключение составляют только наши грехи или добродетели. Грешным и злым людям — прямая дорога в ад, а добрым и щедрым на добро — в рай. В раю такая благодать, что человеку и представить трудно, а в аду — страшный червь неусыпающий будет вечно мучить всех нераскаявшихся грешников.

Ванечка поежился. Червяков он боялся.

— Живи по правде. Люби Бога и людей. Твори добро и ничего не бойся. Господь любит праведников, — батюшка погладил Ванечку по голове. — Вот так-то, отрок Иоанн, — добавил батюшка и пошел по своим делам.

Из разговора с батюшкой Ванечка понял, что Царство Небесное надо заслужить своими добрыми делами. Но как он ни старался, никак не мог вспомнить ни одного своего доброго дела за все последнее время. В голову лезли лишь одни грехи, проказы и непослушания. Вот и сейчас в часовенке батюшки Серафима Ванечка взял из чугунного горшочка несколько горстей сухариков, рассовал их по карманам, а несколько штук по неосторожности упало на пол. Ванечка это прекрасно видел, но поднимать поленился. После разговора с батюшкой Ванечка присел на колени и тщательно собрал с пола все до одного сухарика.

Ночью прошел сильный снегопад, и всю площадь у храма занесло сугробами. Снег начали расчищать до службы, но оставалось еще очень много работы. У стены храма для всех желающих помочь стояли лопаты для чистки снега. Бабушка Валя задерживалась, и Ванечка взял одну лопату и, выбрав себе участок, стал старательно расчищать снег.

Бабушка и их соседка тетя Клава вышли из храма с пятилитровыми канистрами святой воды, которые заметно перевешивали старушек и наклоняли их на один бок: бабу Валю налево, а тетю Клаву направо. Ванечка взял у них канистры в обе руки для равновесия, и они пошли домой. Ванечка с канистрами — впереди, а старушки семенили за ним, крепко держась друг за

друга. У ворот храма сделали передышку. К ним сразу же подошел нищий, и Ванечка отдал ему все деньги, которые вытряс из своих карманов. Не очень много, но больше у него не было.

Дома, пока мама готовила обед, Ванечка погулял с младшей сестренкой. Слепил ей снеговика-папу, снеговичку-маму и снеговичонка, их ребенка. Потом сбегал в магазин за хлебом. На обратном пути спас котенка. Бездомные собаки загнали беднягу на дерево, и он боялся спускаться на землю. Потом он вынес мусорное ведро, помог отцу починить дверцу у шкафа. Вечером почитал сестренке сказку, сделал все уроки на понедельник, и очередной воскресный день незаметно подошел к концу.

Вечером, когда Ванечка уже лег спать, он с грустью подумал о том, что навряд ли он попадет в Царство Небесное. Вот прошел целый день его жизни, а Ванечка ну никак не мог вспомнить ни одного своего доброго дела.

Заснул он очень быстро. Ему снилось что-топрекрасное. Наверное, это был рай.

Подарок Младенцу Христу

Наступил Рождественский пост. Второкласснику Алеше отец пообещал, что возьмет его на ночную Рождественскую службу в храм. Алеша еще ни разу в жизни не был на ночной службе.

Из детской Библии Алеша знал, что, когда родился Младенец Христос, к Нему пришли из далеких стран мудрецы и принесли в подарок золото, ладан и смирну.

Нехорошо идти на День Рождения к Господу с пустыми руками, подумал Алеша и решил сделать для Младенца Христа подарок своими руками. Несколько дней Алеша старательно лепил пластилинового ангела. Ангел получился у Алеши очень красивый. Особенно удались мальчику золотые крылья из пластилина

желтого цвета. Казалось, еще мгновение, и пластилиновый ангел полетит...

Рождество Христово приближалось с каждым новым днем декабря.

Однажды, почти перед самыми зимними каникулами, Алеша пришел из школы домой и ахнул от ужаса. Вместо красивого ангела, которого Алеша хотел отнести в храм Младенцу Христу, Алеша обнаружил бесформенную массу разноцветного пластилина. Мама не уследила, и Алешин младший братик Матвейка добрался до пластилинового ангела и сломал его. Красивый ангел с желтыми крыльями превратился в руках маленького Матвейки в бесформенный пластилин. Алеша кричал и плакал одновременно. Он припомнил своему младшему братику все. И то, как он порвал ему страницу в учебнике русского языка, и то, как он разрисовал Алешину тетрадь с домашним заданием, и много чего другого.

— Он маленький, — пыталась защитить Матвейку мама.

— Маленький, да удаленький,— кричал Алеша сквозь слезы.

Слово «удаленький» ему вовремя кто-то подсказал прямо в левое ухо.

— Прости, Алеша, Матвейку, — просила мама. — Ему всего два годика. Мы с тобой завтра возьмем другой пластилин и сделаем другого ангела. Еще лучше старого.

Алеша Матвейку не простил, и другой ангел ему был совсем не нужен. Алеша не стал ужинать, лег спать и долго еще тихо всхлипывал в своей кровати.

— Хоть бы этого Матвейки совсем на свете не было, — подумал Алеша перед тем, как заснуть, или это ему опять кто-то подсказал прямо в левое ухо.

Ночью Алеше снился сон. Он, как всегда, пришел из школы домой и его, как всегда, встречает у дверей мама и говорит грустным голосом:

— Твое желание, Алеша, исполнилось. Матвейки нет и никогда уже больше не будет. Вот это его игрушки, это его одежда, это его кроватка. А его самого никогда-никогда с нами уже не будет, и он больше не будет тебе мешать.

Алеше стало так страшно от маминых слов, что он даже не спросил у нее о том, а где же Матвейка, и проснулся.

В большой комнате горел свет.

— У Матвейки — сильный жар, высокая температура, — сказала мама. — Сейчас приедет «скорая помощь».

Матвейка лежал в своей кроватке такой маленький, такой беззащитный, что у Алеши чуть сердце из груди не выпрыгнуло от жалости к младшему брату. Алеша осторожно погладил Матвейку по голове. Лобик у малыша был очень горячий.

— Твое желание исполнилось, — шепнул кто-то Алеше в левое ухо. — «Скорая помощь» увезет Матвейку, и его никогда больше не будет.

— Матвейка, ты только не умирай, — сказал Алеша своему младшему братику и расплакался. —Я очень тебя люблю. Ты только не умирай.

Алеша плакал около кроватки брата и думал о том, что он встанет в дверях и не даст увезти Матвейку навсегда.

Врач со «скорой помощи» сделал Матвейке укол и сказал, что надо подождать до утра. Алеша, мама и папа всю ночь просидели у Матвейкиной кроватки, как часовые, ни на минуту не смыкая глаз. Утром Матвейка пошел на поправку, и в больницу его не забрали. С тех пор Алеша полюбил своего младшего братика Матвейку по-настоящему. Они стали неразлучными. Куда Алеша — туда и Матвейка, куда Матвейка — туда и Алеша.

И вот, наконец, наступила долгожданная Рождественская ночь. В храме было так много людей, что Алеша даже испугался, что им с отцом не хватит места. Но все чудесным образом поместились. Алеша оказался недалеко от вертепа. Он стоял и думал о

том, как же Младенец Христос на праздничной иконе похож на его младшего братика Матвейку.

У Алеши не было для Младенца Христа ни золота, ни ладана, ни смирны. У Алеши не было даже его пластилинового ангела с желтыми крыльями. Зато в его сердце была искренняя, неподдельная, настоящая любовь к Младенцу Христу, к младшему братику Матвейке, к маме с папой и ко всем людям на земле. А любовь, как известно, дороже золота.

Батюшка Димитрий первым запел праздничный Рождественский тропарь: « Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия мирови свет разума, в нем бо звездам служащии звездою учахуся Тебе кланятися, Солнцу правды, и Тебе ведети с высоты Востока. Господи, слава Тебе!».

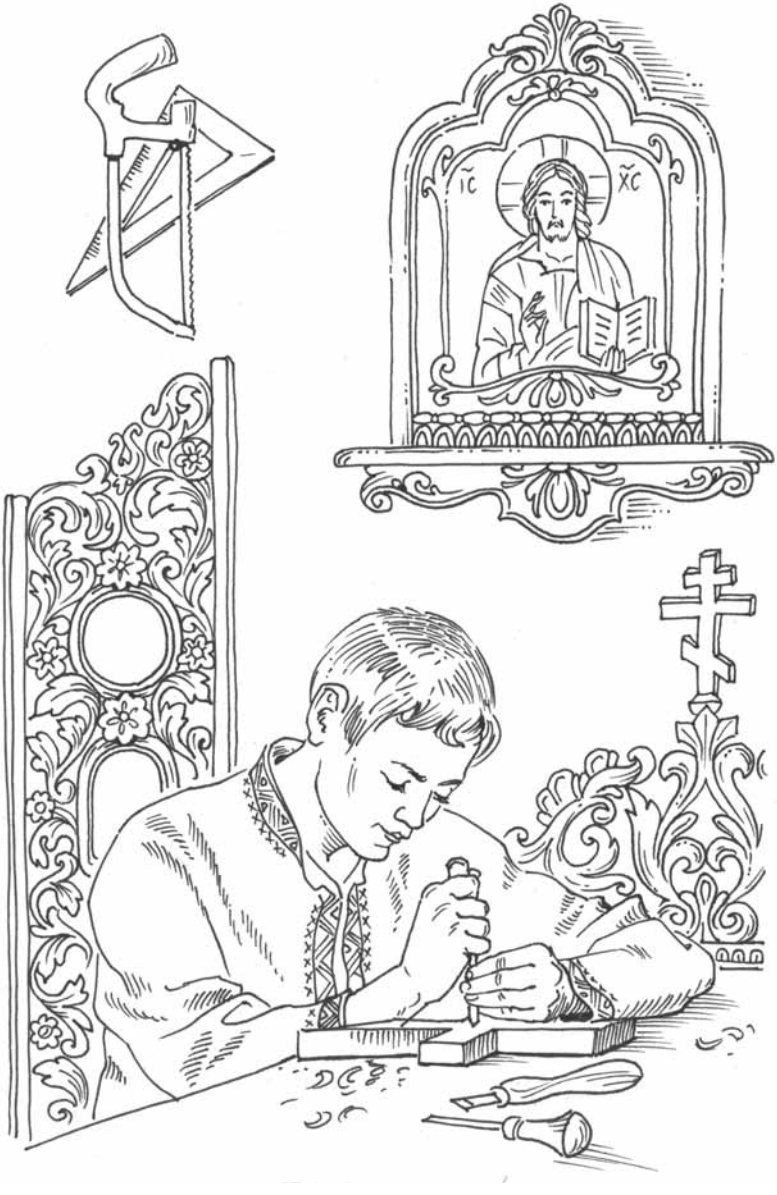
Следом за батюшкой праздничный тропарь подхватили церковный хор и все прихожане храма.

Алеше вдруг показалось, что Младенец Христос на праздничной иконе улыбается, и Алеша, стараясь перекричать стоящих рядом с ним людей, запел во всю силу своего молодого, звонкого голоса: «Рождество Твое, Христе Боже наш...».

А маленький Матвейка и другие такие же младенцы, как и он, в это время крепко спали. Потому что колыбельную песню в Рождественскую ночь для всех младенцев на земле всегда поют настоящие ангелы.

И я тоже твой, Господи

Четкое ощущение своей ненужности собственным родителям запомнилось Славке еще с детского сада, когда его очень занятые молодые родители оставляли маленького Славку в круглосуточной группе и даже в пятницу умудрялись забирать его самым последним. Такой же бедолагой была девочка Леночка, которая свою заброшенность тихо выплакивала, забившись в


IC
XC

самый дальний уголок в раздевалке. Но и бедную Леночку забирали на пять минут раньше Славки. Славка не плакал, потому что нечеловеческим усилием воли перекрывал все выводные протоки слезных желез и делал вид, что ему совсем не больно. Он даже заставлял себя не смотреть в окно и на входную дверь, но это у него плохо получалось. При виде родителей его пятилетнее сердечко проваливалось от счастья куда-то в живот.

Подростковый возраст Славки совпал с диссертацией, которую писал папа. Мама ему помогала, и Славку, чтобы он не болтался под ногами, сплавили на все три летних месяца в пионерский лагерь, где он очень быстро узнал всю изнанку жизни и окунулся в нее с головой. Загруженные работой родители приезжали к Славке в пионерский лагерь крайне редко, и он стал замечать, что от этого ему уже почти совсем не больно.

Славкины ровесники и друзья по пионерскому лагерю поголовно болели книгами и фильмами про всяких монстров, вампиров, чудовищ. По вечерам мальчишки выключали в палате свет и рассказывали друг другу в полной темноте одну страшную историю за другой. У Славки замирало сердце, холодела кровь, волосы становились от страха дыбом. Он стал очень плохо спать и вздрагивать во сне.

В Москву Славка вернулся через три месяца совсем другим человеком, а родители этого не заметили. Их удивило лишь то, что сын не выключает ночью свет в своей комнате.

Монстры пришли к Славке уже в его первую московскую ночь. Славка вовремя услышал их шаги и успел включить свет. Было слышно, как когти монстра царапнули дверь. Славка понял, что свет — это его защита. Но всего через несколько дней Славка сделал очень неприятное открытие: монстры заполонили всю квартиру. Они сидели в шкафах, под столом, под кроватями, в выдвижных ящиках кухонного стола, за каждой дверью... Странно, что Славкины родители ничего не замечали и жили абсолютно спокойно.

Когда один противный, зеленый и скользкий монстр вцепился своими лапами в Славкину руку, Славка заорал нечеловеческим голосом. «Скорая» приехала очень быстро, и диагноз поставили очень скоро: быстро прогрессирующая паранойя. Напичканный сильнейшими препаратами Славка почти все время спал. Если сознание и возвращалось к нему, он начинал кричать и наотрез отказывался открывать глаза.

Лечащий врач ничего от Славкиных родителей не скрывал.

— Лечение будет трудным и долгим. Наберитесь терпения. И самое главное, никаких обещаний я вам давать не буду.

Славка стал жить в режиме амебы, которая реагирует только на свет. Причем, реакция на свет у нее отрицательная. Амеба все время уплывает туда, где темно. Славкин мир ограничился темнотой закрытых глаз.

Прошло несколько месяцев, которые Славка даже не заметил. Лечащий врач в этот раз разговаривал с измученными Славкиными родителями более определенно.

— К нормальной жизни вашего сына не вернуть. Теперь уже ясно, что пошли необратимые процессы. Мой вам совет: не мучить себя, зачем вам такая обуза? Есть масса специализированных заведений, там и лечение хоть какое-то, и питание, и уход, все, что надо, а в домашних условиях вы себя надорвете и физически, и морально. И не думайте, что ваш случай — дикость. Индустрия страха у нас процветает и дает вот такие сумасшедшие плоды.

Пожилая санитарка психиатрической больницы тетя Дуся высшего медицинского образования не имела, но с лечащим Славкиным врачом была совсем не согласна.

— Это бесы мучают вашего мальчика, — просто сказала тетя Дуся Славкиным родителям. — Сделать-то человеку бесы ничего не могут, а вот пугать они мастера. Мой вам совет — отвезите вы своего ребенка куда-нибудь в деревню, на свежий воздух, подальше от города, и самое главное, молитесь за него и день, и

ночь. Господь милосердный, а родительская-то молитва со дна моря достает...

Родители забрали Славку из больницы в тот же день.

Славка проснулся от пения птиц и сразу широко и без всякого страха открыл глаза. Прямо на него с противоположной стены смотрел с иконы Спаситель. Славка встал на слабенькие дрожащие ноги. За девять месяцев его ноги разучились ходить. У Славки хватило сил выйти через террасу в сад. Черемуховый аромат закружил ему голову, и он рухнул на траву. Болезнь пошла через глаза, и Славка заплакал.

Тихо подошли родители. Всхлипывая и заикаясь, Славка пытался объяснить родителям, как прекрасен Божий мир. И поющие птицы, и цветущая черемуха, и небо...

— И это все Божье? — вдруг спросил Славка.

— Конечно, и мы тоже Божьи, — сказала мама.

— И я? — с надеждой спросил Славка.

— И ты, и я, и папа и все-все люди на Земле.

Мама обняла и поцеловала плачущего Славку. У Славки от счастья сердце провалилось куда-то в живот. Как в детстве.

Когда вернулись в дом, Славка подошел к иконе Спасителя, прижался к ней щекой и прошептал, немного стесняясь:

— И я тоже твой, Господи...

Славка окончательно выздоровел, окончил школу, получил профессию и стал очень хорошим мастером-краснодеревщиком. В нескольких храмах Подмосковья деревянные иконостасы сделаны его руками.

Я часто встречаю Славку в нашем храме. Он всегда стоит с низко опущенной головой, а рядом с ним — красавица жена и двое маленьких детей, похожих на ангелов.

Там была какая-то грустная история

Во время вечерней или утренней службы в храме эта молодая женщина в черном платке всегда стояла у кануна, куда ставят свечи по усопшим людям. Женщина была очень красивая, и на нее часто обращали внимание, а она ни на кого не смотрела, ни с кем не разговаривала, а делала и делала незаметно свое дело. Чистила подсвечник, убирала догоревшие свечи, а вместо них ставила новые. Никто никогда даже голоса ее не слышал. Старые-то прихожане про нее все знали, но лишний раз не хотели и вспоминать. А случайным захожанам подробности знать совсем не обязательно.

— Там была какая-то очень грустная история, — скажет, бывало, какая-нибудь бабушка, если к ней назойливо подступали с вопросами о молодой красивой женщине в черном платке.

Да мало ли у всех нас своих грустных историй. Жизнь длинная...

Марина появилась в храме несколько лет назад с маленьким ребенком на руках. В церковной лавке она обратилась к женщинам с просьбой о помощи. Ее муж попал в автомобильную катастрофу, разбился насмерть, и она осталась одна без средств, с маленьким ребенком на руках. Ей даже похоронить мужа не на что. Женщины в церковной лавке спохватились, позвали батюшку. Батюшка дал молодой женщине деньги на гроб, на погребальные одежды для ее мужа, на другие похоронные затраты. Батюшка пообещал молодой женщине отпеть ее мужа в своем храме без всяких денег. Прихожане храма подсуетились и принесли деньги, одежду, продукты. Молодая женщина уходила из храма с двумя большими сумками наперевес.

Черный платок Марина сняла за ближайшим поворотом и весело побежала домой. Сегодня приезжает из командировки муж, и она встретит его по полной программе. Деньги теперь у нее есть, продукты тоже. Осталось только подключить фантазию и кулинарные способности. А готовить Марина любила.

Как же легко обмануть этих верующих. Поверили всему, что Марина им там насочиняла. Сами виноваты, злорадно подумала она. Нельзя в наше время быть такими доверчивыми.

Стол Марина собрала царский. Он в буквальном смысле слова ломился от деликатесов. Сама Марина нарядилась в самое лучшее и дочку нарядила. Муж уже звонил с кольцевой дороги, значит, где-то через час он уже будет дома.

До дома муж Марины не доехал. На съезде с московской кольцевой дороги в него врезался КамАЗ, и его «жигуленок» превратился в лепешку. Тело вырезали из металла сварочным аппаратом.

Марина окаменела. Она перестала есть, перестала спать, перестала разговаривать. Она сидела и тупо смотрела в одну точку. А в голове бегущей строкой бесконечно повторялись три слова: «Это ты виновата. Это ты виновата. Это ты виновата...».

Первые слова, которые она произнесла после похорон, были: «Это я виновата». Марине очень хотелось сделать самой себе больно. Она рвала свои волосы, царапала до крови руки, кусала до посинения губы. В конце концов, ее увезли в больницу, а дочку забрали родственники.

По промыслу Божьему Марина попала именно в ту психиатрическую больницу, в которой работала медсестрой прихожанка храма, батюшку которого Марина так мастерски обманула. Более того, эта прихожанка принимала активное участие в «спасении»Марины. Прихожанка рассказала все батюшке, и он пришел в больницу уже на следующий день.

Выздоровление Марины шло тяжело. Батюшка давно отпустил ей все ее грехи, а сердобольные женщины из храма часто навещали Марину, и в больнице и на ее тумбочке всегда лежало много гостинцев. Марину все давно простили. Все, кроме нее самой. Марину ничто не радовало, даже ее родная дочка, и от недостатка материнской любви дочка Марины заболела. Заболела так, что врачи сказали страшное слово — «безнадежна». Но это у людей «безнадежна», но не у Бога.

Ровно месяц батюшка и все прихожане его храма каждый день служили дополнительный молебен о здравии тяжело болящего младенца Ольги. Батюшка падал на колени, а за ним падали на колени все прихожане и просили, просили Пресвятую Богородицу, Пантелеимона Целителя, Матронушку Московскую... Снова Пантелеимона Целителя... Просили о выздоровлении младенца Ольги. Оленька стала по-настоящему родной всем, кто за нее так искренне молился. Марина давно вышла из психиатрической больницы и день и ночь была у постели больной дочери.

Под праздник Благовещения Олечка пошла на поправку и попросила у мамы белого хлеба с вареньем. Врачи развели руками. В медицинской карте у Олечки ее лечащий врач так и записал: «Выздоровление было невозможно, но оно произошло, причем, без всяких осложнений».

Марина приходит в храм каждый день самая первая, а уходит самая последняя. В выходные дни рядом с ней всегда дочка Олечка.

И когда кто-нибудь из любопытных новеньких спрашивает у постоянных прихожан храма: « А почему эта красивая молодая женщина — в черном платке?», — старожилы обычно отвечают: «Там была какая-то очень грустная история».

Да мало ли этих грустных историй у всех нас, добавим мы от себя. Жизнь — штука длинная...

Черного цвета в радуге нет

Черного цвета в радуге нет

Долгожданный летний дождь спас от солнечного удара все живое.

Изнурительная жара надоела всем, измучила всех. Жара иссушила не только землю, воздух, но и все чувства, все мысли. Ни думать, ни смеяться, ни плакать не хотелось…

А сегодня в небесной канцелярии открыли все краны: пейте на здоровье. И Алка пила, открывая и закрывая рот, как выброшенная на берег рыба.

По чьей-то злой шутке или умыслу окна роддома смотрели прямо на окна морга (оказывается, и в морге есть окна). А, может, и правильно. Из вечности пришли, в вечность уйдем. А жизнь — это так, мгновение. Что тут, в самом деле? Ну, десяток-другой шагов-то, и все дела…

Алке захотелось курить, но дождь не прекращался. Наводя чистоту на земле, дождь призывал к здоровому образу жизни.

В палату не хотелось, и Алка пошла считать шаги из вечности в вечность, от рождения до смерти. Шагов оказалось ровно пятьдесят четыре. «Если один шаг — это год, то третью часть я уже прошла», — подумала Алка. «Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу, утратив правый путь в конце долины…».

Одна Алкина знакомая всегда говорит: «Когда мне не хватает природного оптимизма, я пью вино». Оптимизма Алке явно не хватало, но и вина взять негде. Алка лежала в палате абортников. Точнее, предабортников. «Завтра я буду детоубийцей», — подумала Алка. Курить захотелось до тошноты.

Их родители были в шоке. Его родители — против, ее — категорически против. И они поселились в летнем домике садового товарищества с красивым названием «Жасмин». Денег на съемную квартиру у них не было.

Родителей с обеих сторон чуть не хватил удар, когда они посетили их место обитания и увидели замерзшую в умывальнике воду, которую они оттаивали горящей свечкой, чтобы умыться. А Алка с Сашкой были счастливы. Даже очень счастливы и бытовых неудобств совсем не замечали. Зато ночью через дырявую крышу можно смотреть на звезды. И денег за тот рай с них никто не брал. Дачный сезон закончился, все дома пустовали. Оба длинноногие, худющие, молодые и счастливые, Сашка с Алкой летели в свой первый общий дом сломя голову.

Родители выдержали пару месяцев в предынфарктном состоянии и сняли им жилье. Сашке с Алкой было по семнадцать лет, они только-только закончили школу и поступили в институт.

Признаний в любви не было, клятв верности тоже не было. Как-то обошлись. Сашка всегда решал все вопросы молниеносно, без лишних сомнений и колебаний, без ненужного сотрясения воздуха. Оттеснив Алкиных подруг на задней площадке троллейбуса, он категорично заявил: «Мы будем жить вместе и умрем в один день. Только попробуй сказать «нет». Алка даже не пробовала. И первый их поцелуй был в том же троллейбусе. Они тогда еще познакомились с водителем и обещали пригласить его на свадьбу.

С того дня Алка с Сашкой не расставались ни днем, ни ночью.

А сейчас вот уже несколько дней никто и не знает, что Алка здесь, на лавочке, под проливным дождем… между жизнью и смертью. Обида погнала, а ноги привели.

Около морга остановилась крытая грузовая машина.

Сашка всегда и все решал сам. Решение бросить институт и пойти в армию в десантные войска он тоже принял сам.

— Я хочу проверить и тебя, и себя. Себя — на прочность, а тебя — на верность.

— Я не выдержу, сразу предупреждаю, — сказала Алка, умирая от одной мысли о двух годах разлуки.

— Куда ты денешься?

— Я тебе изменю, замуж выйду и…

Договорить Алка не успела. Как написали бы в криминальной хронике, в полном сознании и абсолютно хладнокровно Сашка ее ударил. Алкино лицо отлетело в одну сторону, а ее пшеничная грива в другую. Кажется, целую вечность голова и волосы возвращались на свои места.

Дождь прекратился.

Из кузова грузовой машины стали выпрыгивать люди. Сняли тело, завернутое в простынь.

Мальчик лет двенадцати подошел к Алке и присел рядом.

— Мокро, — предупредила его Алка.

— Вижу. Плакала, что ли?

— Просто дождь, — сказала Алка.

— А у меня бабаня умерла, я и то не плачу, — мальчик закрыл лицо руками. — Все говорила: «Вот дождичек пройдет – по грибы пойдем». Она все грибные места знала.

— Смотри, вон, радуга. — Алка показала на небо. — На разноцветный мост похожа. А куда она ведет, никто, наверное, и не знает.

— В рай, куда же еще? Чего тут непонятного-то? — Мальчик открыл лицо.

— А там хорошо? — спросила Алка.

— Лучше не бывает. Черного ведь цвета в радуге нет.

— Бежим, может, успеем?

— Если как следует постараться, то можно и успеть…

Они рванули наперегонки.

Алка еще вернется сюда, чтобы родить Сашку-маленького. А встречать их из роддома будет Сашка-большой. Ведь черного цвета в радуге нет. Чего тут непонятного-то?

Другого не будет

Солнце проснулось раньше меня. Впрочем, как и всегда. Я посмотрела на себя в зеркало и ничего хорошего там не увидела. За прошедшую ночь мой длинный нос нисколько не уменьшился. Какой ужас… Только к обеду мне удалось уговорить себя, что жизнь прекрасна. Для этого потребовалось съесть не меньше килограмма моих любимых шоколадных конфет.

Мой телефон-молчун пропел мне призывную песенку.

— Привет, подруга!

— Ленка, — ахнула я.

— Не забыла еще?

— Да ты что? Ты откуда?

— Через пять минут буду у тебя.

Я с тоской подумала про свой пустой холодильник.

— А про это даже не думай. Я все привезу.

Мне стало стыдно.

—А почему мне не было стыдно, когда мы жили на одну твою зарплату? Ты работала и днем, и ночью, а я свою личную жизнь устраивала. И я ее, между прочим, очень хорошо устроила.

Раньше Лена жила в дальнем Подмосковье, а сейчас живет в еще более дальней Италии. Мы познакомились с ней, когда учились в медицинском училище. Потом я поступила в медицинский институт, а она пошла работать. Но мы продолжали дружить. Лена часто оставалась у меня. Я жила у своей тетушки в самом центре Москвы рядом с кинотеатром «Ударник». У тетушки Маруси было целых две комнаты в большой коммуналке. Когда тетушки не стало, Лена поселилась у меня основательно. Я была этому только рада.

«Жизнь — комедия для тех, кто думает, и трагедия для тех, кто чувствует». Лена воспринимала жизнь как комедию, легко, не-

серьезно, весело. Я — как трагедию, тяжело, со скрипом, со слезами. А слез, в силу своей работы, я видела много.

— Тебе нужно срочно менять профессию, — твердили мне все мои родные и близкие. — С твоей тонкой кожей, с твоим обостренным восприятием мира ты сама сгоришь. Больные по природе все — вампиры. У тебя всей твоей крови не хватит, чтобы их всех спасти.

В среднем, у взрослого человека литров пять крови. В пересчете на ведра — всего-то полведра. И, правда, не очень-то много…

Лена, в отличие от меня, перепрофилировалась на косметолога и очень удачно устроилась в модный салон. Я после медицинского института стала работать участковым терапевтом в районной поликлинике.

Параллельно с учебой и работой текла и наша личная жизнь. У Лены личная жизнь была похожа на стремительную горную реку с очень крутыми виражами, внезапными водопадами, коварными подводными валунами и водоворотами. Только держись и не зевай.

Река же моей личной жизни текла по равнине. Можно было сесть в лодку и даже не грести. Все равно ничего серьезного не произойдет. Так, может быть, маленькая остановочка, если лодку случайно прибьет к песчаному берегу и она сядет на мель…

— Другого шанса устроить свою жизнь у тебя больше не будет, — орала Лена уже целый час, чтобы сила колебаний от ее голоса через мою барабанную перепонку дошла, наконец, до моих мозгов и я поняла, что Лена права на все сто процентов.

— И у меня, кстати, не будет другого шанса помочь тебе.

Видимо, какие-то эмоции промелькнули на моем лице, и Лена сказала:

— Так, спокойно. Начнем все сначала. Я предлагаю тебе кардинально изменить свою жизнь в лучшую сторону и поехать со мной в Италию.

Раньше слово Италия ассоциировалось у меня с итальянским кино, с морем и спагетти. Несколько лет назад туда уехала, выйдя замуж за итальянца, моя лучшая подруга Лена, поэтому к слову Италия, в компанию к Софи Лорен и Челентано, прибавилось имя Лена. Очень, на мой взгляд, гармонично. Я попробовала поставить свое имя рядом с названием этой солнечной страны. Гармонии не получилось. Грубоватая буква «р» и свистящая «с» в моем имени заглушают мягкую «л». Лариса и Россия — еще куда ни шло, а Лариса и Италия как… валенки и модельные итальянские туфли на шпильке.

— Лен, я Родину люблю.

— И я ее люблю, но на расстоянии. Жить здесь невозможно, и так будет еще лет сто или двести. До хорошей жизни в России нам не дожить. Пусть нас Родина простит за предательство, но лучше горькая правда. Когда ты покупала себе в последний раз на свою нищенскую зарплату нормальный съедобный сыр? Когда ты в последний раз обновляла себе осенние сапоги?

Лена открыла мой шкаф с обувью.

— В этих ты ходила еще в институте. Твоя нищета стала хронической. Мне больно на все это смотреть, потому что я люблю тебя, и я хочу и могу тебе реально помочь.

— Да ты и так мне помогаешь. Зачем насовсем-то уезжать?

Самыми ценными и самыми красивыми во всей моей квартире были Ленины подарки уже оттуда, из другого мира. Мне даже иногда кажется, что они, эти подарки, — с другой планеты.

— Мой муж открыл для меня медицинский салон. Мне нужен хороший специалист, а ты отличный диагност. Поработаешь, поживешь как человек, будет с чем сравнить, а там сама решишь, где тебе лучше. О зарплате договоримся. Тысяч пять долларов в месяц я спокойно могу тебе платить.

— Ты шутишь?

— Нисколько.

Я и раньше никогда не могла понять, когда Лена меня разыгрывала, а когда говорила правду.

— Я беременна, — сказала она мне несколько лет назад в разгар одного из своих бурных романов.

Мы вместе мечтали о том, каким будет ребеночек, гадали над его именем и полом, а через месяц Лена сказала мне, что она просто пошутила…

Поэтому, когда она призналась мне во второй раз, что ждет ребенка, я не поверила и не обратила на ее сообщение особого внимания. Как-то утром она, стоя уже у самого порога, говорит:

— Сегодня, подруга, иду на аборт. Боюсь немного. Первый раз все-таки.

Я лишилась дара речи в полном смысле слова. От страха за Лену у меня произошел спазм голосовых связок, и я несколько месяцев не могла говорить. Лену тогда очень неудачно прооперировали, случайно прокололи кишечник. Она после этого долго моталась по больницам. Ушла с работы. Я приезжала ее навестить, и мы общались мимикой и жестами, как глухонемые. Я даже была этому рада. Ну, что я могла ей сказать? Ну, что она могла мне ответить? Разве слова хоть когда-нибудь и хоть кому-нибудь помогали?

— Накопишь денег и, если захочешь — вернешься, — продолжала Лена. — Тогда я буду за тебя спокойна, что ты хоть с голодухи не умрешь на нашей любимой Родине.

— А как же квартира?

Тетушкину коммуналку давно расселили, и я жила в хорошей двухкомнатной квартире в том же районе.

— Квартиру продашь или, если не хочешь, можешь сдавать в долгосрочную аренду. Это не проблема. Визу и билеты я беру на себя. Твоя задача — только собраться.

Лена сама нашла очень приличных жильцов и оформила с ними договор на снятие моей квартиры на пять лет. Жильцы были

счастливы. Район у меня престижный. Лена оформила мне визу и купила билет. Я уволилась с работы и собрала чемодан.

Настроение у меня было пасмурное, а погода — солнечная. Как в Италии, подумала я. Лена улетела на несколько дней раньше меня. Дела позвали ее на новую Родину. Я шла в последний раз по своей родной улице, и мне казалось, что все показывают на меня пальцем и говорят: предательница, предательница… И люди, и собаки, и дома, и деревья…Все меня осуждали. Значит, мы тут, с нашими трудностями, а ты там, с их благами? С их морем?

Объявили регистрацию на мой рейс, и я вышла из здания аэровокзала. У входа лежала большая лохматая псина.

— Песик, — сказала я ему, и он тут же тяпнул меня за ногу.

Не больно, не до крови, но позорно. Беспородная псина была большим патриотом своей страны, чем я. Пес никуда, в отличие от меня, не улетал.

Куст жасмина около аэровокзала благоухал эфирными маслами, и я сунула свой длинный нос в его белые цветы с желтой серединкой.

— У Вас все лицо от пыльцы пожелтело, — предупредил меня прохожий мужчина. — Вы сюда или отсюда? — спросил он. — Если отсюда, ничем не могу помочь. Самолета у меня пока нет. А если сюда, подвезу, куда Вам надо.

— Нет, я, к сожалению, отсюда.

— И куда, если не секрет?

— В Италию, — сказала я и чуть не заплакала.

— Надолго?

— Как получится.

— Работать?

— Жить, — вздохнула я и полезла в сумочку за платком.

— У нас, конечно, тяжеловато в материальном плане, но, коснись души, лучше чем у нас, нигде на всем свете нет!

Мужчина обвел рукой вокруг себя.

— Это же рай земной. Какая у нас природа! Какие просторы! Ни в какой Италии Вы такой красоты не найдете.

— Да согласна я с Вами. Разница лишь в том, что Вы — патриот, а я, кажется, — совсем наоборот… Меня даже бездомная собака за предательство тяпнула, — пожаловалась я.

— А не на Ваш ли рейс уже в третий раз посадку объявляют? — спросил меня мужчина.

— На мой, — вздохнула я. — Но ведь я могу опоздать или не услышать.

— Правильно. Лучший способ не услышать — закрыть уши ладонями.

Я тут же прислушалась к дельному совету.

Мужчина возвращался мимо меня минут через сорок. Я все еще стояла под кустом жасмина и закрывала ладонями свой слуховой аппарат. Запах жасмина меня одурманил, и я начинала забывать, что я вообще тут делаю.

— Улетел Ваш самолет, — сказал мужчина, и мне захотелось его поцеловать.

Я не помню, когда я в последний раз так бурно радовалась хорошей новости.

— Ну, и что теперь? — спросил мужчина. — Да Вы не просто патриот. Вы образец патриотизма.

— Да уж, — хмыкнула я. — Эталон.

— Вам хоть жить-то есть где?

— На ближайшие пять лет я — бомж. Моя квартира сдана.

— Чтобы в нашей родной стране не нашлось места для такой потрясающей женщины, как Вы? Я первый этого не допущу.

Мужчина по имени Алексей загрузил меня и мои вещи в свою машину, и через двадцать минут мы были в небольшой деревушке недалеко от аэропорта «Шереметьево».

— Баб Валь, принимай жилицу на постой. Ты все говорила, что тебе скучно тут одной.

— Здравствуйте, — сказала я. — Я к Вам надолго. Лет на пять.

— Ого, — сказала баба Валя. — А выдержишь? У нас не город. И печку надо топить, и воду из колодца носить. И огород… А ты, вон, худющая какая.

— Да я, баб Валь, буду помогать, — сказал Алексей и посмотрел на меня таким мужским взглядом, что меня даже в жар бросило. — Ну, ладно, я поехал. Завтра заскочу, — сказал он как-то смущенно.

— Ого, девка. Зацепила ты Лексея-то нашего. Что-то я не помню, чтобы он вот так на женщин смотрел. Ты сама-то замужем?

— Я — нет.

— Дык, и он неженатый. Бобылем живет. Я еще на свадьбе у вас погуляю, — баба Валя подмигнула мне и засмеялась. — Муж-то и помнет маленько, и постель согреет. А то много ли радости в холодную койку одной ложиться?

Подушка у бабы Вали пахла земляникой, и я уткнулась в нее своим длинным носом.

За окном начался ночной концерт. Солировали соловей и лягушка. Каждый пел о чем-то своем. О личном. Иногда трель соловья и кваканье лягушки перекрывал гул взлетающего самолета. Интересно, куда он летит, подумала я, засыпая. Наверное, в Италию…

Зима — не лето

Зоя ругалась со своим начальником, а начальник ругался с Зоей практически ежедневно. У Зои и ее начальника не совпадали их биологические ритмы. Может быть, в больших коллективах это не так заметно, но в коллективе, где всего два человека, это несовпадение очень бросается в глаза.

В частном издательстве «Апрель» работало всего два человека — Зоя и ее начальник Добров, фамилия которого совсем не оправдывала ожиданий.

Зоя была хронической совой. Для нее встать в семь часов утра — просто физически невозможный подвиг. Она ложилась спать в два или в три часа ночи и вставала не раньше десяти часов утра, а на работу заявлялась в полдень. Зато она могла вкалывать, не разгибаясь, без всяких перерывов на обед, до самой ночи.

Добров был жаворонком и тоже хроническим. Для него встать в шесть часов утра, а в восемь уже быть на рабочем месте — ничего не стоило. Зато уже с пяти часов вечера он уже намыливался на очередное свидание со своей очередной пассией и в шесть часов испарялся в неизвестном направлении, оставив Зойку одну.

Зойка и Добров совпадали в своих биологических ритмах лишь с двенадцати часов дня до шести часов вечера. Причем, первый час из этого времени он орал на нее, ругая за опоздание, а последний час она орала на него за слишком раннее дезертирство с рабочего места. Оставалось ровно четыре часа плодотворного времени, за которое они успевали сделать все важные дела и решить все проблемы. Так продолжалось изо дня в день, и по тому, что их издательство еще не разорилось, а даже, наоборот, можно было сделать вывод, что главное — не количество рабочих часов, а качество выполняемой работы.

Сегодня все четыре часа полезного времени ушли на обсуждение повести одного автора из Сибири. Повесть понравилась и

Зойке, и Доброву, что бывало не так часто. Чаще дело доходило до надрыва голосовых связок, когда каждый, доказывая свою правоту, орет во всю свою глотку.

Традиционно поругавшись с Добровым на прощанье, Зойка уселась за компьютер. Корректировка и набор текстов входили в ее обязанности. Повесть была интересная, и Зойка не заметила, как пролетело время. В начале двенадцатого она закончила работу и разогнулась, почувствовав, как все тело затекло от неподвижного сидения. Ругнув про себя Доброва, который сидит сейчас где-нибудь в ресторане и ест всякие вкусности на пару с какой-нибудь длинноногой моделью, а Зойка тут вкалывает за двоих, она оделась и вышла на улицу.

Дожив почти до тридцати лет, Зойка так и не научилась разгадывать шарады и ребусы непредсказуемой московской погоды и жила строго по календарю. Раз написано: ноябрь — значит, еще осень. Увидев под ногами снег, Зойка в который раз вспомнила недобрым словом Доброва и его шикарную машину, в которой тепло и уютно. Подняв воротник своей несерьезной для такой серьезной погоды куртки, Зойка поплелась на троллейбусную остановку. Хорошо, что ей ехать до самого дома без пересадок.

Напротив остановки чернела махина нового, еще недостроенного дома, выросшего на глазах за несколько месяцев буквально из ничего. На уровне примерно седьмого этажа горело одно-единственное окно. Маляры, наверное, на сверхурочную работу остались, подумала Зойка. Она притулилась на краешке скамейки и съежилась, как обиженный суслик. Если я простужусь и заболею, подумала Зойка, убью Доброва на месте.

Болеть Зойка не любила и не умела, поэтому старалась задушить любую болезнь на корню. Продрогнув до самых костей в своей хиленькой курточке, Зойка запихнула в себя целую горсть таблеток сразу от всего, съела половину литровой банки меда и, запив все это горячим молоком, нырнула под верблюжий плед, не раздеваясь.

Зойке снилась пустыня, и она точно знала, что это Сахара. Перед Зойкой мелькали лица родных и знакомых, и все говорили ей одно только слово: Сахара, Сахара, Сахара… Вдруг появился Добров и менторским тоном заявил:

— «Два» тебе, Редискина, по географии. Никакая это не Сахара, а Кара-Кум.

Зойка увидела близко-близко над собой бархатные глаза каракумского верблюда с фантика шоколадных конфет и проснулась.

— Ку-ку, Редискина.

Верблюд оказался Добровым, и Зойка расстроилась.

Сознание было ясным, и Добров логично связался с запасными ключами от квартиры в Зойкином рабочем столе.

— Пневмония, причем острая. Нужно госпитализировать, — сказал белый халат позади Доброва.

Зойка схватила Доброва за руку мертвой хваткой.

— Добров, я больницы боюсь. Я там умру.

— Если, конечно, есть, кому за ней ухаживать, — добавил белый халат, — можно все процедуры делать на дому.

Сердце Доброва царапнула жалость.

— Ладно, Редискина, зима — не лето, переживем и это…

Зойка провалялась дома с воспалением легких целых три недели. Добров приезжал и уезжал по своим делам, а ухаживала за Зойкой его последняя любовница — длинноногая, кукольно красивая Вика из Киева. Вика готовила Зойке украинские борщи, картофельные драники и читала ей вслух любовные романы, от которых у Зойки распухли все мозги.

Болезнь и любовные романы надавили на какую-то спящую до сих пор железу в Зойкиной голове, и после выздоровления Зойке смертельно захотелось влюбиться. Единственным доступным, чисто технически и территориально, кандидатом был До-

бров, но этот опыт Зойка уже проходила. Дохлый номер. Один раз несколько лет назад они с Добровым попробовали пожить вместе. У Доброва как раз был период затишья на его любовном, все время действующем, фронте, и кроме Зойки, чисто технически, из женского пола никого рядом не было.

— А почему бы и нет? – подумал Добров, глядя на Зойкины ключицы, торчащие из открытого сарафана. Добров привез Зойку к себе домой, и в первый же вечер они друг друга чуть не убили. Добров от самого порога потащил Зойку в постель, а ей необходима была долгая прелюдия. Они и в интимных биоритмах совсем не совпадали.

Зойка опять сидела на троллейбусной остановке совсем одна. Махина недостроенного дома подмигивала ей одним своим горящим окном где-то на уровне седьмого этажа. Скорее всего, там живут влюбленные, подумала Зойка. Он и она. И им никто не нужен… И они никому не нужны…

В супермаркете около Зойкиного дома милая девушка приглашала всех посетителей продегустировать французские вина. Зойка надегустировалась на голодный желудок от души и прикорнула прямо там же, в бакалейном отделе. Проснулась она уже в вытрезвителе и назвала телефонный номер Доброва. Он приехал за ней очень быстро.

Когда Добров увидел позеленевшую за ночь Редискину с запавшими глазами грустного суслика, его сердце ухнуло в нежность.

— Ладно, Редискина, зима —не лето…

Добров прижал Зойку к себе. Нежность накрыла его с головой и перекрыла кислород.

На следующий день Добров не стал ругать Зойку за опоздание и не стал сматываться на свидание.

— Я тебя провожу, — сказал он Зойке. — А то ты опять в какую-нибудь историю вляпаешься.

Вышли на улицу.

— А вон там, — Зойка кивнула на темный силуэт недостроенного дома, — влюбленные живут Может быть, даже Ромео и Джульетта.

— Не выдумывай, фантазерка. Просто свет забыли выключить.

Зойка взглянула на Доброва и ничего не сказала.

Молчали всю дорогу… Не попрощались, не поругались. Просто она вышла, а он просто уехал.

Зойка слишком поздно поняла, что Добров уехал вместе с ее сумкой и ключами от подъезда и от квартиры.

Зойка присела на лавочку. «Двадцать первое. Ночь. Понедельник. Очертанья столицы во мгле. Сочинил же какой-то бездельник, что бывает любовь на земле» — пронеслось в ее голове. Вот холод, голод и одиночество, точно, существуют, добавила Зойка от себя к авторскому тексту и пошла ломать дверь в свой родной подъезд. Один уголок от стального листа она уже отодрала, когда подъехал милицейский патруль.

Мобильный зазвонил у Доброва прямо в ресторане, когда уже подавали горячее. Зойку ввели в зал под конвоем и сдали Доброву с рук на руки под честное слово.

Зойка не была в ресторане сто лет и с удовольствием уплетала и горячее, и холодное, думая о том, как быстро меняются условия ее существования. Как на качелях. То вверх, то вниз… Подали десерт.

Добров курил. Его оккупированное любовью к Зойке сердце делало удары через два пропуска на третий, раздумывая, быть ему, Доброву, или не быть…

Зойку пригласили танцевать. Она не танцевала двести лет, а, может, и больше.

Телефонный звонок разбудил Зойку под утро. Она поймала попутку и приехала в одно из отделений милиции Центрального округа. Доброва отдали ей с рук на руки под честное слово. На

его шикарном кашемировом пальто не хватало одной пуговицы.

— Ладно, Добров, — сказала Зойка, поправляя ему шарф, — зима — не лето…

— Знаешь, а я проверил.

— Что?

— Кто там живет.

— Где?

— В том окне. «Вот опять окно, где опять не спят…».

— Нечего было и проверять. Я же тебе сразу сказала — влюбленные.

— Бомжи там живут, Редискина. Простые московские бомжи.

— Как будто бомжи не могут быть влюбленными…

Совсем расцвело. Зеленый тополиный молодняк заигрывал следяным северным осенним ветром. Молодняк еще думал, что это игра.

— Выходи за меня замуж, Редискина, — сказал Добров, поежившись. — Как-то страшно мне в зиму оставаться совсем одному.

— У нас с тобой биоритмы разные, Добров. Мы поубиваем друг друга в первый же день.

— А, может, и ничего. Пятый год уже бок о бок и, вроде бы, еще живы. Как поругаемся, так и помиримся. Зима — не лето…

Добров как в воду глядел. За целый год совместной жизни им много раз хотелось прибить друг друга, но развестись не хотелось ни разу. По крупному они цапнулись и чуть не подрались лишь один раз, когда придумывали имя своей новорожденной дочери. Зойка хотела назвать дочку Анной, в честь своей любимой Ахматовой, а Добров хотел назвать дочку Мариной, в честь своей любимой Цветаевой. Целый месяц они ругались, пока обе бабки не возмутились.

— Ребенок уже целый месяц на свете без имени живет!

Бабки взяли инициативу в свои руки и записали девочку Надеждой.

— Ладно, зима — не лето, — сказал Добров и побежал на детскую кухню за кефирчиком.

На улице почему-то пахло весной, хотя еще даже не было зимы.

Дед Мороз, выходи!

Хозяин сдал нам по сходной цене на десять дней зимних каникул чердачное помещение на третьем этаже своего коттеджа. Дети визжали от восторга. Батарей на нашем чердаке не было, но было очень тепло. Весь теплый воздух со всего дома по законам физики поднимался к нам наверх.

Приближался Новый год, и хозяин поставил категорическое условие: никаких елок. Хозяин боялся пожара.

Запрет на елку нас огорчил, но ненадолго. Исследовав окрестности, мы быстро нашли в лесу такую зеленую красавицу, что долго стояли перед ней, разинув рты. Никогда и никому не видимый дизайнер превзошел все мыслимые и немыслимые эталоны красоты и создал чудо. Любое украшение на этой лесной красавице выглядело бы как оскорбление. Мы только поставили под елочку Деда Мороза и Снегурочку.

Земля повернулась к солнцу спиной, и наступила ночь. Последняя ночь уходящего года. Дети уснули мгновенно. Дочь во сне чему-то улыбалась, а сын хмурился.

Я посмотрела в окно. Расписание моей московской бессонницы обычно совпадало с рейсом одного самолета, летящего куда-то на север. Самолета я не увидела, а звезд было так много, что рябило в глазах. Наверное, за городом не только воздух, но и

небо экологически чистое. В Москве я месяцами не видела на небе ни одной звезды.

Про Москву, про работу, про проблемы думать совсем не хотелось. Моя больная голова также нуждалась в каникулах.

Утром после завтрака мы отправились проведать лесную красавицу. Наши Дед Мороз и Снегурочка валялись в стороне, а от елочки остался один пенек. Мы все втроем, как по команде, оцепенели.

— Дед Мороз, выходи, — неожиданно закричал мой сын, глядя в лесную чащу.

Мы с дочерью поддержали его и заорали, что есть мочи, стараясь перекричать боль:

— Дед Мороз! Выходи!

— Вы что тут раскричались?

Дед Мороз подъехал на санях, откуда и не ждали. Только, странное дело, уж очень он был похож на доброго дедушку, который жил недалеко от нашего коттеджа.

— Рано еще Деда Мороза звать. До Нового года — целый день.

Мы кинулись рассказывать про нашу беду. Дед Мороз подошел к пеньку.

— Жалко красавицу. Двенадцать лет всего-то и пожила, — Дед Мороз подсчитал на пеньке годичные кольца.

Дочь не выдержала и разрыдалась, уткнувшись заплаканным лицом Деду Морозу в валенок. Старик погладил ее по голове и достал свою записную книжку.

— Хоть дел у меня в новогоднюю ночь очень много, ладно уж, исполню я еще и ваши три желания. Два-то желания для меня совсем нетрудные, а вот третье... — Дед Мороз посмотрел в мою сторону, и у меня похолодело где-то в животе, как будто я съела залпом десяток эскимо. Я опустила глаза.

— Ладно уж, — добавил Дед Мороз, — придется поработать сверхурочно.

Подводная лодка с пультом управления и декоративный кролик в клетке стояли около спящих детей. Дед Мороз свое слово сдержал. Только мое желание неисполнимо...

В нашу дверь на чердаке кто-то постучал. Я подумала, что это Дед Мороз пришел извиниться, что не исполнил мою мечту.

— Дед Мороз, — сказала я шепотом, чтобы не разбудить детей, — заходи.

На пороге появился мой муж, отец моих детей. Его возмущению не было предела.

— Нормальные люди встречают Новый год в Москве, в своих квартирах, в тепле, а не на чужих чердаках и практически в лесу. Если бы не старичок тут один, я бы вас ни за что не нашел.

— Это не старичок, это Дед Мороз, — сказала я.

— Можно тебе задать один вопрос?

— Можно.

— Что ты сказала нашим детям, когда я от вас ушел?

— Я сказала, что тебя включили в состав очень важной экспедиции и вы поплыли открывать Антарктиду.

Муж ахнул.

— Дебилизм не лечится. Антарктиду, к твоему сведению, открыли много лет назад.

— А, можно, теперь и я задам тебе один вопрос?

— Можно.

— Ты к нам только на новогоднюю ночь или... навсегда?

— Этот старик, который мне дорогу показывал, пригрозил, что если я вас еще раз брошу, он в сосульку меня превратит.

— Это не старик, — сказала я, — это Дед Мороз.

Вот ведь какие совпадения бывают!

Спасибо, милый, больше не надо

Мою лучшую подругу Люську любили все, а ее мужа все не любили, и это создавало определенные трудности в общении с самой Люськой, так как ее муж никуда и никогда ее одну не отпускал, а его видеть никто не хотел.

— Собственник, — возмущалась моя вторая лучшая подруга Нинка.

— Рабовладелец, — поддакивала я.

— Если бы он был моим мужем, — добавила Нинка, — я бы убила его прямо в первый же день.

Я более терпеливая и продержалась бы дня два.

По нашему с Нинкой мнению, мы имеем на Люську больше прав, чем ее муж. Мы знакомы и дружим с первого класса, почти тридцать лет. После Люськиного замужества мы стали встречаться как-то урывками, невсерьез, ушла задушевность общения. Настоящая дружба плавно превращалась в телефонную формальность, и нам от этого было больно.

В середине сентября — у Люськи день рождения, юбилей, и проигнорировать такое событие мы никак не могли. Но Люськин муж заслонял от нас радость этого дня.

— Давай, найдем в Люськином муже что-нибудь хорошее, — предложила я Нинке.

Мы присели за столик уличного кафе недалеко от Люськиного дома.

— В нем нет ни капли хорошего, — отмахнулась Нинка.

— Просто, мы мало о нем знаем.

— Знаем достаточно, чтобы сделать выводы. Выдернул Люську из института, не дал получить образование. Живет на ее территории и фактически за ее счет. Она с него пылинки сдувает, а у него бзик за бзиком. Один баян чего стоит...

Люськин муж купил себе баян и учился играть на нем по самоучителю. Мы были свидетелями этого звукового кошмара.

Меня вдруг осенило.

— Может быть, у него есть такое достоинство, которое перекрывает все его недостатки, и об этом достоинстве знает только наша Люська, а другим оно не видно.

— А я верю только в то, что вижу своими собственными глазами, —ответила мне Нинка. — А мои глаза видят, что Люська плохо одета, она давно ничего нового себе не покупала. Я вижу, что она очень сильно похудела, и ей это совсем не идет.

—Просто, у ее мужа проблемы с желудком, и Люська сидит вместе с ним на его диетах. Овсянки там всякие, отруби...

— Люськин муж старше ее на четырнадцать лет и должен на руках ее носить, баловать, тем более что она этого достойна. А он даже подарки ей не дарит, считая, что подарки — пережиток прошлого.

Нинка скрипнула зубами.

— Знаешь, кого я тут случайно на Арбате встретила? Пашу Овсянникова, — мне хотелось, чтобы Нинка немного успокоилась. — Он закончил МГИМО и работает в посольстве в Швеции. Паша все про нашу Люську спрашивал.

— Не удивительно, он ведь был влюблен в нее по уши. Вот он бы точно на руках нашу Люську носил, и она не ходила бы в заштопанных колготках.

Нинка со всей силы стукнула кулаком по пластиковому столику, и мы отправились на Люськин юбилей.

Нинка и я уходили от Люськи последними. Гостей было много, и надо было помочь Люське убрать и перемыть посуду. Лицо у Люськи было немного осунувшееся, но счастливое.

— А что тебе твой муж подарил? — поинтересовалась Нинка уже у порога.

— Ничего, — улыбнулась Люська. — Разве это самое главное?

Дверь за нами захлопнулась.

— Если бы он был моим мужем, — сказала Нинка, заходя в лифт, — я бы убила его через пять минут.

Я более терпеливая и продержалась бы минут десять.

Уже поздно-поздно вечером Люськин муж позвал ее на кухню. На подоконнике у открытого окна стоял телескоп. Люська первый раз в жизни заглянула в черную трубу вечности. Звезды ее ослепили.

— Выбирай любую, — сказал Люськин муж.

Люська выбрала одну бирюзовую звездочку недалеко от Большой Медведицы и долго-долго на нее любовалась.

— Если хочешь, — расщедрился Люськин муж, — бери еще.

— Спасибо, милый, — ответила счастливая Люська, — больше не надо.

Там, где кончается небо

Ранняя весна была похожа на позднюю осень. Природа капризничала. Ветер хлестал прохожих снежно-дождевыми плетями прямо по глазам.

Ирка натянула капюшон от куртки до самого подбородка, подняла плечи и стала похожа на африканскую птицу марабу.

Ирка уходила из роддома через черный вход, не оглядываясь. Ей вдруг припомнились слова из лекции для будущих матерей. Беременная Ирка посещала эти лекции регулярно. Опытная акушерка рассказывала о том, что обезьяны всегда держат своих детенышей на левой руке. Ирка остановилась и, представив драгоценный кулечек с ребеночком на руках, инстинктивно оттопырила левый локоть. Все правильно. Если бы ее ребеночек выжил и их выписывали бы сегодня с парадного входа, то

обязательно бы светило яркое солнышко, пели птицы, и Ирка держала бы своего ребеночка на левой руке.

Проезжавшая мимо легковая машина окатила Ирку грязным месивом с головы до пят. Так тебе и надо, подумала Ирка и заплакала.

Дома ее ждала записка:«Встретить не мог. Дела. Увидимся. Сергей».

Любимый Иркин кротон, стоявший на кухонном подоконнике, давно не поливали, и он устроил себе весенний листопад, бесстыдно оголив некрасивый ствол и ветки.

Зазвонил телефон. Хозяйка квартиры напоминала, что скоро конец месяца и она придет за деньгами.

Ирка подошла к окну. В последний раз кухонное окно показывало ей картинку молодой зимы. А весь полнометражный фильм о зиме Ирка просмотрела через больничное окно. Она всю зиму пролежала на сохранении. Врачи сказали, что у Ирки слишком слабая матка и ребенку трудно в ней удержаться…

Пока Ирки не было, снесли давно выселенную «пятиэтажку» напротив их дома, и стал виден горизонт. Кажется, если чуть-чуть приподняться, то можно увидеть, что же там, где кончается небо.

Около развалин пятиэтажного дома грустили бомжи. Дом больше года служил им надежным пристанищем. Ирка вышла из подъезда и вспомнила, что перед дальней дорогой по обычаю надо присесть. Около бомжей стоял свободный деревянный ящик, и Ирка на него присела. Ее никто не прогнал и ни о чем не спросил.

Молодая весна продолжала скандалить со старой зимой. Зима огрызалась снежными вихрями, весна отвечала дождем. Темнело. Бомжи развели костер.

Подошла совсем молоденькая худенькая девушка в легком платье с коротким рукавом. Ирка посмотрела на нее и поежилась.

— Простудишься, — сказала она девушке.

Девушка улыбнулась.

— Она у нас с приветом, — объяснили Ирке окружающие. – Живет по своему собственному календарю. У нее сейчас, наверное, лето.

— Август, — подтвердила девочка-девушка.

В прошлом августе я была еще счастлива, вспомнила Ирка, открыла свою дорожную сумку и протянула девушке кожаный плащ на теплой подкладке.

Девушка улыбнулась и не взяла.

— В августе тепло. Еще даже ласточки не улетели.

— Но вот подул северный ветер, — Ирка надула щеки. – Холодный ветер. Налетели снежные облака и закрыли солнце.

— А как же ласточки? — искренне ужаснулась девушка.

— Ласточки успели улететь в теплые края, — сказала Ирка, помогая девушке надеть плащ и обматывая вокруг ее тонкой шейки теплый кашемировый шарф. Сергей привез его Ирке из Англии.

Костер весело разгорался, с удовольствием поедая остатки старой мебели. Старая мебель даже своей смертью готова была служить людям.

Девушка присела на Иркин ящик и доверчиво положила голову на ее плечо. Через минуту Ирка услышало ровное дыхание спящего человека. Счастливая, подумала Ирка, боясь пошевелиться. Пусть ей приснится то, что там, за горизонтом. Там, где кончается небо.

Костру хватило еды до самого утра. Ночью кто-то уходил, кто-то приходил. У Ирки затекло плечо, но она так и сидела, застыв неподвижно, как сфинкс.

К утру у зимы и весны наступило перемирие. Не было ни снега, ни дождя, ни солнца.

Девушка проснулась и взяла Ирку за руку.

— Возьми меня с собой, —сказала она, кивнув на восток.

— Куда? – спросила Ирка.

— Туда, где кончается небо. Ты знаешь дорогу.

Ирка с девушкой Светой зашли в ближайшую пельменную и съели по две порции пельменей, запив их несладким чаем.

На Курском вокзале Ирка попросила два билета в новую жизнь. Невозмутимая кассирша отсчитала сдачу и подала два розовых листочка. Станция «Новая жизнь», прочитала Ирка.

Света держалась двумя руками за лямку Иркиной дорожной сумки, как слепой за поводыря, и все время улыбалась. Света все время улыбалась. В ее голове, независимо от окружающего мира, навсегда поселилась радость.

— Тебя не будут искать? — спросила Ирка.

— Не будут. А тебя?

Ирка нашла телефон и позвонила. Пустая квартира ответила ей длинными безнадежными гудками.

— Не будут…

Света кивнула.

Доехали, на удивление, очень быстро.

До «Новой жизни» от Москвы было езды-то всего четыре часа.

На платформу сошли под звон колоколов из ближайшего монастыря. Туда и пошли.

Монастырь стоял на высоком холме, со склонов которого капитулировавшая зима размахивала последними островками грязно-белого снега.

Ирка со Светой с горем пополам вскарабкались по крутому склону к монастырской стене, и обе упали на колени от усталости и от радости преодоления. Обе начали молиться. Как могли.

Где-то внизу проносились в разные стороны высокомерные, повидавшие жизнь поезда дальнего следования и безумные пригородные электрички. Пассажиры за шумом колес не слышали звона колоколов, но видели монастырь, две женские фигуры на коленях, купола… Снег на куполах всегда тает первым.

Ирка со Светой пошли в ближайшую к монастырю деревню. Все дома в деревне были ухоженные, добротные, основательные. Их пригласили в гости. «Пасха», — ахнула Ирка, увидев кулич и празднично накрытый стол.

Выглянуло солнце и заиграло миллионами солнечных зайчиков.

«*…только-только распогодь,*

Смерть можно будет побороть

Усильем Воскресенья», — вспомнила Ирка Пастернака.

Ирку со Светой оставили ночевать добрые люди, а утром предложили остаться жить. На краю деревни стоял пустой дом. Там раньше была сельская библиотека. Даже книги все сохранились. Их давно списали, и они никому не были нужны.

— Рай, — сказала Света, посмотрев на старую библиотеку и голый сад вокруг нее.

— Рай, — сказала Ирка и засучила рукава.

Со всей деревни собрали им мебель и необходимую утварь.

На единственной грядке около их дома пробивались первые тюльпаны, и Света каждый день присаживалась перед ними на корточки и пересчитывала. У нее всегда получалось тридцать три.

— У меня скоро будет ребеночек. Потрогай. Он уже шевелится.

Света положила Иркину руку себе на живот.

— Ты будешь его любить? — спросила она Ирку.

Ирка обняла Свету и заплакала.

Зашел сосед дядя Коля.

— Я вам хозяина принес. А то как же в доме без живности?

Дядя Коля выпустил к ним во двор разноцветного петуха, который заорал во всю глотку, что он теперь здесь самый главный. Света от радости запрыгала.

— Ну, как вы тут? Привыкаете помаленьку? — спросил дядя Коля, внимательно посмотрев на Ирку.

— Спасибо. Привыкаем, — ответила она.

— Ну и ладно. И слава Богу.

У самой калитки дядя Коля остановился и оглянулся:

— А слезы — это просто лишняя вода в организме. Слезы высушит ветер.

Где-то внизу шумели поезда. На станцию «Новая жизнь» каждый день приезжали люди. Одни прямо с поезда шли на зов колоколов, а другие — в противоположную сторону. Туда, где кончается небо.

Бабочка на лобовом стекле

Больше всего на свете баба Шура боялась заболеть и стать лежачей и беспомощной, как ее соседка Аннушка. Дети нанимали для Аннушки сиделок, платили сиделкам большие деньги, чтобы те кормили Аннушку, обмывали и обстирывали ее, а Аннушка уже четвертый год лежит бревно бревном и никого не узнает. Вот этого баба Шура боялась больше всего на свете: стать обузой для своих уже давно взрослых детей. А детей у нее было двое — старший сын Василий и младшая дочь Танюшка. Жили дети бабы Шуры в Москве, чем она всегда немножко гордилась.

Проблем своим детям баба Шура не доставила никаких. Умерла в одночасье, даже не поболела немного для приличия. Вышла

во двор покормить кур и собаку, упала и умерла мгновенно. А деньки стояли солнечные, благодатные. Весна уже дружески протягивала руку лету, стаял последний снег, и баба Шура собиралась в очередной раз сажать огород.

После похорон и поминок в доме остались лишь самые близкие родственники — сын Василий с женой Светланой и сыном Женькой, единственным внуком бабы Шуры, и дочь Танюшка, которой было уже почти тридцать лет, а замуж она все никак не могла выйти и жила в семье Василия.

В дверь постучали.

— Входите. Не заперто, — крикнул Василий.

Вошла молодая женщина с сумкой почтальона через плечо.

— Даже не знаю, как и сказать. Баба Шура умерла, а ей тут письмо.

Танюшка всхлипнула, а Василий распечатал конверт и стал читать вслух: «Дорогая Шура. Пишет Вам совсем незнакомая женщина. Меня зовут Нина. Я уже много лет работаю в доме для престарелых санитаркой. За годы работы многое повидала, порой сердце разрывается от жалости. Валидол так и ношу с собой в кармане. В нашем доме для престарелых живет пожилой мужчина, зовут его Григорий, Ваш бывший муж. Дочь сдала его сюда год назад. Больные и немощные старики часто бывают в тягость. Григорий много рассказывал мне о своей жизни и о Вас, Шура. Он уверен, что Вы никогда бы от него не отказались, но он сам виноват во всем. Бросил Вас с двумя детьми, уехал в город за красивой женщиной, а сейчас пожинает плоды своего предательства. К нему никто никогда не приезжает. Я уверена, Шура, что у Вас очень доброе сердце, Вы простите Григория за все и возьмете его к себе. Вы не думайте, что он совсем беспомощный, он Вам еще и по хозяйству сможет помочь, силы у него есть. Григорий ничего не знает про мое письмо, это я сама, грешная, решила Вам написать, надеясь на Вашу доброту. Да и что старые обиды вспоминать, когда на пороге — вечность? Успеть бы побольше ошибок исправить, да дел добрых сделать. Пишу Вам наш адрес...».

Василий замолчал. Негодование от прочитанного росло у него где-то в груди с космической скоростью, и в какой-то момент он даже испугался, что не справится с этой волной гнева, она накроет его с головой, перекроет кислород и он задохнется. Василию надо было срочно выплеснуть эту волну, и он порвал прочитанное письмо на мелкие-мелкие кусочки, выместив на бесчувственной бумаге все свои эмоции. Сразу же стало легче.

Услужливая, когда ее не просят, память открыла все свои потайные закрома и подбрасывала Василию одно воспоминание детства за другим.

Ему было всего десять лет, а Танюшке — два месяца, когда отец бросил их и сбежал в город к другой женщине. Василий никогда не забудет, как его мама, баба Шура, рыдала ночами, уткнувшись носом в подушку, а он все равно все слышал. Василий хорошо помнил нужду, строгий учет каждой копейки. Помнил, как их выручал огород и лесные дары — грибы да ягоды. Василий садился на велосипед и вез все, что выросло на огороде или что они собрали с мамой в лесу, на большую трассу, по которой машины неслись в сторону Москвы. Денег все равно катастрофически не хватало. Мама бралась за любую подработку, а от отца за тридцать лет не было ни одной весточки и ни одной копейки. Но баба Шура никогда про своего бывшего мужа плохого не говорила. Никогда.

Утром стали собираться в обратную дорогу домой. Дом бабы Шуры закрыли до лета. Собаку и кошку взяли с собой в Москву, а кур отдали соседям. Перед отъездом еще раз сходили на кладбище.

От деревни до московской трассы — километров семь по разбитой лесной дороге. Ехали очень медленно, чтобы не застрять. Василий с детства помнил каждый поворот этой дороги, потому что проехал по ней бесчисленное количество раз. Он запрещал себе бояться, но все равно очень боялся. Особенно в тех местах, где темный еловый лес подходил вплотную к самой дороге. Ведь Василий был тогда совсем мальчишкой, Женька,

вон, сейчас и то старше. Но Василий крутил изо всех сил педали своего верного двухколесного друга и всю дорогу старался думать не о своем страхе, а о маме и о Танюшке. Он продаст на московской дороге чернику, которую они с мамой собрали в лесу, и мама купит ему на эти деньги ботинки к школе, старые стали ему малы, а Танюшке — курточку на осень...

Проехали лес, и Василий остановил машину перед самым выездом на большую дорогу. Закурил.

— Ой, смотрите, — сказала Танюшка, — бабочка. Откуда она в такую рань? Еще ведь только апрель.

На лобовом стекле «жигуленка» сидела красивая бабочка с темно-шоколадными крылышками. Передохнув совсем немного, она вспорхнула и полетела в противоположную от Москвы сторону. Все молча проводили ее взглядом.

— А ведь я узнал адрес дома для престарелых, где живет сейчас наш дед Григорий, — сказал Женька, внук бабы Шуры. — Я собрал кусочки того письма, которое ты, пап, порвал. Как раз по этой самой дороге километров двести в сторону от Москвы. Село Богородское.

— А я подумала, — сказала Светлана, жена Василия, — что, если мы немного переставим в нашей квартире мебель, то все там спокойно поместимся.

— А на все лето и на праздники будем приезжать в деревню. Дом большой. Всем места хватит, и отцу в том числе, — добавила Танюшка.

Василий закурил вторую сигарету и молчал. За прошедшую абсолютно бессонную ночь боль притупилась, стало как-то намного легче дышать.

Тишину нарушил Женька.

— А, смотрите, как получается. У меня нет теперь бабушки Шуры, но появился дедушка.

Василий завел машину и взялся за руль. Это был самый главный поворот в его жизни. И всего-то ничего. Каких-то двести километров в сторону от Москвы.

Двое детей от первого брака

Этот высокий и очень интересный мужчина стал приходить на службу в храм совсем недавно. Он никогда не исповедовался и не причащался Святых Христовых Тайн, а стоял всегда на одном и том же месте по левую сторону от иконостаса, около иконы Николая Чудотворца. Мужчина всегда был один. Кто-то из прихожан видел, как он после службы садился в красивую машину и уезжал. Никто даже не знал, как его зовут.

Прошли большие православные праздники — Рождество, Крещение, Сретение. Церковь готовилась к самому главному празднику года — Пасхе, но до Светлого Христова Воскресения надо было еще преодолеть трудности Великого поста.

Однажды после чтения покаянного канона Андрея Критского мужчина подождал после службы батюшку и попросил у него разрешения поговорить с ним. У отца Симеона был очень трудный день, но он так обрадовался, что мужчина, которого он давно приметил среди своих прихожан, созрел для откровенного разговора, что совсем забыл про свою усталость.

Присели на лавочку в пустом храме. Маленькими звездочками горели у икон лампадки.

— Грешный я, батюшка. Такой грешный, что даже страшно начинать свой рассказ. Сразу после окончания института меня распределили в один тихий уральский городок. Там я познакомился с хорошей девушкой Ниной, и мы вскоре поженились. Один за другим у нас родились два сына. Старший, Федя, а через два года младший, Илюшка. Жили мы с женой очень хорошо. Нам даже квартиру в новом доме дали как молодым спе-

циалистам. Нина тоже, как и я, инженер. Все было хорошо, и вдруг, батюшка, мне как-то сразу все надоело. И работа моя, и семья, и жена, и даже дети. Все. Институтские мои друзья звонили мне из Москвы, рассказывали о своих успехах, кое-кто уже большим начальником стал, а я тут, в этом уральском захолустье, где каждый день похож на предыдущий, как две капли воды. И как, батюшка, мне только мысль-то такая в голову пришла? Решил я сбежать в полном смысле этого слова. Ну, не мог я открыто сказать своей жене, что ухожу от нее и бросаю детей. Струсил. Рассчитался я на работе, а жене сказал, что еду в Москву в командировку. Старший сын очень просил ролики ему привезти из Москвы, а младший — робота. Я, как сейчас, батюшка, вижу, как стоят они на платформе втроем: жена и два сына. Одному пять лет, а другому три годика, и все машут мне рукой, а я уезжаю от них и точно знаю, что больше никогда не вернусь. Никогда... Потом уже из Москвы я написал жене, что уехал навсегда и чтобы она меня не ждала. В Москве мои дела пошли очень хорошо. Со всех сторон мои друзья по институту подставили мне свое плечо, и я быстро встал на ноги. А через год я женился. Я, батюшка, не посмел сказать своей новой жене, что уже был один раз женат и что у меня двое детей. Она до сих пор ничего не знает. У нас родились две дочки. Одной сейчас пять лет, а другой три годика. У меня, батюшка, сердце разрывается от любви к ним. А тут мне стали сниться мои брошенные сыновья. Я не видел их уже почти семь лет. Одному сейчас двенадцать лет, а другому десять. Каждую ночь мне снится, как они провожают мой поезд, машут мне рукой и кричат вслед уходящему поезду: «А мы знаем, папа, что ты никогда к нам больше не вернешься...».

Мужчина схватился за голову.

— Первым делом Вы должны все рассказать своей жене, — сказал отец Симеон.

— Это невозможно. Она никогда меня не простит.

— Это больно, страшно, но сделать это необходимо. Потом надо прийти на исповедь, а там Господь увидит Ваши добрые

намерения, Ваше покаяние и сам все устроит. Милосердный Господь и намерения наши приемлет...

Выясняли отношения на кухне шепотом, чтобы не разбудить детей, которые уже давно спали в соседней комнате.

— Как ты мог? Как же ты мог? — шептала Любочка, жена Сергея, глядя на него несчастными глазами бездомной собаки.

Сергей и сам не мог понять, как он смог сделать такое? Как?

— Значит, и нас с девочками ты сможешь вот так бросить в любую минуту?

Любочка закрыла лицо руками и тихо заплакала. Точно так же всегда плачут и их дочки Варя и Василиса, закрыв лицо ладошками.

— Мне даже подумать страшно о глубине той боли, которую ты причинил своей жене и детям, — сказала Любочка.

Сердце у Сергея кувыркалось в грудной клетке с нечеловеческой амплитудой. Слезы жены его окончательно добили. Любочка, его любимая, самая любимая женщина на земле, плачет из-за него и никогда, никогда его не простит. Разве такое прощают?

Сергей полюбил Любочку по-настоящему уже после свадьбы. С каждым днем их совместной жизни Сергей все больше и больше понимал, какое чудо по имени Любочка ему досталось.

Любочка работала процедурной сестрой в районной больнице. Она всегда жила открыто, нараспашку. Любочка любила всех, и ее все очень любили. Сергею даже казалось, что у Любочки в груди не сердце, а генератор любви ко всем людям, которые ее окружали. Она идет на работу всегда с целой сумкой гостинцев для своих больных. Больные не забывают Любочку и после больницы. Звонят, приезжают.

Сергей подошел к окну. Ему вдруг стало не хватать воздуха, он открыл окно нараспашку и вздрогнул от неожиданности. Любочка обняла его сзади за плечи и уткнулась лицом ему в спину где-то между лопатками.

— Ты должен поехать к Нине, к сыновьям, — сказала Любочка Сергею. — Ты должен встать перед ними на колени и вымаливать прощение.

Любочка и Сергей не спали всю ночь, а утром Сергей поехал на вокзал.

Кому знаком этот страх обратного пути к месту своей подлости, низости, предательства, тот поймет, почему Сергей совсем не спал две ночи и два дня, пока ехал в поезде. А в Москве не спала Любочка. Ее лицо осунулось, под глазами появились черные круги, у нее стали дрожать руки, и она взяла несколько дней отгулов, которые у нее накопились.

Сергей позвонил Любочке через неделю.

— Нина отпустила ребят со мной. Они едут к нам в гости на все весенние каникулы, — сказал он. — Все остальное я расскажу тебе при встрече. Послезавтра в семь утра мы будем в Москве. Целую тебя и дочек.

Любочка уже два часа ходила по магазину «Детский мир» и набирала подарки. В отделе «Все для мальчиков» Любочку окликнул главный врач больницы, в которой она работала. Он выбирал подарок внуку на день рождения.

— Любочка, — сказал главврач удивленным голосом, — а ты что в этом отделе делаешь? У тебя же две дочки.

— Вы просто мало обо мне знаете, — ответила Любочка, счастливо улыбаясь. — У меня еще есть два сына от первого брака.

Знаешь, кто ты после этого?

Маленькому Павлику очень нравилось жить на белом свете. Каждый день жизнь открывала ему свои чудеса, и Павлик только успевал ахать от удивления. Все вокруг так интересно!

Павлик с родителями жил в небольшом поселке недалеко от Москвы, и его давно отпускали гулять одного. В поселке все

друг друга знали, и родители за своих детей не боялись. Это было еще то благодатное время, когда никто ни про каких маньяков и слыхом не слыхивал, да и про железные двери на подъездах тоже.

Двор и детская площадка рядом с домом, в котором жил Павлик, таили в себе уйму загадочного, и Павлик каждый раз, выходя на прогулку, представлял себя первооткрывателем. Вчера, например, он видел на крыше сарая настоящую сороку, которая все что-то рассказывала и рассказывала Павлику на своем сорочьем языке, но Павлик, если честно, не очень-то ее понял. Павлику было всего шесть лет, он этой осенью пойдет еще только в первый класс и сорочьего языка пока не знает.

А позавчера Павлик слышал, как ветер шептался с березкой, причесывая березкину листву на одну сторону. А еще Павлик обнаружил, что, если опустить глаза вниз и повнимательней посмотреть в траву, то можно обнаружить там целый мир маленьких живых существ. Эти существа бегают и суетятся прямо у людей под ногами. Так Павлик обнаружил муравьиную тропу, по которой неутомимые труженики-муравьишки переносили строительный материал для своего домика-муравейника.

А сегодня почти сразу, как только Павлик вышел из подъезда, у него произошла удивительная встреча. Павлик увидел в траве бархатную разноцветную гусеницу с двумя черными пятнышками на голове. Красавица гусеница смело пробиралась сквозь зеленую траву, смешно перебирая своими мохнатыми ножками и не обращая на Павлика никакого внимания. Павлик даже присел на корточки, чтобы рассмотреть гусеницу получше. Павлик знал, ему мама рассказывала, что гусеница должна превратиться в куколку, а куколка потом уже —в бабочку. Если гусеница такая красивая, подумал Павлик, то и бабочка будет, наверное, просто прекрасная. Гусеница тем временем бесстрашно выбралась из травы на асфальт и поползла быстрее. Павлику очень хотелось узнать, куда это она так торопится, и он стал осторожно двигаться за ней прямо на корточках.

Все произошло очень быстро. Сначала Павлик увидел, как чей-то коричневый ботинок навис над гусеницей, придавил ее, и из гусеницы потекла какая-то противная желтая жидкость. Гусеница должна была превратиться в чудесную бабочку, а превратилась в желтое пятно на асфальте. Павлик только успел подумать, что, наверное, бабочка была бы тоже желтого цвета, и поднялся на ноги. Перед ним стоял Колька Осипов из соседнего дома и ухмылялся.

— Зачем? — прошептал Павлик, у него от ужаса даже голос пропал. — Зачем ты это сделал?

— А затем, что все гусеницы вредные, — ответил Колька.

— Знаешь, ты кто после этого? — прошептал Павлик чуть не плача.

— Ну и кто? — спросил Колька. — Даже интересно.

— Ты... ты... ты... — фашист, — выдохнул Павлик страшное слово.

Драка была короткой. Павлик дрался первый раз в жизни. У Кольки опыта по части драк было намного больше. Колька размахивал кулаками и бил Павлика куда придется, а Павлик вцепился в Колькину рубашку и дергал ее из стороны в сторону, как будто именно эта Колькина рубашка и была во всем виновата.

Трофеи подсчитывали дома. У Павлика под левым глазом наливался всеми цветами радуги огромный синяк, а у Кольки не осталось на рубашке ни одной пуговицы. Колькина рубашка превратилась в Колькину распашонку.

Всю ночь после драки Павлик во сне воевал. Павлику снилась война. Боевые действия проходили прямо в его родном дворе. Павлик сидел в окопе с автоматом в руках. Вдруг прилетела его знакомая сорока и застрекотала на своем сорочьем языке, но Павлик на этот раз хорошо понял, о чем она стрекочет:

— Фашисты, фашисты… Будьте готовы. Они уже совсем близко. Их очень много. Фашисты, фашисты...

Павлик приготовил свой автомат к бою. Как только на опушке леса появились черные фигуры, Павлик открыл автоматный огонь. Черные враги падали, а на их месте тут же появлялись другие.

— Нас окружают, —услышал Павлик знакомый голос и увидел прямо перед собой Кольку Осипова с автоматом.

— Уходи, — сказал Павлик Кольке, — я тебя прикрою.

— Я своих друзей в беде не бросаю, — сказал Колька. — Что я —предатель? Займем круговую оборону и будем биться до последнего патрона.

Павлик видел во сне, как совсем рядом с ним один за другим проходили танки, оставляя после себя гусеничный след. Павлик приподнялся, чтобы лучше рассмотреть, чьи это танки — свои или чужие, и в этот момент получил сильный удар в грудь.

— Повезло же тебе, солдат, — Павлик открыл глаза. Перед ним стояла медсестра с маминым лицом. — Твой друг Колька Осипов тебя от смерти спас, на своих руках с поля боя вынес. Тебя ранило прямо в сердце, а Колька тебе свое сердце навсегда отдал.

— А как же он сам-то будет жить без сердца? — ахнул Павлик.

Тут появился сам Колька.

— Ничего, — сказал он. — Проживу. Это почти и не больно...

— Знаешь, ты кто после этого? — спросил Павлик Кольку.

— Кто? — у Кольки от волнения даже голос пропал.

— Ты мой самый-самый настоящий друг...

Ночью после драки Кольке Осипову снилась война. Если ненависть лишь немного царапнула доброе сердечко Павлика, то в сердце Кольки ненависть основательно угнездилась и чувство-

вала себя там полной хозяйкой. Колька Осипов лег спать с мыслью о мести своему врагу Павлику.

Военные действия в Колькином сне проходили во дворе рядом с его родным домом. Колька слышал взрывы бомб, мимо его ушей со свистом пролетали пули. Одна пуля попала в Кольку, и он упал.

— У меня есть еще один патрон, — подумал Колька во сне. — Живым я не сдамся.

И тут Колька увидел Павлика. Павлик был точно в такой же рубашке, какая была вчера во время драки на самом Кольке.

— Держись, Коля, — крикнул Павлик. — Я тебя спасу.

Павлик снял с себя свою рубашку, разорвал ее на две части и перевязал Колькину рану. Очнулся Колька уже в госпитале.

— Благодари, солдат, своего друга, — сказал Кольке доктор в белом халате и кивнул на Павлика. — Твой друг тебя от смерти спас и кровь тебе свою отдал.

— Знаешь, ты кто после этого? — спросил Колька Павлика. — Ты мой самый-самый-самый настоящий друг...

Павлик встретился с Колькой на следующий день во дворе. Это было еще то благодатное время, когда детвора пропадала на улицах и во дворах, а про компьютеры и Интернет никто и слыхом не слыхивал.

Помирились быстро, немногословно, по-мужски, а потом целый день до одурения играли во дворе в войну.

Колька с Павликом играли в войну, а не знали того, что оба уже победили своего первого в жизни страшного врага — ненависть к другому человеку. Ненависть скрипнула зубами от ненависти и пошла искать себе приют в других сердцах. Спаси нас всех, Господи, и сохрани наши сердца от такой страшной непрошеной гостьи.

Кто это тут самый умный?

В своем втором классе Митя был самый умный. Об этом знали все — и Митины одноклассники, и их молоденькая учительница Светлана Павловна. А по-другому и быть не могло. Гены.

Хоть Митя и учился пока только во втором классе, он давно уже знал, что такое гены и что изучает наука генетика. Все это Митя узнал из своих любимых энциклопедий, с которыми практически никогда не расставался. Особенно Мите нравилась старая серия энциклопедий «Хочу все знать».

Умный ген достался Мите, наверное, от его деда, профессора МГУ. Митя тоже хотел стать профессором, только пока не выбрал, каких именно наук, потому что ему нравились все науки без исключения.

Митя легко щелкал задачки повышенной сложности, побеждал на школьных и областных олимпиадах и даже сам не знал, как это у него получается.

Но была, все-таки, одна задачка, которую Митя никак не мог решить вот уже несколько дней. Задачка была в прямом смысле домашняя. Митина мама и Митин папа вдруг ни с того, ни с сего перестали разговаривать друг с другом. Еще хорошо, думал Митя, что он есть у своих родителей, а то как бы они без слов понимали друг друга?

— Митя, скажи папе, что ужин готов. Пусть идет кушать, — просила Митю мама.

— Митя, скажи маме, что я ушел на работу и буду сегодня поздно, — просил папа.

И так каждый день.

Как-то Митя встал ночью в туалет и, проходя мимо кухни, увидел, что папа спит на кухонной тахте, смешно свернувшись на ней калачиком, потому что его длинные ноги на маленьком диванчике никак не помещались.

Митя сидел за своим письменным столом и в очередной раз приступал к домашней никак не решаемой задачке. Задачка у него получалась с тремя неизвестными. Пусть мама будет икс, а папа игрек. Нужно что-то придумать, чтобы икс помирился с игреком. Задача осложнялась еще и тем, что Митя не знал причины конфликта. А это уже, считай, третье неизвестное. Задачки с тремя неизвестными Митя еще никогда в жизни не решал и с надеждой посмотрел на свой книжный шкаф, до отказа забитый энциклопедиями. Где-то, кстати, эти иксы и игреки ему совсем недавно попадались, и Митя потянулся за ближайшим толстым томом. «Женщина с набором хромосом «хх», а мужчина — «ху», — прочитал Митя. — Поэтому женщины могут дать только один тип гамет «х», а мужчины два — «х» и «у». Если встречается мамина «х» хромосома и папина «у», родится мальчик. А если мамина «х» хромосома встречается с папиной «х» хромосомой, родится девочка». На этой же странице в энциклопедии были нарисованы мужчина, женщина, мальчик и смешная девочка с двумя косичками. Тут Митю осенило. Решение задачки пришло само собой, как всегда. Скоро у Мити — день рождения, и родители обязательно спросят его: что ему подарить ? Так было всегда. На их вопрос Митя скажет им: подарите мне сестренку Аленку. Рождение дочки сразу же примирит родителей, подумал Митя, забот с маленьким ребенком прибавится, и ссориться им будет некогда.

Сказано — сделано.

— Может, лучше котеночка или птичку? — растерянно спросила Митю мама, теребя пуговицу на своей кофточке.

Она всегда так делала, когда сильно волновалась.

— Нет, — сказал Митя, — мне нужна сестренка Аленка. Я буду с ней играть, научу ее читать и писать. Она будет такая же красивая, как ты, мама, и такая же умная, как ты, папа. Да и как можно сравнивать человека с какой-то собачкой или птичкой?

Папа молчал, но по тому, как он несколько раз нервно поправлял свои очки на переносице, Митя понял, что он тоже озадачился.

— Я прочитал, что дети рождаются через девять месяцев, а мой день рождения — через месяц, но я подожду. А других никаких подарков мне не надо. Остальное все у меня есть.

Ночью Митя несколько раз вставал и ходил на кухню. На кухонной тахте никого не было.

Как-то в самом начале весны простудилась и заболела учительница третьего класса Светлана Павловна и вместо нее к ребятам пришла на замену завуч школы Алена Николаевна.

— Ну, кто тут у вас самый умный? — спросила она от самого порога. — У меня есть для вас очень сложная задачка.

Весь третий класс дружно посмотрел на Митю, и он с радостью пошел к доске.

Когда трудная задачка была успешно решена и завуч Алена Николаевна похвалила Митю, он сказал:

— А у меня есть младшая сестренка. Ее, как и Вас, зовут Аленка. Она пока очень маленькая, ей всего три месяца, но она уже сейчас все-все понимает, что ей говорят, и узнает маму, папу и меня.

— Вундеркинд, — сказала Алена Николаевна, и Митя с ней согласился.

Хоть он и учился пока только в третьем классе, он уже давно знал значение этого иностранного слова.

Ну, все, все, все...

В кругу своих деревенских сверстников Никитка чувствовал себя кинозвездой мирового масштаба. Когда он начинал что-нибудь рассказывать, ребята, затаив дыхание, смотрели ему в рот.

Никитка учился в Москве в очень престижной гимназии и изучал целых три иностранных языка, а его деревенские друзья

учились в обычной сельской одноэтажной деревянной школе с печным отоплением. Никитка много раз был с родителями за границей, а деревенские мальчишки не видели ничего, кроме своего села, да еще районного центра, поездка в который за сорок километров была целым событием. Никитка и одет был лучше всех, и велосипед у него был самый крутой. В деревне такого и не видывали.

Никитке нравились его деревенские друзья, но чувство превосходства над ними добавляло иногда в его голос несвойственные ему нотки пренебрежения. Эти нотки ему самому не нравились, но он ничего не мог с собой поделать. А друзья ничего и не замечали, или делали вид, что не замечают, и все ему прощали. К Никитке быстро приклеилось уважительное прозвище Сэр.

Кристинка появилась в их деревне во второй половине лета. Она, как и Никитка, приехала на каникулы к своей бабушке. Никитка никогда в жизни не видел таких белокурых девочек, и влюбился в Кристину с первого взгляда. В гимназии ему часто передавали записки от девочек с признаниями в любви, но Никитка не обращал внимания ни на девочек, ни на их любовные записки, а сейчас сам готов был писать Кристинке о своей любви и даже, кажется, в стихах. И не только он один. Большая часть деревенских мальчишек влюбилась в белокурую Кристинку, и все по-разному старались привлечь ее внимание и показать свое преимущество перед другими.

Никитка нажимал на интеллектуальную сторону своей личности. Он много читал, много видел, много знал и очень интересно рассказывал. Кристинка слушала его вместе со всеми с большим вниманием.

— А однажды, — рассказывал Никитка очередную свою историю, — когда мы летели с родителями в Марокко, с нами в одном самолете оказался сам Федор Конюхов.

— А кто это? — спросил Никитку его друг Вовка Лазарев.

— Ты что, одноклеточный? — спросил Никитка у своего друга и противно так хохотнул, поглядывая на Кристинку. — Это же

знаменитый на весь мир путешественник. Да что с тобой разговаривать, — продолжал Никитка, — ты, наверное, и кто такие одноклеточные, тоже не знаешь?

— Почему же не знаю, — ответил Вовка, — знаю. Мы по природоведению проходили. Амебы там всякие и инфузории-туфельки.

— Все правильно, — подтвердил Никитка. — И все, как один, безмозглые существа.

После Никиткиных слов повисла напряженная тишина. Все ребята удивленно смотрели на Никитку, как будто видели его первый раз в жизни. А Никитка уже не мог остановиться. Ему даже казалось, что это совсем не он говорит, а кто-то вместо него.

— Да что вы тут в вашей деревенской школе видите? Живете, как при царе Горохе. А в нашей вот гимназии в каждом классе — компьютеры, интерактивные доски, проекторы, три обязательных иностранных языка, стажировка в Англии, во Франции и США. И учатся у нас только дети дипломатов всяких и консулов.

— А ты? — спросила Никитку Кристинка.

— Что — я?

— Ты тоже сын дипломата?

— Ну... почти, — Никитка немного смутился, но врать он не умел. — Мой папа — декан факультета в институте, а мама — научный сотрудник.

— А моя мама — воспитательница в детском садике, а папа — водитель автобуса, — сказала Кристина.

— У нас в гимназии эти профессии называют обслуживающим персоналом, — сказал Никитка.

— А моя мама — доярка, а папа — тракторист, — сказал Вовка.

— С чем тебя и поздравляю, — ехидно ухмыльнулся Никитка и получил очень ощутимый удар палкой по голове.

— Ты что? — Никитка от неожиданности даже чуть не заплакал. — С ума сошел?

— А все одноклеточные — безмозглые и с ума сойти не могут, потому что ума-то у них никакого нет, — сказал кто-то из ребят.

— Бабушка, бабушка, — кричал Никитка от самого порога, — пошли быстрее разбираться.

Никиткина бабушка сидела на кухне на табуретке и чистила рыбу. Она собиралась испечь любимому внуку пирожки с рыбной начинкой.

— Вовка стукнул меня палкой по голове, — кричал Никитка.

— Вот паразит, — сказала бабушка, вытирая руки о фартук.

— Пойдем, пойдем разбираться, — Никитка тянул бабушку за руку изо всей силы.

Никитку никто никогда в жизни не бил, но он хорошо знал, что, когда в их гимназии происходили столкновения между мальчиками, то всегда после этого приходили разбираться их родители.

Бабушка посмотрела на Никиткину ссадину на голове и пошла за зеленкой.

— Ничего, — сказала она, — до свадьбы заживет.

— До какой свадьбы, ты что? Я вообще никогда не женюсь.

Никитка вспомнил, как осуждающе смотрела на него Кристинка, и ему стало еще больнее.

— За что он тебя? — спросила бабушка Никитку, смазывая его ссадину зеленкой.

— Ни за что. Я просто назвал его одноклеточным.

— Как?

— Ну, одноклеточным. У нас в гимназии все так друг друга обзывают, и никто ни на кого не обижается. А этот сразу палкой дерется.

— И правильно делает, — сказала бабушка Никитке. — И я тебе еще сейчас ввалю.

— Ты что? Ты же моя бабушка. Ты должна меня любить и защищать.

— Вот потому что люблю, поэтому и ввалю тебе сейчас по мягкому месту.

— Ты что? Меня даже родители ни разу в жизни не били.

— Похоже, что зря...

Никитка весь вечер собирал свои вещи. Он позвонил родителям, чтобы они быстрее забрали его домой. Ночью Никитка никак не мог уснуть. Крутился, вертелся в кровати с боку на бок. В голову Никитке приходили только хорошие истории про его деревенских друзей. Как он однажды убегал от козы, а Вовка его защитил. Как он с друзьями ходил в лес за грибами и собрал одни поганки. Ребята научили его потом различать грибы съедобные и ядовитые. Деревенским ребятам было очень смешно, когда Никитка учился косить траву, но никто над ним не смеялся.

Ночью Никитка захотел пить. Он встал и пошел на кухню. Бабушка не спала. Она сидела у окна, горестно подперев рукой голову. Никитка выпил воды и подошел к ней. Бабушка внимательно посмотрела на внука и сказала:

— Запомни, сынок, навсегда, — бабушка всегда называла Никитку сынком, и ему это нравилось, — никто и никогда не должен обижать и унижать другого человека. Бог всем судья, а не люди. И если ты этого не поймешь, ты будешь очень плохим человеком.

Никитка заплакал и уткнулся лицом в мягкий бабушкин бок.

— Ну все, все, все, — сказала бабушка, гладя его по голове. — Все...

На следующий день приехали Никиткины родители. Они купили путевки в Турцию и хотели забрать Никитку с собой, но

он категорически отказался. Никитка с утра извинился и помирился с Вовкой. Вечером они собирались на рыбалку, а днем на футбольном поле Вовка обещал показать Никитке свой коронный удар в «девятку». Потом они еще должны пойти купаться и на конюшню кормить черным хлебом Орлика. Дел полно.

— Ба, скажи ты им, — просил Никитка защиты у бабушки и чуть не плакал. — Не хочу я в их Турцию. Мне у тебя в деревне нравится.

— Отстаньте вы от него, — сказала бабушка Никиткиным родителям строгим голосом. — Он уже большой мальчик и имеет право выбирать сам.

Никитка уткнулся головой в бабушкин мягкий бок.

— Ну, все, все, все, — сказала бабушка Никитке и погладила его по голове. — Все...

Хочешь, я подарю тебе ветер?

За десять лет жизни Вовку пороли два раза. Первый раз — мама, а второй раз — папа. Мама порола Вовку как-то очень смешно и совсем-совсем не больно. У нее не было навыка. Отец порол больно и по-настоящему, основательно.

Мама выпорола Вовку за то, что он обозвал одного толстого дядьку в магазине «жирным окороком». Дядька со своей тележкой никак не хотел стоять в длинной очереди к кассе и, расталкивая всех, и Вовку с мамой в том числе, рвался вперед. Вовка и сказал ему двумя словами все, что он о нем думает. Отец выпорол Вовку за то, что он без спросу взял дома деньги и отдал их совсем незнакомому парню, который обещал продать Вовке свой красивый мопед. Парень деньги взял и укатил на этом мопеде в неизвестном Вовке направлении.

Вовка про эти две порки очень хорошо помнил, но на родителей своих нисколько за это не обижался. Они были правы и в первый раз, и во второй.

Вовка чувствовал, что скоро его выпорют и в третий раз, но от задуманного им дела из-за этого не отрекался.

Вовка с родителями жил все лето на даче, а в соседнем с ними доме, у одинокой тети Клавы, семья москвичей сняла комнату на летний период. В этой семье были мама, папа и маленькая девочка в инвалидной коляске. Девочку звали Зоя, и она была младше Вовки на три года. Зоя целыми днями сидела в своем кресле около дома, дышала чистым деревенским воздухом и только иногда ее очень-очень осторожно, как дорогую хрустальную вазу, возили по длинной и единственной улице в деревне до магазина и обратно.

Зоя всегда была печальна. Для Вовки грустный человек — как инопланетянин. Лично Вовка радовался всему: солнцу, если был день солнечный, дождю, если был день дождливый, снегу, если шел снег. Вовке хотелось жить в разные стороны одновременно. Сущим наказанием было для него посидеть две минуты спокойно.

Несколько раз Вовка пытался рассмешить грустную Зою. Вовка кувыркался перед ней через голову, ходил на руках, рассказывал ей смешные истории про себя и про своих друзей. Но у Зои лишь на одну секунду дрогнут в улыбке уголки губ, и опять ее лицо превращалось в маску печали и горя. Вовка задаривал Зою всякими безделушками и сладостями, но и это мало помогало. Зоя постоянно думала о своей болезни и привыкнуть к ней никак не могла. Зоя перестала ходить после того, как переболела гриппом и получила осложнение на ноги. Зоя много читала и почти всегда сидела с книгой в руках.

— Хочешь, — спросил однажды Вовка у Зои, — я подарю тебе ветер?

Глаза у Зои загорелись интересом.

— Только ты не забоишься? — спросил Вовка на всякий случай.

— Нет, — твердо ответила Зоя.

Вовка привязал на раму своего велосипеда подушку и, подняв Зою с инвалидного кресла, осторожно посадил ее на эту подуш-

ку. Разгонялись медленно. Когда от быстрой езды ветер засвистел в ушах, Зоя засмеялась. Они пролетели всю деревню, доехали полем до самого леса и повернули обратно. Еще издалека Вовка увидел у их дома две фигуры: две мамы, Вовкина и Зоина, застыли от ужаса в одинаковых позах и с одинаковыми глазами-тарелками. Вовка изо всех сил крутил педали, а Зоя одной рукой держалась за руль, а другой махала маме издалека.

— Мама, мама, — сказала она, когда они подъехали, — Вовка подарил мне ветер.

Зоя улыбалась и смеялась от счастья, а Вовка мысленно готовился к порке. Но он нисколько на своих родителей не обижался. Они были правы и в первый раз, и во второй, будут правы и в третий.

Лето прошмыгнуло очень быстро. Вовке казалось, что день отъезда с дачи еще так далеко, но вот он незаметно и наступил. Завтра домой, в Москву. Зоя с родителями еще останется у тети Клавы на пару недель, а Вовка уезжает.

Все лето, почти каждый день, Вовка катал Зою на раме своего велосипеда, Зоя смеялась, а ее родители были счастливы. И никто Вовку за это не выпорол. Вовке страшно не хотелось уезжать, а особенно не хотелось расставаться с Зоей. Вечером накануне отъезда он заявил своим родителям, что хочет жениться на Зое, чтобы не надо было никогда расставаться, и она тогда всегда будет жить с ними.

— Перед тем, как жениться, сынок, надо бы попросить благословение у родителей невесты, — сказала Вовке мама.

— Да и у самой невесты неплохо было бы спросить, согласна ли она пойти за тебя замуж? — добавил отец.

Последнюю ночь на даче Вовка спал спокойно. Все были согласны, чтобы он женился на Зое, — и Зоины родители, и сама Зоя.

Вовке и Зое в ту ночь снился одинаковый цветной сон. Как будто, все люди на земле разучились ходить и превратились в прекрасных бабочек. Ну и красотища же настала на земле!

Зоя поправилась чудесным образом. Исцелил ее один святой источник в Подмосковье. Родители опустили больные Зоины ножки в ледяную воду источника, священник прочитал над ней молитву, и Зоя встала и пошла самостоятельно, без всякой посторонней помощи. «Ты еси Бог, творяй чудеса», — сказал батюшка, а все, кто это видел, плакали...

Очередное лето Господне выдалось на земле жарким и сухим. Люди и животные попрятались от жары, кто куда. И если посмотреть на деревню с высоты птичьего полета, то можно увидеть только двух человек. Очень красивого юношу и очень-очень красивую девушку.

— Хочешь, — спросил юноша у девушки, — я подарю тебе ветер?

— Хочу, — ответила девушка и улыбнулась.

— А ты не забоишься?

— Нет.

Девушка села на раму велосипеда, а юноша закрутил педали. Девушку звали Зоя, а юношу Вовка. Они неслись на своем велосипеде по длинной и абсолютно пустой деревенской улице, и только их лучший друг ветер знал, какие слова шептал Вовка Зое и что Зоя ему отвечала...

Она старше и с ребенком

Единственный и очень любимый родителями сын привел домой женщину старше себя, да еще с шестилетним ребенком по имени Вовка. Жить стали вместе в режиме холодной войны с разделительной полосой по местам общего пользования. Лидии Ивановне и Василию Сергеевичу невестка активно не понравилась. Каждый день они находили в жене сына все новые и новые отрицательные черты и с удовольствием их обсуждали.

Одной только радостью для них стал Вовка. У Лидии Ивановны и Василия Сергеевича никогда не было внуков, а у Вовки никогда не было бабушки и дедушки, и они прилепились друг к другу намертво. Если бы через месяц после женитьбы сына Лидии Ивановне и Василию Сергеевичу кто-нибудь сказал, что Вовка — не их родной внук, они бы смертельно обиделись.

Вовка готовился стать первоклассником, и его новые бабушка с дедушкой стали ему помогать. Сообразительный и способный Вовка быстро усвоил алфавит и счет до ста и обратно, учился писать и хорошо рисовал. Но больше всего на свете Вовка любил слушать бабушкины и дедушкины рассказы про жизнь. Он уже наизусть знал историю про то, как бабушка с дедушкой познакомились в далеком-придалеком маленьком сибирском городе, куда их направили работать после окончания института. Как они ехали туда в одном и том же поезде, только в разных вагонах, целых семь суток. Как они поженились и отмечали свадьбу в рабочей столовой, где вместо свадебных деликатесов были борщ и макароны.

Наступило и быстро прошмыгнуло лето. Почему-то летом дни бегут, как поезд-экспресс, без остановок, а зимой тянутся, как жевательная резинка.

Перед первым сентября Вовка не спал всю ночь. Ему вдруг показалось, что он плохо подготовился, плохо читает, плохо пишет, плохо считает и ему скажут в школе, что он недостоин быть первоклассником, и отправят назад домой.

Лидия Ивановна всю ночь пекла пироги, а Василий Сергеевич ей помогал.

— От первой учительницы, конечно, очень многое зависит, — говорил Василий Сергеевич. — Можно быстро отбить у ребенка всякое желание учиться.

— Поэтому пусть у Володеньки учительница будет в возрасте и с большим опытом работы, — сказала Лидия Ивановна.

Учительница Вовке досталась самая молодая во всей школе.

Она даже ростом была всего чуть-чуть повыше своих первоклассников, только одета по-взрослому.

После торжественной линейки Вовкины родители убежали на работу, а бабушка с дедушкой остались ждать внука.

— Я долго думала, — сказала Вовкина учительница Наталья Петровна, — о чем мы будем говорить на нашем первом уроке? И решила поговорить о самом главном. Уметь читать, писать, считать — это, конечно, важно, но есть что-то, что намного важнее. Я хочу научить вас самому главному в жизни —умению просить прощение и самим всех прощать. Сейчас я расскажу вам одну небольшую историю.

Жили-были две сестры и один брат. И была у них очень молодая и красивая мама. Маме трудно было одной с детьми, и она решила отдать их в детский дом. В этом доме живут мальчики и девочки, у которых совсем нет родителей или, если эти родители даже и есть, то жить со своими детьми они по разным причинам не хотят.

Шло время. Две сестры и брат подрастали, спали на казенных кроватях, ели казенную пищу, носили казенную одежду. В детском доме есть все — и еда, и одежда, и игрушки, но нет самого главного — маминой любви. А это дороже всего на свете.

Через много лет мама двух сестер и брата приехала к ним в детский дом просить у детей прощения. Она заболела, и врачи сказали ей, что она скоро умрет. Сын сразу ее простил, а две дочери — нет. Одной из этих дочерей была я. Сейчас я уже простила свою мамочку за все, но уже слишком поздно. Она меня никогда не услышит, потому что она умерла.

Вот вам первое и самое главное домашнее задание — научитесь прощать, и сами просите почаще прощение у всех и за все.

Вовка еле дождался, когда их отпустят, чтобы добежать до бабушки с дедушкой и рассказать им про свое первое в жизни домашнее задание. Лидия Ивановна и Василий Сергеевич слушали внука, открыв рты.

— Бабушка и дедушка, — сказал Вовка в самом конце своего рассказа, — простите меня за то, что я иногда не слушаюсь вас или чем-то огорчаю. А мне не за что вас прощать. Потому что вы — самые лучшие в мире бабушка и дедушка.

Лидия Ивановна заплакала.

— Прости нас, Валя, за все, — сказал Василий Сергеевич вечером своей невестке, Вовкиной маме.

Вовкина мама заплакала.

Вовка окончил школу с золотой медалью, поступил в духовную семинарию и стал священником в очень дальнем приходе на самой границе Московской и Ярославской областей. У отца Владимира уже пятеро детей. Бабушка с дедушкой давно переехали к нему и очень помогают во всем.

Родители отца Владимира так скучают по нему, по его детям, по любимым старикам, что уже однозначно решили продать квартиру в Москве и переехать в деревню к сыну. В тесноте, да не в обиде.

Скажи дяде спасибо

Утро будней в моей семье всегда начиналось одинаково — с борьбы с заклятым врагом по имени детский садик. Проснувшись, мои дети Зинка и Васька первые десять минут посвящали поиску причины, по которой можно было в этот садик не ходить. Одно условие они выполняли обязательно ––честность. Причина должна была быть глобальной и, самое главное, честной. Если причины не находилось, начинались сборы в детский садик, как на каторгу, причем, пожизненную.

На сей раз на седьмой минуте Васька закричал:

— Ура! У меня зуб качается.

Васька открыл рот и продемонстрировал амплитуду колебания своего молочного зуба. Амплитуда была впечатляющей, и мы начали сборы к стоматологу.

Зинка пожала своему младшему братику руку.

— С меня причитается, — добавила она и полезла в свою заветную коробочку. Чем она отблагодарила Ваську, я не видела, но оба остались довольны.

Стоматолог справился с Васькиным зубом за шесть секунд. Зуб держался на честном Васькином слове.

По отработанной семейной традиции программу дня составляет наиболее потерпевший член нашей семьи. Сегодня «пострадавшим» был Васька.

— Мам, пойдем к дяде Сереже, — попросил он у меня.

— На помойку, — уточнила наш маршрут Зинка.

Несколько месяцев назад во время прогулки у нашего дома к Ваське подошел заросший, седой, бородатый и очень плохо одетый старик и угостил его яблоком. Мы стояли с Зинкой в двадцати шагах и дружно заорали в две глотки на весь двор:

— Скажи дяде спасибо!

Зинка была старше брата на целый год и считала своим долгом опекать его на каждом шагу. Зинка отшлифовывала свой материнский инстинкт на младшем Ваське: у чужих ничего не бери, всякую дрянь не собирай, в лужи не лезь, руки мой, в рот ничего грязного не пихай… Зинка помешалась на чистоте. Ее голова мгновенно представила миллиарды микробов, прыгающих и бегающих на немытом дядькином яблоке. Моя фантазия пошла дальше: я вспомнила весь перечень детских инфекционных заболеваний и реанимацию.

— Скажи дяде спасибо! — снова хором, как по команде, заорали мы, видя, что наш Васька спокойно взял яблоко и тут же его откусил.

У меня подкосились ноги, а моя Зинка от страха за Ваську заплакала. Чтобы Зинка заплакала, нужно очень-очень хорошо постараться. По натуре она авантюристка, и ее ничем не прошибешь. Она даже родилась на свет на два месяца раньше положенного срока, так ей было интересно узнать, что же там, на белом свете, происходит? Васька, в отличие от своей сестры, рождаться на белый свет естественным путем никак не хотел. И когда все мыслимые и немыслимые сроки прошли, пришлось применить кесарево сечение, чем Васька был очень недоволен.

Пока мы справились со своими эмоциями и бегом преодолели двадцать шагов, Васька благополучно догрыз несчастное яблоко. Можно было бы схватить Ваську за шиворот и увести домой, но насилие в нашей семье никогда не применялось, и мой сын подумал бы, что я сошла с ума. Васька привык к интеллигентному обращению со своей персоной.

Старик оказался местным бомжем и контролировал несколько помоек в нашем районе.

— Мам, давай пригласим старенького дядю на твой день рождения, — выдал мне мой пятилетний сын.

Старенького дядю звали дядя Сережа. Грязного до такой степени человека моя Зинка еще никогда не видела и от шока потеряла дар речи. Чтобы Зинка потеряла дар речи, надо было очень хорошо постараться. По натуре она болтушка. Это был явно не Зинкин день…

Мы нашли дядю Сережу на третьей помойке. Он с интересом листал многолетнюю подшивку журнала «Наука и жизнь», от которой кто-то благополучно избавился. Васька с радостью присоединился к просмотру научно-популярного журнала, а мы с Зинкой ждали, пока старый и малый наобщаются, и можно будет угостить дядю Сережу йогуртами, которые он очень любит по причине полного отсутствия зубов.

Осень налетела в конце августа, не выдержав календарно положенного срока. Осень в нашей семье открывает сезон болезней. Первым всегда заболевает Васька, потом эстафету принимает

Зинка, а уж потом дело доходит и до меня. Но у меня с болезнями разговор короткий. Оставшись с болезнью один на один, я говорю ей все, что я о ней думаю, но так, чтобы только дети не слышали, и болезнь обычно понимает мою лексику очень быстро и со мной не связывается. Мне болеть нельзя. У меня двое детей дошкольного возраста.

Васька лежал с температурой, а мы с Зинкой воевали с армией микробов, пробивших оборону Васькиного организма.

Осень от злости бросала в наши окна ушаты ледяной воды. Ну и характер у этой рыжей дамы.

— Мам, а где в такую погоду ночует дядя Сережа? — спросил у меня температурящий Васька.

Мы с Зинкой дружно вздрогнули. В теплое время года вопрос о месте ночевки дяди Сережи никогда не обсуждался.

— На помойке, где же еще? — ляпнула Зинка и прикусила язык, посмотрев в окно. Осень завыла. Ей, наверное, кажется, что она поет.

Температурящий Васька заплакал, и мы с Зинкой пошли одеваться. Зинка оделась быстрее меня.

На третьей от нас, самой любимой дядей Сережей помойке, он лежал у переполненного контейнера, накрытый красным ватным одеялом. Мне страшно было даже представить, во что превратились одеяло и одежда на дяде Сереже под таким ливнем. Ледяной осенний дождь окончательно растопил сердечко моей Зинки, и она первая сказала:

— Мам, давай возьмем дядю Сережу к нам.

Через неделю в нашей квартире раздался звонок из Америки.

— Я все никак не дождусь, когда ты примешь, наконец, разумное решение.

С этого начинался каждый разговор с отцом Зинки и Васьки. Он и его родители уехали в Америку на постоянное место жительства и звали туда же меня вместе с детьми.

— Даже погода у вас там отвратительная, а у нас круглый год лето.

Какой ужас, подумала я.

Отец моих детей тратил свои драгоценные доллары, чтобы описать, как хорошо ему там, в американском раю.

После чужеземного звонка мне всю ночь снились отец моих детей и американские доллары. Отец моих детей тыкал пальцем в долларового президента и менторским тоном говорил мне:

— Скажи дяде спасибо…Скажи дяде спасибо…

Утро в моей семье всегда начинается одинаково — с борьбы со злейшим врагом — детским садиком. Первые десять минут утром мои дети Васька и Зинка ищут честную причину, чтобы в этот садик не ходить. На седьмой минуте Зинка закричала:

— Ура, у меня, кажется, ячмень!

Все посмотрели на Зинкин левый глаз.

— С меня причитается, — сказал Васька сестре и полез в свою заветную коробочку.

Чем Васька отблагодарил Зинку, я не видела, но оба остались очень довольны.

Через несколько дней, когда прошел Зинкин ячмень, по ее же предложению на правах «пострадавшей», мы всей семьей пошли в зоопарк.

Васька может часами стоять у клеток с тропическими птицами, Зинка в восторге от хищников, я люблю жирафов, а дяде Сереже очень нравятся пингвины. Из уважения к старому человеку мы взяли курс на пингвинов.

Только не вешайте трубку

Телефон зазвонил совсем не вовремя, когда я пыталась поставить всю свою семью по стойке «смирно», но это у меня плохо получалось. Децибелами своего голоса я старалась докричаться до спящей совести двух моих сыновей и мужа.

Если после моего дикого крика наши соседи обменяют свои квартиры на другой дом, или на другую улицу, или даже на другую планету, я нисколько не удивлюсь.

Мой младший сын, второклассник, принес «двойку», потому что просидел у телевизора и не выучил стихотворение. Мой старший сын принес «двойку», потому что просидел у компьютера и не сделал домашнее задание по физике. Мой муж уже третий месяц никак не может починить отвалившуюся дверцу у кухонной мойки, и каждый раз, когда надо что-нибудь выбросить в помойное ведро, дверца падает и больно бьет меня по ноге. Молодежь научилась вовремя отскакивать, муж научился ничего не выбрасывать, а у меня голова забита другими проблемами, и я все время забываю увернуться, и дверца от мойки больно бьет меня по одному и тому же месту на одной и той же ноге. Мне хотелось рвать и метать, рвать и метать... Я даже знала, что рвать и в кого метать, — я посмотрела на дневник старшего сына и на лицо родного мужа.

Децибелы моего крика подействовали. Старший сын выключил компьютер, младший взялся за книгу, а муж — за молоток.

Я подняла трубку.

— Здравствуйте, — сказала мне телефонная трубка женским голосом. — Я очень старая Наталья, и вы меня не знаете. Только не вешайте трубку. Я набрала цифры своего телефонного номера в обратную сторону и дозвонилась до вас. Только не подумайте, что я одинокая или сумасшедшая. У меня большая семья. Вот вечером соберутся сын, сноха, внук и внучка — народу будет много, а так я весь день одна. Мой муж умер два года назад. Я

с молодости неказистая, а муж-то у меня был видный. За ним все девчонки из нашего общежития табунами бегали, особенно, когда он надевал свои красные шаровары.

Семья увидела, что я потеряла бдительность, и вернулась на свои исходные позиции: старший сын — за компьютер, младший — за телевизор, а муж — за газету. Я скрипнула зубами.

— Все девчонки, — продолжала трубка, — мечтали выйти за моего мужа замуж, а я, зная, что у меня нет никаких шансов, записалась в кружок игры на гитаре. Потом сами собой стали писаться стихи и песни. Всем очень нравилось меня слушать. Однажды в нашу комнату в общежитии пришел мой будущий муж и, послушав, как я пою, сказал: «Ты будешь моей женой и родишь мне мальчика и девочку». Так оно и вышло. Мы жили очень счастливо. Когда супруги живут долго и счастливо и один из них умирает, то тому, кто остается жить, намного тяжелее... Хотите, я почитаю вам свои стихи?

Я успела прикрыть рукой телефонную трубку, цыкнуть на младшего сына и показать кулак старшему. Жаль, что муж был вне поля моей видимости.

Трубка начала читать свои стихи, и у меня сразу, с первой же строчки, напрочь перекрыло дыхание.

Примерно через час мы попрощались, и я повесила трубку с давно забытым ощущением счастья. Самые пронзительные строчки еще держали мою голову в своем плену, а глаза уже возвращали к реальности окружающего мира.

Трое моих мужчин оторвались от компьютера, от телевизора и от газеты и посмотрели на меня голодными глазами, и я им, совершенно неожиданно для самой себя, улыбнулась... Мне вдруг захотелось вместо дежурных магазинных пельменей приготовить своим мужчинам что-нибудь вкусное, и я потянулась за сильно запылившейся книгой «О вкусной и здоровой пище», которую муж подарил мне лет десять назад на юбилей нашей свадьбы.

Квартира заполнялась ароматами, и доверчивые желудки моих сыновей и мужа запустили программу соковыделения. Вся семья потянулась на кухню.

Младший сын к тому времени выучил стихотворение, старший сын решил задачу по физике, а муж починил дверцу у мойки. В кулинарном училище за приготовленный ужин мне бы точно поставили «пятерку».

Через несколько дней муж пришел домой со школьного родительского собрания с глазами разъяренного бизона, а я, как нарочно, была в красном халате. Младший сын тут же нырнул в ванную и закрылся изнутри. Старший сын скрылся в туалете и щелкнул задвижкой. Я приготовилась принять удар на себя, и в моих ушах отчетливо зазвучал похоронный марш.

И в этот момент зазвонил телефон. Муж случайно оказался территориально ближе всех к аппарату.

— Здравствуйте, — сказала моему мужу телефонная трубка женским голосом. — Это я, очень старая Наталья, и вы меня не знаете. Только не вешайте, пожалуйста, трубку...

Примерно через час муж закончил разговор и подошел ко мне.

— Я все забываю тебе сказать... Как же сильно я тебя люблю...

Муж обнял меня за плечи.

— А где наши охламоны? — спросил он.

— В туалете и в ванной прячутся, — ответила я.

— Пусть выходят на свободу, — сказал муж, — и пойдемте пить чай.

Ты больше похож на маму

Я влюбилась в него с первого взгляда, как только увидела на пороге нашего храма. На вид ему было лет шесть или семь, и он был похож на грустного ангела с широко открытыми небесными глазами.

— Тетенька, — обратился он ко мне, — куда мне поставить свечку о выздоровлении моей тяжело болящей мамы?

Я показала ему икону Пантелеимона Целителя. Детская безгрешная молитва доходит до Бога вне всякой очереди, и Господь обязательно спасет маму этого мальчика, подумала я.

— Как зовут твою маму? — спросила я. — Я тоже буду за нее молиться.

— Марина, — ответил мальчик.

— Исцели, Господи, рабу Божью Марину. А тебя как звать? — спросила я у него.

— Сережа, — ответил мальчик.

— Исцели, Господи, рабу Божью Марину, маму отрока Сергия.

Так состоялось наше первое знакомство с мальчиком Сережей.

Сережин отец в храм не заходил, а ждал сына на улице. Мы вышли из храма вместе.

— Мой папа очень хороший, — оправдывал Сережа своего отца, — но только он в Бога совсем не верит.

— А кому он вместо Бога верит? — спросила я.

— Он верит врачам. А я вот им не верю. Они сказали, что моя мама скоро умрет. А я же знаю, что Бог сильнее всех, и он обязательно вылечит мою любимую мамочку. Правда? — Сережа с надеждой посмотрел на меня своими небесно-голубыми глазами.

— Правда, — ответила я без всякого лукавства.

Стояла золотая осень. Бабье лето. Птицы уже собирались на юг. Их сезонные миграции совсем не совпадают с сезонными миграциями людей. Летом птицы летят на север, а осенью — на юг, а люди — наоборот. У каждого своя правда и своя потреба. У птиц — своя, а у людей — своя.

А вот мне никуда не надо было спешить. Я в отпуске. Я честно отработала все три летних месяца, когда нормальные люди купались в море или объедались ягодами на дачах. Я тихо шла по улице, радуясь солнечному осеннему деньку, а больше всего тому, что я совершенно свободна от суеты и мне никуда не надо торопиться.

Навстречу мне так же тихо шел высокий мужчина, и я сразу его узнала. Это был отец того мальчика Сережи с небесными глазами.

— Простите, — не удержалась я, — я знаю от Вашего сына, что у Вас тяжело болеет жена. Как сейчас у нее дела?

Глаза у мужчины были умные и задумчивые. Мы присели на ближайшую скамейку.

— Жене сделали операцию и...

— И что? — я не выдержала его паузы.

— И никакой опухоли не обнаружили. Сегодня ее выписывают домой. Через час я забираю ее из больницы. Сережа придет из школы, а мама уже дома. Врачи говорят, что это чудо. Да я и сам понимаю, что чудо. На всех снимках опухоль была, а на самом деле ее нет...

Я внимательно смотрела на мужчину и слушала его.

— А Сережа совсем на Вас не похож, — неожиданно сказала я.

— Да, — ответил мужчина и улыбнулся, — все говорят, что он больше похож на маму.

— Если сын больше похож на маму, то он будет в жизни очень счастливым, — сказала я. — А дочка, чтобы стать счастливой, должна родиться похожей на папу.

— Самое удивительное, — сказал мужчина, — что Сережа — мой родной сын, а Марина ему мама, но только не родная. Родная мама Сережи умерла, когда Сереже было всего три месяца. Я тогда сам взял отпуск по уходу за ребенком. На работе меня поняли и пошли навстречу. Однажды Сережа сильно заболел, и я бегал по аптекам за редким лекарством, а Марина как раз в аптеке и работала и очень мне помогла. Так мы и познакомились. А потом и поженились. Сереже полгодика было. Но все говорят, что Сережа больше похож на маму. Глаза у них одинаковые. Небесные.

Второй раз я встретила Сережу с мамой и папой около храма.

— Здравствуйте, — он первым увидел меня. — А это моя мама. Она совсем-совсем выздоровела. Правда, я очень похож на маму? — спросил меня Сережа.

— Правда, — ответила я без всякого лукавства.

На меня смотрели две пары абсолютно одинаковых ангельских небесных глаз — Сережи и его мамы Марины.

— А мы пришли поблагодарить Бога за его помощь, за то, что моя мама совсем выздоровела и ее выписали из больницы, — добавил мальчик Сережа.

Сережины родители скромно молчали и только улыбались, слушая нас. Мне так захотелось сделать что-нибудь хорошее для этих замечательных людей, и я вспомнила про икону Спасителя, которую подарила мне сегодня в храме одна прихожанка. Она привезла эту икону из Иерусалима.

— Пусть благодать Господа нашего Иисуса Христа будет всегда с вашей семьей, —сказала я, отдавая им икону.

— А правда, — спросил меня мальчик Сережа, — что, если я очень похож на маму, то всегда буду счастливым?

— Правда, — ответила я, и нисколько в этом не сомневаюсь.

Лето теплое, трава зеленая, небо голубое

— Хочешь прилично заработать? — спросила Риту ее подруга.

— Хочу, конечно, — ответила она.

— Нужна помощница к ребенку-дауну в очень состоятельную семью. Молодые родители души в нем не чают, но оба работают. В выходные дни они сами с ним колупаются, а в будни им помощь нужна за очень-очень приличные деньги.

— Я согласна, — сказала Рита. — А сколько лет ребенку?

— Около десяти. Он не ходит, они возят его на инвалидной коляске. Он и не разговаривает.

— Совсем?

— Совсем. Только мычит.

— А как его зовут?

— Серафим. Редкое имя. Родители назвали его так в честь Серафима Саровского. Он у них родился в День памяти этого святого.

— А когда можно приступать к работе? — спросила Рита.

— Да хоть завтра. Они только рады будут.

Серафим сидел в инвалидной коляске с открытыми глазами, но с совершенно отрешенным от окружающего мира видом.

— Он иногда смотрит очень внимательно, осознанно, — говорила Рите Лена, мама Серафима. — Особенно, я заметила, он понимает детские стихи, ну, самые-самые простые: «Наша Таня громко плачет. Уронила в речку мячик...».

— И на солнце он очень любит смотреть, — добавил Борис, отец Серафима. — Я пробовал, но сразу зажмуриваюсь, а он смотрит

своими ангельскими глазами, и хоть бы что. Не зажмуривается и не отворачивается. Удивительно...

Родители Серафима Рите очень понравились. Было видно, что они любят своего больного, беспомощного ребенка. Они целовали его бессчетное количество раз, говорили ему ласковые слова, как будто он их понимал.

Рита выбрала свою тактику общения с Серафимом. Она стала рассказывать ему обо всем, что видела вокруг себя. Про желтый цветочек одуванчика, про шустрого воробья, который купался в лужице, про божью коровку...

— А вон посмотри, Серафимушка, — говорила Рита, когда они выходили на прогулку, — какое небо синее, какая трава зеленая, какое лето теплое...

Гуляя с Серафимом каждый день по несколько часов, Рита исколесила в буквальном смысле слова весь их микрорайон вдоль и поперек. Однажды, прячась от дождя, она завезла коляску с Серафимом в маленький деревянный храм на самой окраине большого парка.

— Мальчик Ваш крещен? — спросила Риту женщина из церковной лавки.

— Да, — ответила Рита. — Его Серафимом зовут. В честь Серафима Саровского.

— Не может быть, — ахнула женщина. — А наш храм как раз во имя преподобного Серафима. Пойду батюшку позову.

Батюшка окропил Риту и Серафима святой водой и подарил книгу про Серафима Саровского с молитвой к этому святому.

— Молитесь, — сказал батюшка Рите. — Материнская молитва — самая сильная, она со дна моря достает. Господь не оставит вас. Убогих так называют потому, что они у Бога, рядом с Ним.

Рита не стала говорить батюшке, что Серафим ей не сын.

Раньше она ждала выходные как спасение от не очень любимой работы, а сейчас стала замечать, что скучает в субботу и вос-

кресенье без Серафима и ждет не дождется понедельника.

Рита научилась катать Серафима на детских каруселях. Посадит его к себе на колени и накручивает круги, отталкиваясь ногами от земли.

Несколько раз Рита причащала Серафима в том самом деревянном храме, куда они заходили во время дождя. А однажды Рите приснился сон: как будто она везет коляску с маленьким Серафимом, а навстречу им идет сам Серафим Саровский и говорит: «Хватит тебе, Серафимушка, сиднем сидеть. Вставай-ка ты на свои ножки и бегай, как все дети бегают».

Рита вскочила, как ошпаренная. После этого сна родители Серафима решили везти своего ребенка в Дивеевский монастырь к мощам Серафима Саровского. Рита напросилась с ними.

Когда они приехали в монастырь, храм с мощами святого Серафима уже закрыли, но их чудом пропустили. В абсолютно пустом храме приложились к мощам преподобного Серафима и долго-долго, преклонив колени, молились. Каждый своими словами, как мог.

Когда уже собрались уходить, неожиданно сломалась инвалидная коляска, в которой сидел Серафим. Заклинило какой-то механизм, и колеса перестали крутиться. Борис хотел взять Серафима на руки, но мальчик вдруг сам встал на дрожащие, еще очень слабенькие ножки и, расставив свои руки для равновесия в разные стороны, как крылья, сделал несколько шагов вперед...

На обратном пути домой остановились отдохнуть и немного перекусить на природе.

— Смотри, Серафимушка, — говорила Рита мальчику, когда они вышли из машины, — какое лето теплое-теплое, какая трава зеленая-зеленая, какое небо голубое-голубое...

Послесловие члена редакционного совета «Московских епархиальных ведомостей», члена епархиального отдела по взаимодействию со средствами массовой информации, главного редактора православного альманаха Видновского благочиния «Письмо к твоей душе», сопредседателя конкурсной комиссии Ежегодного православного районного конкурса литературного творчества «Благословение» иеромонаха Софрония (Горохольского)

Можно задать вопрос: «Зачем церковь издает светскую литературу и устраивает такие конкурсы?». Ответ на него очень прост. Церковь использует любую добрую возможность для развития и просвещения людей лучами Божественного дара — таланта.

Очень важно помочь ему не только возрасти, но и окрепнуть, мужать: от маленького росточка неясных ощущений и примитивного мироведения до богатства собственного опыта, великих мысленных прозрений, духовной чистоты и самое главное — поиска непреложной Истины. Только тогда этот талант превратится в настоящий бриллиант, а в нашем случае, фолиант литературы. И никогда не оскудеет его источник, потому что будет чист.

Также актуальной для церкви является задача содействия в возрождении культуры русского языка, особенно среди детей и молодежи. Человек должен уметь излагать свои мысли по-человечески. К сожалению, немногие сейчас задумываются о том, что слово — это оружие обоюдоострое, способное убивать или воскрешать, и используют его без всякого рассуждения.

Ничто и никогда не сможет заменить книгу, которая, кроме содержания, имеет еще разные формы восприятия. Осязание фактуры листа; запах полиграфической краски, библиотечной пыли или старого дома; кляксы, царапины, замятые углы и загибы; осознание того, что именно эту книгу, также, как ты сейчас, когда-то давно держали в руках твои предки или близкие

тебе люди, — все это, если хотите, способ личного самосознания, удобная достижимость ощущения связи времен, воспоминаний, жизненных судеб. А как сейчас ее не хватает нашему современному и одинокому человечеству!

Если кто-нибудь из вас когда-либо принимал участие в конкурсах, пытался заниматься творчеством, то знает, насколько это нелегкий процесс. Он сопряжен с огромным трудом многих людей, букетом дарований, фонтаном идей, авторских вдохновений, опытом профессионалов, спорами, эмоциями, работой над ошибками и колоссальными нагрузками.

Именно так рождается в мир каждая наша книга, и если она тронула вашу душу, разогрела сердце и вдохновила на что-то светлое, значит, все это было не напрасно.

Послесловие старшего научного сотрудника Института мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, председателя Ленинского отделения Московской областной организации Союза писателей России, сопредседателя конкурсной комиссии Ежегодного православного районного конкурса литературного творчества «Благословение» Алексея Павловича Зименкова

В Ленинском районе немало людей занимается литературным творчеством. Все они должны иметь возможность поделиться с другими своей устремленностью к добру и красоте, своими наблюдениями, переживаниями и размышлениями об окружающем мире. Лучшим надо помочь опубликоваться и даже выпустить книги, чтобы их талантливые произведения не пребывали втуне, а своим живым светом и теплом питали каждого из нас.

Организованный по инициативе Видновского благочиния конкурс «Благословение» способен дать многое из того, что требуется сегодня районным поэтам и прозаикам. Инициатива Видновского благочиния полезна и своевременна еще и потому, что в течение более тысячи лет православная духовность задавала русской словесности систему моральных и эстетических координат.

Этому благотворному влиянию мы не должны позволить прерваться. Ибо современная отечественная литература только в том случае будет соответствовать своему высокому общественному предназначению, если продолжит важнейшее дело нравственного просвещения и воспитания нашего народа. Продолжит дело, которому посвятили себя без остатка Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Некрасов, Толстой, Достоевский, Лесков, Чехов, Шмелев, Шолохов, а вместе с ними десятки других наших писателей-подвижников, хранителей и созидателей великого русского языка.

Об авторе

Лариса Гладких — учитель химии и биологии. Ее педагогический стаж насчитывает почти тридцать лет, и все эти годы она работает в Измайловской средней школе Ленинского района Московской области.

Многолетний труд Лариса Гладких в деле воспитания и образования молодого поколения высоко оценен. Она — победитель конкурсов «Учитель года» Ленинского района (1992), «Учитель года» Московской области (1993) и конкурса лучших учителей Российской Федерации (2006). За

успехи в работе ей присвоено звание «Заслуженный работник образования Московской области» (1999).

Литературным творчеством Лариса Гладких увлекается давно, еще со студенческих лет. Ее рассказы печатались в журналах «Работница», «Русский дом», в альманахах «Письмо к твоей душе», «Золотые протуберанцы» и «Sostояние», а также в сборнике «Мы живем, чтобы помнить…». Зеленый свет и широкую дорогу к читателю для Ларисы Гладких открыла районная газета «Видновские вести», где более десяти лет печатались ее рассказы.

Победа в первом Ежегодном районном православном конкурсе литературного творчества «Благословение» (2012) на приз альманаха Видновского благочиния «Письмо к твоей душе» говорит о серьезности и значительности ее литературного дарования.

Первый сборник рассказов Ларисы Гладких «Кабы я была царица…» вышел в 1996 году в издательстве «Феникс». «А после дождя бывает радуга» — вторая книга автора.

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово председателя Миссионерского отдела Московской епархии протоиерея Михаила Егорова 4

Приветственное слово председателя Правления Московской областной организации Союза писателей России Л.К. Котюкова 5

От автора 6

Невыносимая легкость бытия

Глагол будущего времени 8

Открытка с видом на море 10

Я знаю конец этой сказки 16

Я сошла с ума. Извините 18

Два пишем, три в уме 22

Кошка, собака и я 26

Пойдем, я тебя провожу 28

Тебе нельзя волноваться 31

Я вот только пока не знаю, хорошо это или плохо 34

Как страшно отрываться от земли 38

Я сейчас встану и уйду 42

Я спокойна, я абсолютно спокойна 46

Все нормально, пап 50

Большие девочки не плачут

Второй раз мне повторять не надо 56

Вот за это я и не люблю осень 60

Мужчинам лучше этого не знать 64

Ой, да знаю я его как облупленного 69

По порядку рассчитайсь! 72
Сделай, как было 77
Будь здоров, не кашляй 82
Спасибо, вы очень любезны 86
Даю тебе две минуты 89
Об этом вслух не говорят 92
Пойду-ка я спать 94
Мне кажется, что у вас будет мальчик 99

Время дождя
Всех люблю и всех целую 104
Очень больно, но я потерплю 108
Самолет идет на посадку 111
Уходя, гасите свет 114
Набранный вами номер не существует 116
Красивая женщина пожилого возраста 120
Дожди не обещали, обещали холода 123
Ангелы живут на облаках 127
Закон Ома для замкнутой цепи 131
Просто идет дождь 135

Это почти не больно
Это почти не больно 140
Что снится бездомной собаке в холодную зимнюю ночь? 143
Пустите меня, я не буду плакать 146
И сказал Серый Волк добрым голосом 150
Как слышится, так и пишется 152
По-хорошему ты не понимаешь 156

Птица с одним крылом 160
Ты уже большой мальчик 162
Челябинск — это где? 166
Чур, только не обижаться 168
А потом все пройдет 172
Я буду называть тебя Зайчиком 177
Я открою дверь своим ключом 179

Самое красивое на земле — небо
Самое красивое на земле — небо 184
Будем считать — ничья 189
Далее — со всеми остановками 192
Подарок Младенцу Христу 196
И я тоже твой, Господи 199
Там была какая-то грустная история 204

Черного цвета в радуге нет
Черного цвета в радуге нет 208
Другого не будет 212
Зима — не лето 219
Дед Мороз, выходи! 226
Спасибо, милый, больше не надо 230
Там, где кончается небо 232
Бабочка на лобовом стекле 238
Двое детей от первого брака 242
Знаешь, кто ты после этого? 245
Кто это тут самый умный? 250
Ну, все, все, все... 253

Хочешь, я подарю тебе ветер? 258

Она старше и с ребенком 262

Скажи дяде спасибо 265

Только не вешайте трубку 271

Ты больше похож на маму 274

Лето теплое, трава зеленая, небо голубое 277

Послесловие главного редактора православного альманаха Видновского благочиния «Письмо к твоей душе» иеромонаха Софрония (Горохольского) 280

Послесловие старшего научного сотрудника Института мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук А.П. Зименкова 282

Об авторе 284

Национальный Фонд Святого Трифона
ФОНД ВОЗРОЖДЕНИЯ НАРОДНЫХ ТРАДИЦИЙ

Напечатано при поддержке Национального Фонда Святого Трифона